

ОЛЕ АЛДЕР

Деникс

Никогда не думала, что могу так чувствовать. Гоша ворвался в мою серую, спокойную жизнь, как ураган, как тайфун. Едва коснувшись меня, он пробудил вулкан желаний и стихию страсти. В его глазах я вижу восхищение. В его словах не чувствую фальши. Я особенная для него. Я его муза. Он мое наваждение. Что это: спасение или наказание?

- [Феникс](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Эпилог](#)
-

Глава 1

Ад. Филиал ада на земле – это детская комната в торговом центре в воскресенье днем. Родители уже забрали детей от бабушек, но забыли закупиться продуктами, пока любимое чадо было в гостях. Чем они занимались всю субботу, м? Делали новых детей? А старого вот додумались сдать в игровую, чтобы быстренько пробежать по супермаркету и смести с прилавков провиант на неделю.

В общем, это умно. Все лучше, чем таскать мелочь за собой, одергивая: «Это не бери. Туда не ходи. Нет, тебе нельзя пончики – диатез». Для таких умных родителей и создана игровая около входа в магазин. Сдай ребенка, заплати сто рублей и будет тебе счастье. Дети – счастье в принципе, а возможность оставить их на час под присмотром – это просто сказка.

Такую сказку я и делала былью чуть ли не каждый день, работая няней в игровой комнате. Люблю детей. Нет, я без иллюзий. Мелюзга сейчас весьма избалованная пошла, наглая, иногда жестокая, но к любому я старалась найти подход. Обычно получалось. Не зря все-таки заканчиваю педагогический вуз. Заочно. Не хватило баллов при поступлении. Но в армию мне не идти, а работать я не боюсь.

Папа настаивал, чтобы я больше времени уделяла учебе, но я все равно время от времени устраивалась подработать, чтобы не сидеть у него на шее. Перед дипломом очень удачно подвернулась вакансия в детской комнате. Деньги неплохие, обязанности понятные, график щадящий. Ответственности – тонна. Все-таки дети существа непредсказуемые, склонные к саморазрушению и конфликтам. Но пока мне везло. Все острые моменты удавалось сгладить или погасить в зародыше. Страшнее всего было, когда одна малышка упала и расквасила лоб до крови. Но перекинь водорода, объятия и переключение внимания сделали свое дело. Когда за ней примчались родители, их встретил улыбающийся ребенок. Я ждала упреков, а то и скандала, но люди оказались вменяемыми. Повезло.

В общем, работа мне нравилась. Я с удовольствием приходила в будни, открывала комнату, принимала-сдавала мелочь, иногда даже играла с ними, если было немного народу. Но в воскресенье почти с самого начала смены у меня голова шла кругом. Уж слишком много было желающих.

Принять ребёнка, записать имя, телефон родителя, время захода, выдать ключ от шкафчика, дать попить, посадить пописать, сказать, чтобы не кидались шариками из бассейна, предложить куклу вместо плюшевого зайца, которого грозили порвать на две части, сдать ребенка, посчитать, сколько заплатить, забрать ключ от шкафчика, спасти теперь уже куклу, обменяв на зайца, собрать шарики, которые все-таки раскидали мелкие демоны.

Ад. Или я уже говорила?

В общем, уже к обеду голова у меня шла кругом. Обычно мы работаем по половине дня, но сегодня меня попросили выйти на целую смену. Ближе к вечеру я стала смотреть волком на всех, кто приближался к моим владениям. Как никогда была солидарна с родителями, которые категорически отказывали отпрыскам в просьбе запустить их в игровую. Да-да, нечего. Идите мимо. У нас тут и так уже толпа пупсов.

К семи народу стало поменьше, но доброты мне это не прибавило. Особенно раздражали папашки, которые вместо того, чтобы побыть с ребенком, засовывали их ко мне.

Некоторые даже не стеснялись заигрывать. У меня выработалась аллергия на таких товарищей. Мужчина с ребенком вызывал отторжение и неприязнь априори. А мужчина с ребенком в воскресенье вечером легко мог довести меня до истерики одним своим появлением у входа в игровую зону.

- Пап, папа, там батут. Я хочу, пап, - услышала я детский лепет. – И горка. Горка, папа.

Скосив глаза, я увидела девчушку лет трех-четырёх. Букву «р» она говорила на удивление чисто и вообще произносила слова четко, очень по-взрослому.

По привычке я взмолилась, чтобы папаша не повелся на уговоры. И он услышал мои молитвы.

- Нет, Катарин, не сегодня, - проговорил мужчина. – Нам домой пора.

- Ну паааап. Пожаааалуйста, - стандартно заныла малышка.

- Кать, у меня работа...

- Ну и что? Я так хочу.

- Но я же...

Ребёнок надул губы и доблестно боролся со слезами. Между прочим, это намного эффективнее истерик с визгом. Даже я сжалилась, пожелав папе смягчиться.

Со своего места я не видела мужчину. Только джинсы и кусок рубашки в клетку. А вот девочку рассмотрела. Розовый спортивный костюм, кроссовки, рюкзачок, кролик в руках, растрепанная косичка. Миленькая, похоже, спокойная. Вряд ли с ней будет много проблем. Поймав взгляд расстроенных глаз на мокром месте, я подмигнула и улыбнулась малышке. Она печально вздохнула, словно несла на своих хрупких плечиках груз вселенских проблем.

Здрав голову, девочка сделала еще попытку:

- У меня нет дома такой кухни. Столько шкафов. Даже стиральная машина.

- Кааааать, я же...

Едва уловимый всхлип был последней каплей.

- Эх, черт, ладно.

- Да-да-да-да-да.

- Только я отойду до банкомата и в кассу. Ничего? Побудешь под присмотром няни.

- Да-да-да-да-да.

Бинго, детка. Я встала со стула, чтобы поприветствовать их, но тут же села обратно. От неожиданности. Думала, что увижу обычного воскресного папочку неприметной наружности, а на деле передо мной оказался молодой мужчина, похожий на сексипожарного из Австралии. Его рубашка без рукавов открывала мощные плечи и бицепсы, которые были покрыты татуировками. Правая рука - вся в монохромной вязи, а на левой только какая-то надпись причудливым шрифтом. Про таких говорят: притягательный и опасный. Брр. Ну и персонаж.

Взяв себя в руки я со второй попытки все же встала. Были у меня всякие родители. Не раз даже с подвыпившими доводилось столкнуться.

«А наркоманов не было», - пронеслась мысль, но я тут же постаралась отринуть предубеждения. Тату – это ведь не следы от игл. Наоборот – рукавов нет, ничего не прячет. Мой взгляд невольно скользнул по рисункам на коже. Подняв голову, я встретилась с его глазами. Черт, попалась. Но ведь для того и разрисовывают себя, правда? Чтобы приковывать внимание.

- Добрый вечер, - выпалила я, чтобы не затягивать неловкость. – Вы к нам?

Мужчина усмехнулся.

- Я? Нет. Девочку берите.

- Конечно, - кивнула я, опуская глаза. – Привет. Разувайся и беги играть.

- Ура, - взвизгнула она, усаживаясь на скамеечку, чтобы снять кроссовки.

Получалось у нее так себе, а папочка не спешил помочь, потому что ответил на телефонный звонок.

- Ты опять, Дим? Я же сказал, что не буду работать с этими исходниками... Потому что это говно полное. Что ты хочешь продать с такой мордой на обложке? Даже для клиники пластической хирургии – это сомнительная реклама... Да мне плевать, чья она дочь. Страшила же. Погоди.

Наконец заметив, что ребенок изо всех сил пытается освободиться от обуви, он опустился на колени.

- Я же говорил, Кать. Видишь, к чему все ведет?

Он быстро снял с нее кроссовки, сунул под лавку. Девочка игнорировала упрек и поспешила к желанной кухне. Я едва успела снять с нее рюкзачок и забрать из рук кролика.

- Нельзя со своими игрушками, солнышко, - объяснила ей. Получив в ответ кивок, хотела отдать все отцу, но он, как ни в чем ни бывало, уже пошагал по своим делам. Мне пришлось окрикнуть:

- Эй, папа Кати! Подождите.

Но он не слышал, продолжая говорить по телефону. Прикрыв сеткой вход, я поспешила его догнать.

- Вы должны вернуться, - выдала я, схватив его за руку.

Меня обожгло ощущением горячей кожи и крепких мышц под пальцами. Черт, не нужно было его трогать, но и позволить так уйти нельзя.

- Что? – мужчина обернулся, посмотрел на меня, сдвинув брови.

Смотрел он так, что я позабыла, зачем спешила его остановить. Словно сканировал мое лицо, пытаясь найти соответствия с базой данных.

- Нужно записать, - промямлила я, теряясь от его хмурого, внимательного взгляда.

Он закатил глаза, бросил в телефон:

- Перезвоню, Дим, - и уже мне. – Ну что вам?

Я даже сморщилась от его пренебрежительного тона.

- Мне – ничего, - ответила я грубовато, - а вот вам нужно оставить номер телефона.

- Мой?

- Мой мне известен, - огрызнулась я, возвращаясь в игровую за свой столик.

Мужчина фыркнул, назвал цифры. Я быстро записала.

- Имя ребенка, - продолжала я формальности.

- Катя. Платить сейчас?

- Нет. По факту. Первый час сто рублей, последующие дешевле. Лучше приходите заранее. И воздержитесь, пожалуйста, от длительных разговоров по мобильному, чтобы я могла дозвониться. Ваш ключ.

- Что еще за ключ? – совсем нахмурился он.

- Ключ от шкафчика. Можете оставить детские вещи, чтобы не таскать с собой.

- О, круто. Спасибо.

Мужчина принял ключ с брелоком в виде мишки и запер в шкафу с изображением идентичного животного рюкзак и кролика, которых я также ему отдала. У него опять зазвонил телефон. Я сморщила нос, глядя, как он уходит в сторону банкоматов. Неприятный

тип.

Я старалась следить за Катей во все глаза, чтобы предотвратить конфликты, предугадать опасные ситуации. Уж очень не хотелось иметь повод набрать ее отца, который вряд ли последует моему совету. Но девочка и не собиралась влипать в стандартные детские катастрофы. Она тихо играла на кухне, потом в домике, попрыгала на батуте, скатилась с горки в шарики пару раз, заинтересовалась мольбертом, и я выдала ей мелки для рисования. Не ребенок, а мечта.

Я поглядывала на нее чаще, чем на остальных, но Катя увлечено водила мелом, пробуя разные цвета, стирая губкой, и снова покрывала доску детскими каракулями, в которых угадывались то солнце, то цветы, то тучки с дождиком.

За это время у меня разобрали почти всех маленьких посетителей. Я глянула на часы. Скоро домой.

- Катарин, на выход, - услышала я мужской голос.

Девочка не реагировала, увлеченная рисованием.

- Катя, - позвал ее папа снова, но малышка продолжала закрашивать странную фигуру синим мелом.

- Дайте ей закончить. Всего пару минут, - вступилась я за юную художницу.

Мужчина махнул рукой.

- Она так часами может залипать, а нам домой надо.

- Потому что у вас работа, да? – зачем-то укорила я. – И две минуты, конечно, вопрос жизни и смерти.

Я не имела права так с ним разговаривать. Никакого. Но слова сами рвались с языка, словно под гипнозом.

Он посмотрел на меня, сузив глаза, и я тут же пожалела, что ляпнула лишнее. Какое мне дело вообще? Так поступает большая часть родителей, задавливая ребенка авторитетом, не считаясь с его потребностями. В какой-то степени это понятно, но я не была поклонницей жесткой дисциплины и безоговорочного послушания. Возможно, потому что отец меня избаловал, а может перечитала новомодных книжек про новые подходы к воспитанию.

- Две минуты, - бросил мужчина, уселся на лавку, открыл телефон и снова пропал для общества.

- Катюша, - обратилась я к девочке, которая и впрямь очень увлеклась. – Катя, папа пришел. Ты заканчиваешь?

- Да, еще минуточку, - ответила мне девочка и, прикусив от усердия язык, продолжила штриховку.

Я не без интереса следила за ней. Мелок Катя держала крепко, уверенно, рисовала совсем не как трехлетка. Повидала я их мазню. Дети ее возраста вообще быстро устают от подобных занятий, а она вот на удивление с удовольствием задержалась у яркого пластикового мольберта. Возможно, поэтому и говорит так хорошо. Связь моторики и развития речи давно доказана.

Закончив картинку, Катя послушно поспешила к выходу.

- Повеселилась, детка? – спросил ее отец, удосужившись отвлечься от гаджета, услышав голос дочери.

- Да, пап. Рисовала Флинта и Бобсика.

- Супер, - ответил он. – Обувайся и пошли. Домой пора.

- Я вырасту и буду художником, как папа, - заявила мне девочка, опять мучаясь с

кроссовками. Я не выдержала и сама присела у лавки, чтобы помочь ей, пока папаша тыкал в телефон.

- Да-да, главное, чтобы не как мама, - пробормотал он еле слышно, чтобы ребенок не слышал. Видимо сам с собой, но я уловила.

Взгляд тут же метнулся к его пальцам. Кольца не было. Боже, зачем я вообще смотрю? Какая разница?

- Сколько я вам должен? – спросил он, не поблагодарив даже за помощь Кате.

Я вернулась к журналу, уточнила время и назвала сумму.

- Почему так много? – возмутился мужчина. – Она была тут полтора часа.

- Почти два, - поправила я его.

- Час сорок пять.

- Считается, как два.

- Вы поэтому заставили меня ждать, пока она дорисует? – наезжал недовольный отец.

- Что? Нет. Конечно, нет. Я даже времени вашего не помнила, пока в журнал не посмотрела.

- Ну, конечно. Очень умно придумали. Вам платят с выручки, похоже.

- Нет, у меня фиксированный оклад.

- Да-да. Безусловно, - фыркнул он, взял ребенка за руку. – Пойдем, Кать.

Я проводила их взглядом, уселась обратно на стул, нашла глазами всех своих подопечных и только потом позволила себе буркнуть под нос:

- Ну и придурок.

- И вам доброго здоровья, - услышала тут же.

Вздрогнув, подняла глаза. Мужчина хлопнул ладонью об стол, оставив таким образом ключ от шкафа. Видимо, он вернулся за Катиной джинсовой курточкой, которую оставлял в шкафчике.

Я даже извиниться не успела, он уже ушел.

Проклятье.

Глава 2

До самого конца рабочего дня меня не оставляло неприятное чувство стыда. Вроде бы и заслужил тот грубиян свое нелицеприятное прозвище, но я не должна была его озвучивать. В конце концов, вокруг дети, могли услышать. Какой пример я подаю? И его дочка уж точно не должна была узнавать это о папе от какой-то нелепой няньки из игровой. До зубного скрежета меня изводила потребность извиниться. В конце концов, я же записала его телефон, когда принимала Катю. Но позвонить так и не осмелилась, решила, что буду мучиться.

Очень скоро всех маленьких посетителей забрали родители. Я расставила по местам разбросанные игрушки, протерла детскую мебель в игровой, взялась за шкафчики. В одном из них нашла рюкзак, из которого торчали уши плюшевого кролика. «Господи, это же Катин», - озарило меня.

Обычно я откладывала забытые вещи в специальный ящик, но в этот раз прекрасно помнила, кому принадлежит пропажа. Сам бог велел позвонить. Листнув журнал, нашла номер татуированного папаши, набрала.

Пф, естественно, занято.

Меня тут же одолели сомнения. Зачем я звоню? Нужно оставить рюкзак и игрушку вместе с другими потеряшками. Должны вспомнить, что оставили именно тут и прийти забрать. Нечего дергать людей. Если есть номер – это не повод докучать глупостями. Тем более что занятому папочке не дозвонишься. Набрал еще раз, я снова услышала короткие гудки. И снова – пф.

Успокоившись на этом, я сняла рубашку-униформу, прошагала в уборную, где распустила и расчесала волосы. Не люблю выпускать на волю свою шевелюру, но за целый день тугой хвост жутко надоел. Даже затылок ноет. Губы неприятно пересохли, мазнула блеском. Лицо сразу же стало выразительнее. Даже веснушки не так раздражали на фоне черных кудрей.

Я вернулась к игровой, накинула чехлы на мебель и уже закрывала, когда в сумке запел мобильный. Взглянув на цифры, я поняла, что это папа Кати. Перезвонил. Ну и дела.

- Да, - откликнулась я и тут же оглохла, потому что мне в трубку истошно орал ребенок.

Сопоставить эти жуткие звуки с миленькой Катей я никак не могла. Но и вряд ли это кто-то другой. А еще вместе с ней оглушительно и звонко лаяла собака.

- Алло, вы звонили? – гаркнул мужской голос, перекрикивая.

- Эээ, да, - ответила я. – Это Ира из детской комнаты. Вы забыли рюкзак и игрушку в шкафчике.

- О, боже! – воскликнул он. – Серьезно? Вы не шутите?

- Розовый рюкзачок и плюшевый кролик, - отчиталась я.

- Да, господи. Да! Катарин, завязывай вопить, нашелся твой Ушастик. Бобс, да заткнись ты уже. Задрал тяфкать, - и опять мне. – Я заеду сейчас, хорошо?

- Боюсь, это невозможно. Торговый центр закроется через пятнадцать минут.

- Проклятье.

Катя, затихшая из-за хороших новостей, зарыдала пуще прежнего. У меня аж сердце закололо.

- Давайте я привезу сама, - выдала я тут же.

- Правда? – не поверил мужчина.

- Да. Мне все равно на такси ехать. Говорите адрес.

Он назвал улицу, дом и квартиру. Я едва не присвистнула. Шикарный район новостроек. Неплохо устроился татуированный здоровяк.

- Сейчас приеду, - отозвалась я.

- Мы вас очень ждем, - выпалил мужчина, снова перекрикивая плач и лай.

Повесив трубку, я тут же вызвала машину. Такси не заставило себя ждать, и уже через пять минут желтая машина везла меня по вечернему городу. Кутаясь в кардиган, я смотрела в окно. Осень пришла рано. Деревья уже все пожелтели. Обманчивое тепло днем сменилось кусачей прохладой вечера. Нужно было надевать куртку, как папа советовал. Но я же, как всегда, самая умная.

Я отпустила такси, решив потом вызвать другую машину. Не люблю заставлять людей ждать. Да и вряд ли водитель будет простаивать за спасибо – накрутит цену сверху.

Расплатившись, я прошагала к единственному подъезду в доме и нажала указанный номер квартиры в панели домофона. Дверь открылась почти мгновенно. Кажется, меня там действительно очень ждали.

Плач и лай я слышала, как только вышла из лифта, и почти бегом поспешила к двери. На площадке оказалось всего две квартиры. Мне даже номера сличать не пришлось, позвонила в ту, где было шумно. Моментально тьякканье стало громче и перешло теперь в зловещее завывание.

Боже, на что я подписалась? Надеюсь, их собака меня не сожрет. Даже покусанной быть не хотелось.

Дверь открылась так же быстро, как и откликнулся домофон. Передо мной предстало душераздирающее зрелище. Мужчина держал на руках зарезанного ребенка. Распухший нос и лицо цвета вишни недвусмысленно намекали, что Катя рыдала весь вечер. Ее отец умудрялся одновременно прижимать к себе дочь и говорить по телефону. Видок у него был так себе. Обреченный. От самоуверенности, которую он источал пару часов назад, скандала со мной, не осталось и следа. Я мельком взглянула на открытые руки мужчины, оценила белую майку-алкоголичку, которая контрастировала со смуглой кожей и чернилами. Он был в тех же джинсах, босиком, ногой прижимал к стене лохматого йорка, который истошно лаял на меня.

- Заходите.

Я скептически глянула на собаку.

- Он только брешит, как дурной. Не укусит, - успокоил меня папа Кати, легонько откидывая пса ногой. - Поди вон, Бобс.

Бобс послушался, как ни странно.

Я несмело шагнула в квартиру, вынула из пакета рюкзак и кролика.

- Твой потеряшка? – спросила я, улыбаясь девочке.

Замершая на миг Катя тут же потянулась к кролику и... ко мне. Схватив плюшевого зверя, она спрыгнула с папиных рук, буквально врезалась лбом мне в колени, обнимая за ноги.

- Спасииииибо, - зарыдала малышка снова. Теперь, видимо от радости эмоций, с которыми уже не могла совладать.

Я тут же опустилась на колени, чтобы нормально обнять ребенка. Ее ручки сразу же оказались на моей шее. Катя уткнулась носом мне в плечо, шмыгая и всхлипывая.

- Катарин, - потянулся к ней отец.

Я подняла на него глаза, вопросительно вздернув брови.

- Сопли. Она вас перепачкает, - пояснил мужчина, чуть отодвинув телефон от лица.

- Все нормально, - проговорила я почти неслышно, глядя девочку по голове.

- Перезвоню, Дим, - буркнул папа Кати и сунул мобильный обратно в карман джинсов.

Прямо коронная фраза у него. Он подхватил на руки волосатого пса, стоял и смотрел на нас снизу вверх. Странно. Зачем отклонять разговор, по всей видимости важный, если не планируешь что-то сказать или сделать. Я представила, что он сейчас начал бы обсуждать дела. Да, это было бы еще хуже. А так вроде бы проявляет молчаливое участие. Даже собака перестала тявкать, словно понимала важность момента.

Катя потихоньку успокаивалась, но все еще не отпускала меня. Мои ноги начали гудеть и требовать отдыха. Прихватив девочку под коленки, я подняла ее и присела на небольшой диван-скамейку. Катя отстранилась, и я воспользовалась случаем, чтобы вытереть ее слезы и бодро оповестить:

- Твой ушастый друг не желал ночевать с незнакомыми игрушками. Настаивал, чтобы я отвезла его домой.

Малышка хихикнула, прижав к себе кролика.

- Его зовут Ушастик. Мне бабушка подарила.

- Он очень симпатичный.

- Папа сказал, что мы его потеряли.

- Нет, вы просто оставили его в ящичке.

- Это хорошо. Спасибо, что нашли.

Я совсем расклеилась и сама едва сдерживала слезы. Было в этой девочке что-то особенно трогательное. Добрая и ласковая кроха. Почему они все не могут быть такими?

- Кать, спать пора. Ты обещала, - вклинился отец, который так и стоял, не говоря ни слова, пока мы общались.

Я понимала, что он смотрит на нас, но старалась не думать об этом. От его пристального взгляда мне было не по себе еще при первой встрече, тут стало совсем неловко и волнительно. Похоже из-за майки. Она открывала не только руки, но и расписанную мощную грудь. Где он откопал эту алкоголичку? Украл у Димы Билана?

Отец протянул руку, и Катя спрыгнула с моих колен, вложив свою маленькую ладошку в его.

- На ручках, - тут же поставила условие деловая колбаса.

Страдания чудесным образом улетучились, и голос звучал звонко и требовательно.

- Хитрая, - фыркнул здоровяк и тут же без труда подхватил дочь свободной рукой.

Собака подмышкой, ребенок в пижамке, доверчиво прижавшийся к широкой мужской груди. У меня чуть пробки не выбило от зашкалившей милоты.

Я встала, чтобы пойти, открыла рот для прощания, но тут же замерла, потому что наши глаза встретились. У Катиного папы они были зеленые, а взгляд пробирал до мурашек. Словно он сканировал меня на предмет каких-то только ему известных соответствий.

- Дождитесь меня, пожалуйста, - попросил он мягко, но с напором. Давал понять, что отказ не принимается. – Пройдите в гостиную. Катя быстро засыпает. Зубы мы уже чистили. Я скоро спущусь.

Спустится? Откуда? С пьедестала бога татуировок и хамства?

- Спокойной ночи, - помахала мне Катя лапой Ушастика.

Я не сдержала улыбки.

- Спи крепко. Сладких снов.

Разувшись, я прошла следом за удаляющимися папой, дочкой, Бобсом и Ушастиком. Мужчина понес их всех через просторную гостиную к лестнице. Ну, теперь понятно, откуда он спустится. Двухуровневая квартира – круто. Наверно, зря я посчитала его разведенным наркоманом и бездельником. Вообще, с чего я взяла, что он разведен? Отсутствие кольца ничего не значит. Вообще! Зачем я думаю о его статусе? Что за бредовые мысли?

Присев на край дивана, я оглядела гостиную. Очень мужская, выдержанная в минимализме и серых тонах. Если бы не разбросанные тут и там игрушки, карандаши и яркие вещички. Не в силах побороть свои заскоки я поднялась и собрала Катину одежду. Розовые колготки и майка, вельветовый сарафан и водолазка валялись в куче. Видимо, отец снял их и бросил, не потрудившись разложить по местам. Интересно, всегда так делает или из-за Катиной истерики позволил себе не убирать сразу? Господи, да какое мне дело?

Но вещи я все-таки сложила и оставила аккуратной стопочкой на кресле. Туда же усадила медведя, который «спал» на журнальном столике, и куклу. Рассыпанный пазл собрала в коробку, которую тоже пристроила на кресле. Вот. Уже какое-то подобие порядка.

У меня пунктик на этом деле. Он поддается усыплению, но мне некомфортно в бардаке. Поначалу было очень тяжело не кидаться убирать каждую игрушку в детской комнате. Я себя тренировала неделю. Иначе можно просто ходить и расставлять все по местам без перерыва. Но это на работе, а здесь-то всего один ребенок, и сложить ее одежду и игрушки не составит труда.

Но это я, а у мужчин с порядком не так все идеально. Даже совсем не идеально. Хорошо еще, что вещи хозяина дома тут не валяются вперемешку с детскими. Признаться, от вида мужских носков у дивана я бы, наверное... расстроилась.

Закончив с марафетом, я вспомнила, что не предупредила папу. Написала родителю смс, что задерживаюсь. Прошло уже достаточно много времени, и мне стало не по себе в чужом доме, где я не знаю даже имени хозяина. Конечно, будет невежливо уйти, не дождавшись, хотя пообещала. Но если Катя от волнения будет засыпать час или два? Я почти решила удрать и уже дернулась к выходу, но совесть сковала ноги, запрещая двигаться. Нужно остаться и извиниться за грубость, которую позволила себе на работе. Это будет правильно. Иначе совесть замучает. Мелочь, а неприятно.

Вздыхнув, я включила интернет и стала листать соцсети, просматривая новости друзей и сообществ.

Но и там не было ничего интересного. Я снова осмотрела гостиную и опять пришла к выводу, что здесь живет холостяк. Женщина обязательно бы наставила рамок с фотографиями на тумбочки и полочки, цветы на окна, салфетки на стол.

Из этих мыслей меня заставил вынырнуть странный звук. Словно кто-то цокал. Я уж подумала, что мышь, и собиралась запрыгнуть на диван с ногами. Но в гостиную (не пойми откуда) вышел кот. Толстый, сиамский котяра. Он двигался по паркету, как царь по своим владениям, не втягивая когтей. Именно этот звук и напугал. Волосатый тут же заметил меня. Остановился, издавая странный звук. Не самый дружелюбный. Я понятия не имела, что коты так могут. У меня зверей в доме не было. Папе и со мной хватало забот, поэтому по части живности я подкована не была. Однако и так было понятно, коту я не понравилась.

- Простите, что заставил ждать, - донесся до меня громкий шёпот.

Я тут же вскочила, отругав себя за неуместные мысли и странную реакцию на низкие бархатные нотки в голосе мужчины.

- Вы меня напугали, - призналась я честно, поворачиваясь к нему.

Мужчина был все в той же майке, но сменил джинсы на спортивные штаны. В таком виде он был похож на бандита. Красивого, brutального, безумно привлекательного бандита.

- А кого вы ожидали увидеть? Серого волка? – он улыбался.- За него у нас Флинт. Ох, черт...

Мужчина нашел взглядом кота, который, видимо, среагировал на мои резкие движения, поднял шерсть дыбом и зашипел.

- Завязывай, мужик, это добрая девушка нас спасла.

Кот и на него зашипел, а потом даже завыл. Ужас какой.

- Я лучше пойду, пока ваш волк меня не съел.

- Нет, - выпалил он так громко, что я аж подскочила.

Кот встал в боевую стойку и боком попер на нас. Я не успела начать паниковать, а мужчина уже схватил с дивана подушку, позволяя агрессору в нее вцепиться.

- Черта с два, пират, - обратился он к зверю, который тут же напал.

Я только и знала, что моргала, не в силах вымолвить ни слова. Лучше бы так и молчала, чем нервно хихикнув, выдала:

- Серьезный зверь.

- Та еще сволочь, - подтвердил мужчина, оставив Флинта разбираться с подушкой. - Пойдемте в кабинет.

- Но... Я лучше домой.

- Нет, - опять категорически отказал он, схватил меня за руку и потащил через гостиную.

Глава 3

Я перепугалась. Близость и касание горячей руки тут же всколыхнули какие-то непонятные чувства. Тревога и волнение. Страх и трепет. Нет, он же не собирается делать что-то противозаконное со мной, пока наверху спит его дочь. Но ладонь, сжимающая мои пальцы так крепко, заставила слегка струхнуть. Господи, я даже имени его не знаю. Отцу и не подумала сообщить адрес, где нахожусь. Нет-нет-нет.

- Что вы делаете? Прекратите, пожалуйста, - сдавленно проговорила я, когда он завел меня в кабинет.

- Простите, но не могу, - ответил он и отпустил. Легче мне не стало. – Не могу вас оставить на растерзание Флинту или отпустить просто так. Спасибо огромное... ээээ...

- Ирсен, - напомнила я свое имя.

- Ирсен, - повторил он. – Как интересно. Вам очень идет.

- Это полное, но все зовут Ирой.

- Нет, Ира это не про вас, - заулыбался мужчина, проходя к столу. И, словно пробуя на вкус мое полное имя, снова произнёс, - Ирсен.

- А вы?

- Фен... ух, - осекся. – То есть, Гоша.

- Так Фен или Гоша? – не поняла я.

- Фен или Гоша, - пожал он плечами. – Как угодно.

- Он же Гога, он же Юра, он же Фен, - сострила я. - А по паспорту?

- Игорь Фенов. Вы не могли бы встать вон там? – и кивнул в угол, где стояли два белых зонтика, и висела драпировка.

- Зачем?

- Пожалуйста, - попросил он, не объясняя. – Меня разорвет, если я не увижу вас в кадре.

Продолжая немного нервничать, я встала, куда он просил. Гоша достал из ящика стола камеру, вынул из чехла, подошел ко мне, щелкнул каким-то выключателем. Тут же зажглась подсветка из маленьких лампочек. Он подвинул зонты, отошёл, чуть прищурился, прошептал едва слышно:

- Идеально. Наверх посмотрите, пожалуйста.

Я решила не перечить. Всего лишь фотограф. Не маньяк, не насильник. А я-то подумала. Даже лестно должно быть. Кажется, я ему понравилась. Подтверждая догадки, Гоша заговорил:

- У вас лицо невероятное. Первый раз вижу брюнетку с веснушками.

Затвор объектива затрещал, как сумасшедший, отщелкивая кадры.

- И глаза. Такие синие. На фоне холодной драпировки – просто бомбовый эффект.

- Вы фотограф? - спросила я.

- Фотограф, дизайнер, художник. На все руки от скуки. Поднимите волосы немного. Да, вот так. Постарайтесь лицо расслабить и губы чуть приоткрыть.

- Я буду похожа на влюбленную рыбу.

- Нееееет. Это вряд ли.

Попытавшись сделать, что он просил, я невольно начала получать удовольствие от процесса. Бархатный голос велел мне делать то одно, то другое, и я слушалась, чувствуя как что-то очень странное, но теплое, рождается в животе и расплзается по всему телу, и кровь

становится горячее, бежит быстрее по венам.

Понимая, что возбуждаюсь, моментально покраснела. Словно брызнули на щеки кипятка, а внизу живота тут же кольнуло болезненной потребностью. Взглянув на Гошу украдкой, я тут же усугубила эффект, ведь, кажется, именно он причина моего внутреннего пожара.

Наши взгляды пересеклись, и он улыбнулся так, словно прочитал мои грязные мысли.

- Жарко? - спросил он, и тут же сам ответил. – Это от лампочек, наверно.

- Угу, - буркнула я.

Лампочки, конечно, давали тепло, но основная причина была, кхм, немного иной. Хорошо, что фотограф свалил все на инвентарь.

- Голову поверни немного, – снова попросил Гоша, как-то естественно переходя на ты. – Нет, не так. Чтобы волосы не закрывали. Погоди.

Он подошел, положил ладонь мне на шею, мягко надавливая, чтобы я изобразила нужный ракурс.

- Смотри на меня, - потребовал так властно, почти жестко.

Я не смела послушаться. Что происходит? Его зеленые глаза отравлены, и голос – чистый и сладкий яд. Я словно в каком-то трансе. Угождаю мужчине, которого едва знаю. Камера в руке – это же не повод и не оправдание моего безволия. А удовольствие? Кажется, тоже из отягчающих обстоятельств, но оно отличный повод потакать капризам фотографа.

Грея своей ладонью мою кожу, Гоша чуть отклонился, чтобы снова нажать на кнопку и зарядить новую очередь щелчков затвора. Наверное, его рука не в кадре. А возможно, что и да? Зачем? Для чего он вообще устроил эту фотосессию?

Я смотрела ему в глаза, как он и просил. Не было сил и желания отвести взгляд. Гоша улыбался, словно получал какое-то неземное удовольствие от процесса. Ему все это нравилось не меньше, чем мне. Кажется.

Я с трудом старалась сохранять ровное дыхание, но когда его большой палец чуть погладил, не сдержала тихого стона и прикрыла бесстыжие глаза, чтобы спрятать смятение и стыд.

А камера продолжала расстрел, фиксируя кадры.

- Смотри на меня, - приказал Гоша тише, теперь почти угрожающе.

Я затрепетала, потому что его ладонь оказалась на моей щеке, а большой палец заскользил по нижней губе.

Святые угодники, было непросто выдержать его тяжелый, горячий взгляд. Я изо всех сил старалась не зажмуриться от удовольствия.

- Ирсен, - выдохнул Гоша. – Ты хоть знаешь, насколько невероятная?

Я прокашлялась. Он оставил в покое мой рот, утопил пальцы в волосы, потянул, заставляя запрокинуть голову. Я уставилась на потолок, радуясь, что избавилась от острого взгляда, но одновременно сучая по беспощадным зеленым глазам.

Камера щелкала снова и снова, но в одночасье замолчала. Тут же я почувствовала влажные, горячие губы на своей шее. Меня пробил озноб. До мурашек, до дрожи.

Гоша сжал в кулаке мои волосы, провел ртом влажную дорожку от яремной впадины до уха, прикусил мочку, заставляя меня захныкать.

- Я такого обычно не делаю, - прохрипел он, опаяя дыханием. – Никогда не делаю, если честно.

Оправдывается? Может и мне надо?

- Да, я тоже, - ответила ему сдавленно, даже не пытаясь отстраниться.

Глупости. Как можно его оттолкнуть сейчас? Тогда все закончится. А я совсем не желаю избавляться от невесомых, едва ощутимых поцелуев, которыми он осыпает чувствительную кожу за ухом.

- Ирс... ты... Черт...

Я почти мурлыкала, откровенно наслаждаясь тем, как он сократил мое имя, как произносил его с придыханием, как шумно выпустил воздух, щекоча волосы.

- Хочешь заработать немного? - проговорил он, прижимая меня к себе так, что я почувствовала его возбуждение.

Словно лампочка зажглась над головой. Идея. Озарение.

- Заработать? – я ушам своим не поверила.

- Ну да, - как ни в чем ни бывало подтвердил Гоша, качнув бедрами вперед.

- Ты больной?!

Я оттолкнула его, громко возмущившись:

- Руки убери, придурок.

Он тут же послушался, посмотрел на меня растерянно. Воспользовавшись его ступором, я помчалась к двери. Дикий кот в гостиной уже не казался страшным препятствием на пути к выходу. Краем глаза я заметила, что Флинт-Потрошитель спит на диване возле той самой бедной подушки.

-Ирс, стой. Подожди, - услышала я голос Гоши, когда уже засовывала ноги в кеды.

Нужно было надевать балетки, тогда бы успела удрать.

- Постой, ради бога.

Он поймал меня за руку и встал передо мной, загораживая дверь.

- Выпусти, - теперь пришла моя очередь требовать.

Но Гоша не очень слушался.

- Ты не так поняла, - выпалил он.

- Да, конечно, - огрызнулась я, вырываясь из его хватки. – Пусти уже, придурок.

- Я не то имел в виду. Не... уф, - фыркнул он, закатывая глаза. – Не ту работу, о которой ты подумала.

- Да-да. А какую же?

- У меня заказ на рекламу горит, а модели не подходят. Мне кажется, ты будешь идеальным вариантом.

-Что? – я ушам своим не поверила. – Модель?

- Да. Фотомодель. Я давно ищу что-то нестандартное, а ты... - Гоша громко выдохнул. – Ты невероятная. Мне нужно еще посмотреть кадры, выбрать и отправить заказчику на одобрение, но он обязан будет согласиться.

- Это бред какой-то. То есть ты не...

- Нет, - не дал он мне договорить, - я не собирался предлагать тебе деньги за интим.

- А звучало именно так, - упрекнула я.

- Знаю. Прости. Я... я не должен был тебя трогать. Это неприемлемо. Поэтому все и получилось так грязно и двусмысленно.

- Угу, - буркнула я, успокаиваясь понемногу. – Мне в любом случае пора.

- Да. Уже поздно, - согласился он. – Я такси вызову. Куда тебе ехать?

Я назвала адрес и присела на скамейку, чтобы немного отстраниться от Фенова. Находясь так близко, я опять чувствовала тепло его тела и уже скучала по прикосновениям,

за которые он только что извинился.

- Я даже не поблагодарил тебя толком. Сразу набросился, - продолжил каяться он, едва закончил с вызовом машины. – Катя в этого зайца влюблена. Устроила истерику, едва поняла, что где-то забыла его. Я чуть не поседел. Ничего не помогало. Еще и заказчик долбит сроками, а я даже нормально объяснить не могу, что его силиконовые Барби не подходят. Когда ребенок дома, невозможно работать.

- А я хотела извиниться, что назвала тебя придурком, - тоже решила быть откровенной. – Отчасти поэтому и приехала с зайцем.

- Хах, а в итоге обозвала еще раз, - Гоша тут же поднял руки. – Но заслужено. Признаю.

Улыбнувшись, я опустила голову, чтобы не смотреть на него. Но Фенов втиснулся рядом на скамейке, игнорируя мои попытки держаться от него подальше. Расписная рука коснулась моей. Я повернула голову и буквально приклеилась взглядом к широким полоскам, которые складывались в какое-то изображение, уходящее вниз по боку, спине, животу и скрывалось майкой. Чертовски захотелось стащить ее и рассмотреть все. Я совсем тронулась. Интересно, я бы отдалась ему там, в кабинете, если бы не двусмысленное упоминание заработка? Ох, надеюсь, до этого не дошло бы. Но близость Гоши и новый виток удовольствия от прикосновения его кожи к моей говорили об обратном.

- Ты женат? – выпалила я.

- Нет, - он нагло заулыбался. – Полегчало?

- Весьма.

- Так как насчет съёмки?

- Я не знаю.

- У меня есть твой номер, - пригрозил Фенов, а потом добавил мягче, вежливо. – Можно показать тебя заказчику и позвонить потом?

- Можно, - согласилась я. – Но это плохая идея. Какая из меня модель?

- Я кажется, еще в кабинете объяснил, какая. И даже показал. Ты очень красивая, Ирсен.- Гоша взял меня за подбородок, повернул голову, чтобы я на него смотрела. – Я твое лицо могу разглядывать часами.

- Курносый нос и жуткие веснушки? – хмыкнула я нервно.

Его палец опять стал поглаживать, расплавляя мои мозги.

- Милейший курносый нос и очаровательные веснушки, - подтвердил он.

- Извращенец.

- Безнадежный извращенец, - уточнил Гоша.

Расстояние между нашими лицами начало сокращаться, и я медленно прикрывала глаза, понимая, что он меня сейчас поцелует. Остались какие-то несчастные миллиметры, одевающие его губы от моих. И тут зазвонил телефон.

Я не сдержала разочарованного стопа, услышав его словно со стороны. Seriously? Это мой звук? Может, все-таки его? Гоша выглядел не менее раздосадованным, ему пришлось отодвинуться, даже встать, чтобы достать телефон из кармана.

- Такси, - сообщил он, прослушав извещение.

- Да, спасибо.

Я поспешила завязать шнурки, поднялась. А Гоша протянул руку и вытащил что-то из куртки. Бумажник? Seriously.

- За такси. Я твой вечный должник, - сообщил он, засовывая купюру мне в задний карман джинсов.

Едва его ладонь коснулась попы, я вздрогнула и даже не стала отказываться от денег. Сжав, Гоша привлек меня к себе, заставляя снова почувствовать выпуклость его паха. Я выставила вперед руки, но так и не оттолкнула. Наоборот, положила ладони ему на плечи, ощущая твердость мышц и погладив пальцами контуры чернильных мазков на коже. Гоша чуть склонил голову, я подумала, что сейчас точно поцелует, и тут же облизала губы. Но он лишь легонько провел носом по моей щеке к виску, прошептал прямо в ухо:

- Спасибо, Ирсен. Позвоню тебе.

И все. Гоша тут же отпустил меня и сделал шаг назад. Мои руки плетью упали вдоль тела. Слово я могла касаться его только в ответ на его инициативу.

Ух, да мне вообще не нужно касаться его.

- Беги. Машина ждет, - напомнил Гоша, открыв дверь.

Я нашла силы только, чтобы кивнуть, и на ватных ногах вышла из квартиры.

Всю дорогу до дома я не могла избавиться от нелогичного чувства потери, какой-то незавершенности и... голода. Нет, я не хотела есть. Вечером вообще почти не притрагиваюсь к еде. Но Гоша разбудил во мне иной голод. Я хотела его. Наверно, впервые вообще желала мужчину так сильно. Что это? Наконец проснулись инстинкты? Я созрела?

Секс для меня никогда не был чем-то особенным. Первый раз принес боль и разочарование. Все было хорошо, пока длился конфетно-букетный период романтики, поцелуев, прелюдии. Я была уверена, что нашла себе подходящего молодого человека, с которым можно смело пойти по жизни. Но едва наши отношения перешли в горизонтальную плоскость, он заметно охладел. Я так и не решилась спросить, что тому виной: моя неопытность или сам факт того, что он переспал со мной. Нет, он не бросил сразу, но стал отдаляться. Уже не было звонков и долгих разговоров, не было свиданий и долгих поцелуев на прощание. Он лишь спрашивал, дома ли мой отец? Или сам звал к себе, пока его родители были на даче.

Звонок – как прелюдия к сексу. Не знаю, может, кого-то это возбуждает, но меня не очень. Я просто не успевала его захотеть, а уже лежала с разведенными ногами, стараясь не морщиться от настойчивого проникновения на сухую. Каждую нашу встречу я пыталась проникнуться близостью, сосредоточиться на ощущениях. Но, едва трение сменялось скольжением, все заканчивалось.

Однажды он сказал, что я, скорее всего, фригидна. К тому же слишком пассивна в постели, другие были поживее, изобретательнее. Я разревелась и убежала. Он не остановил. Думала, будет звонить, извиняться, но после этого откровения больше о нем не слышала. Что мне оставалось? Только смириться. Но я все равно выплакалась подружкам. Аня, Лиза и я: мы не разлей вода еще со школы. Конечно, они убеждали, что никакая я не фригидная, а он просто скорострел и моральный урод, советовали забыть и найти замену. Лучше кого постарше, который будет думать не только, как скорее кончить, но и позаботится о партнерше.

Такой расклад меня не устраивал. Я не смогла бы спастись с мужчиной просто из спортивного интереса. Мне всегда казалось, что важнее всего любовь, уважение, общие интересы, родство душ, а секс – это уже приятное дополнение. Приятное... Хм. Тут я погорячилась. Приятного в сексе – кот наплакал.

В общем, подружек я наслушалась, но не побежала, теряя тапки, искать желающих переспать со мной. От мужчин меня отвернуло. Нет, я принимала внимание с удовольствием, ходила на свидания, целовалась. Но чаще на этом все и заканчивалось. Просто ступор наступал, едва чувствовала намек на интим. Всплывали в голове горькие обвинения: фригидная, пассивная, совсем не заводишь. И я отталкивала, упиралась руками, просила не спешить. Сама себе врала, но на самом деле пыталась растянуть прелюдию как можно дольше. Ведь именно она доставляла удовольствие, а не секс, к которому все и шло.

Лишь один раз я пошла до конца, уступила. И... снова разочарование. Нет, мой друг хотел бы повторить, но я и смотреть на него не могла. Он звонил потом, писал, спрашивал, что не так, а я не нашла в себе смелости сказать, что просто не хочу его, не хочу повторять, даже видеть еще раз.

Именно потому реакция на Гошу меня перепугала до ужаса. Его касания, почти

невинные, но такие чувственные, распалили меня, раскалили. Мне не хотелось его останавливать. Даже мысли в голову не пришло попросить не касаться. Ну... пока он не заговорил о деньгах, конечно. Я действительно допускала мысль, что мы можем заняться сексом прямо в кабинете. На столе или на небольшом диване. Или в кресле? Нет, я бы настаивала на столе. Представила, как запрыгиваю и развожу ноги, приглашая Гошу. Как целую его губы, отвлекаясь только на то, чтобы стащить через голову майку. И замираю, разглядывая, что же за рисунок складывается из чернильных дорог под его кожей.

- Двести пятьдесят рублей, - гаркнул водитель.

Я вздрогнула, подскочила на месте, едва не ударилась. Кровь стукнула в голову, хотя до этого большая ее часть пульсировала южнее.

- Да, конечно, - залепетала я, совершенно сконфуженная и ошарашенная собственными фантазиями.

Достав из кармана Гошины деньги, расплатилась и поспешила выйти.

- Сдача, барышня. Мне благотворительность без надобности, - снова поубавил мою прыть таксист.

Я забрала лишнее и наконец вышла. Стало совсем свежо, и меня моментально пробил озноб. Возможно, виной тому был не только перепад температур, но и богатое воображение.

- Привет, ребенок, - поприветствовал меня папа. – Я уже спать собирался. Ты гуляла что ли?

Я растерялась и не решилась соврать:

- Нет, по работе дела были.

- Какие еще дела? – тут же ошетинился отец.

- Девочка забыла игрушку, я отвозила ей домой.

Папа обреченно вздохнул.

- Ирсуль, как так можно? Чего они сами не приехали?

- Мы уже закрывались. Да брось, па. Мне оплатили такси. Малышка плакала в трубку, когда я позвонила сказать о забытом зайце, - объясняла я, разуваясь и скидывая с плеч кардиган. – Ты поел нормально?

Лучшая защита – нападение. Против папиного допроса нет приема лучше, чем спросить об ужине. Он обязательно бы начал расспрашивать и дальше, а я была не готова юлить или врать. Подробности о горячем отце девочки, фотосессии и будоражащих прикосновениях мне выдавать совсем не хотелось. Папу хватит удар. Поэтому лучше припереть его к стенке вопросом о питании.

- Ммм, ну... поклевал, - расплывчато ответил он. – Добрая ты у меня, Ирка, вот и ездят все.

- Никто на мне не ездит, - пробурчала я, проходя на кухню. – Так и думала. Одни бутерброды, па! Для кого я готовлю?

- Себе готовь. Мне ничего не надо, - буркнул он, насупившись.

- Конечно. Я положу тебе в контейнер, возьми завтра с собой.

- Ладно.

Отец чмокнул меня в макушку, пожелал спокойной ночи и ушел спать. Я присела за стол, оглядывая небольшую, но уютную кухню в нашем доме. Папа строил его сам. Несколько лет, пока мы жили в общежитии. Я не особенно страдала из-за общего санузла и не очень приятных личностей за стенкой. А вот родители, помню, все время говорили об этом. Но самые теплые воспоминания детства у меня были связаны именно с общагой. С

мамой. Она умерла, едва мы переехали. Меня растил отец. Один.

Он очень старался, чтобы я ни в чем не нуждалась, но, похоже, не так просто заменить девочке маму. Папа умудрялся находить баланс, достаточно много работая, но при этом и внимания мне уделял. Но и самый внимательный, добрый и любящий отец вряд ли посоветует, как выбрать первый бюстгальтер или прокладки. Эти тонкости он поручал моей тетке, своей сестре. Не самый приятный человек. Она мне всегда напоминала тетушку, которую надул Гарри Поттер. Не такая противная, конечно, но достаточно жесткая и несдержанная. Мой немногословный, грубоватый папа на ее фоне казался ангелом.

Я очень быстро научилась справляться с женскими делами без ее помощи. Это не было проблемой. Скорее мне не хватало банального женского примера перед глазами, доверительных разговоров на кухне, семейных секретных рецептов для пирогов или пельменей, добрых глаз. Одним словом, мне не хватало мамы.

Я вообще смутно понимала, что такое любовь мужчины и женщины. Папа редко смотрел что-то про любовь, считая такие фильмы глупыми, но любил сказки, мультики. На все мои вопросы об отношениях мужчины и женщины он сначала отвечал обтекаемо и кратко, а потом я перестала спрашивать. Так я и выросла, понимая, что жить все должны долго и счастливо. Но не всегда живут. Радовалась, что мне после смерти мамы не досталась какая-нибудь противная мачеха.

А потом девчонки из класса увлеклись любовными романами. Лизка, та самая моя подружка со школы, таскала книжки в мягких обложках у своей мамы. Она имела внушительную библиотеку и, видимо, не замечала временного отсутствия некоторых экземпляров. Смеха ради я открыла один из романов на перемене. И пропала. Позабыв про уроки, тайком прячась за учебниками, читала до самого конца занятий, а потом попросила взять домой на денек. И пропала опять.

Мы не успокоились, пока не перечитали все, что было у Лизиной родительницы. Наверное, именно поэтому я ждала от секса фейерверка и буйства. В романах героини всегда моментально загораются в руках любимого и обязательно кончают. Даже в первый раз. Еще одно заблуждение из женского чтива, что первый – он в идеале и последний мужчина.

Я обожглась на этих глупостях так сильно, что особенно и не стремилась теперь к близости с мужчиной. Вообще, предпочитала держаться от них подальше и относилась очень настороженно. Опыт он, знаете ли, сын ошибок трудных.

Немного расстроившись из-за печальных воспоминаний, я побрела в свою комнату, приняла душ. У меня была своя ванная. Папа заморочился в свое время.

Растирая волосы полотенцем, я присела на кровать, увидела, что телефон горит сообщением.

Ты добралась?

Я взглянула на номер. Конечно, это был Гоша. Кто еще мог такое спрашивать.

Ответила тут же:

Да. Все хорошо. Как Катя?

Спит. Увидимся завтра? Есть дело.

Я вспомнила, что он говорил о работе моделью, но с трудом могла представить себя в этой роли. Что тут снимать? Я подошла к зеркалу. Не худенькая, не особенно красивая. Разве что глаза. Мамины, синие. Волосы безумно-кудрявые. Веснушки нелепые по всему лицу, даже на груди. Скорее странненькая, чем привлекательная. Таких не берут на обложки.

Но снова увидеться с Гошей... Ради этого я была готова даже поверить в собственную

неотразимость. Одна мысль о нем заставляла сердце биться чаще, щеки гореть, а в паху тут же заныло.

Работаю завтра с двух часов.

Пообедаем в полдень?

Хорошо.

Он сбросил название небольшого ресторанчика в том же торговом центре, где я работала. Я снова согласилась. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, заканчивая переписку.

Но спокойствие никак не желало приходить. Я снова и снова вспоминала Гошины прикосновения, голос, взгляд. Как он смотрел на меня. Не глаза, а лазеры. Словно дыры прожигал насквозь. Как говорил. Не просил и не приказывал. Что-то между. Когда нет сил отказать, сопротивляться. Удовольствие делать то, что он хочет. И его пальцы на моем лице. Трогал так, словно имел на это право. А я не смела отстраниться, готовая принадлежать, признаться в собственной слабости.

Всю ночь мне снились руки в чернильных рисунках и ядовитые зеленые глаза.?

Глава 5

На следующий день я проснулась еще до будильника. Отец гремел на кухне посудой, собираясь на службу. Я вышла к нему и всучила контейнер с овощным рагу и мясом. Папа поморщился, но все-таки взял. Знаю я его. Будет всякой гадостью питаться, а потом опять умирать от изжоги.

Едва он ушел, я стала собираться сама. До полудня было еще четыре часа. Ну и что? Надо ведь выбрать одежду, принять душ, уложить волосы – с ними у меня вечно проблемы – накраситься и вообще морально подготовиться к тому, что предложит Гоша. К встрече с ним.

Зря я переживала, что рано начала. Надумала уложить свои бестолковые кудри, но в итоге все равно на голове получилось что-то похожее на гнездо. Начала вытягивать утюжком, но стало еще хуже. Пришлось снова мыть голову, сушить, пытаться уложить, чтобы волосы не торчали в разные стороны. Без толку. В итоге я психанула и собрала их в хвост. Уф, и за что мне это наказание?

С одеждой тоже ничего не придумала. Не рядиться же в соблазнительное мини, чтобы впечатлить Фенова. Мне потом к детям как идти?

Вот и пришлось тащиться на встречу с горячим папочкой в тонком джемпере с круглым горлом и джинсах, правда обтягивающих. На ногах кеды, сверху кожаная куртка. Может, хоть она впечатлит Гошу. Чернильно-синяя косуха, говорят, шикарно подчеркивала мои глаза.

Кусок в горло не лез, но я заставила себя позавтракать. Потом до конца дня не смогу поесть. Не хватало еще мучиться язвой, как папа.

Волнительная тревога сводила с ума, пока я ехала до места встречи. Звонок заставил подпрыгнуть.

- Алло, - проговорила я настороженно, отвечая на вызов Гоши.

- Опаздываешь, - без преамбул заявил он.

Я взглянула на часы.

- Еще пять минут. Уже подъезжаю.

Он мягко рассмеялся.

- Знаю. Хотел сказать, что жду тебя внутри. Скажешь, что к Фенову.

- Хорошо.

От краткого разговора сразу стало так тепло на душе, но еще тревожнее на сердце. Оу, а что не так с сердцем? Красивый мужик, бесспорно, но я же не могла влюбиться с первого взгляда. Тем более что Гоша сначала вообще мне не понравился. А теперь? Да, теперь он мне нравился. Очень. Не знаю, в чем дело. Может, потому что он был таким трогательным и рассеянным, когда уносил спать заплаканную Катю и твякающего Бобса. Или от признательности, что защитил меня от своего сумасшедшего кота. Но, скорее всего, главной причиной было его преображение, когда он взял в руки камеру. Такой мягкий с ребенком, он моментально преобразился в сладкого диктатора, который готов любой ценой запечатлеть красивый кадр.

Хостес провел меня к Гоше, едва я назвала его фамилию. Он сидел, развалившись на диване, опять говорил по телефону. Кажется, я успела забыть, что трубка постоянно приклеена к его уху. Жаль. Без нее он намного приятнее. А так и лицо хмурое, брови

сдвинутые, весь напряженный. Да, именно таким я его и видела в первую встречу. Совсем не похож на мужчину, который меня очаровал, свел с ума.

Но едва он меня увидел, тут же закончил разговор, даже встал из-за стола.

- Привет, - проговорил Гоша любезно, но все же холодно и по-деловому. Хотя глаза тут же вспыхнули, заставляя меня зардеться.

Он подался вперед, положил мне руку на плечо, словно хотел притянуть к себе, поцеловать, но замер, не сократив расстояние между нами. Небрежно погладил, уронил руку вниз. Я разочарованно выдохнула:

- Привет.

- Пообедаем? – предложил он, открывая меню.

Официант тут же оказался рядом с нами, сияя улыбкой. Я тоже открыла папку, но сразу захлопнула, понимая, что не в силах буду жевать от волнения.

- Пожалуй, выпью кофе. Недавно ела, - соврала я. – Капучино, пожалуйста.

Гоша тоже убрал меню.

- То же самое и тарелку сладостей. Не спорь, - пресек он мои возражения. – Десерты здесь божественные.

Я послушалась и промолчала. Едва официант ушел, оставив нас вдвоем, моментально стало неудобно от внимательного взгляда Гоши. За такие глаза сажать надо, честное слово. Разве можно так смотреть? Это же неприлично.

Он, можно сказать, пялился на меня, не пытаясь этого скрыть. Не знаю, может опять пытался вогнать меня в кадр взглядом или просто представлял голый. С него станется. Тот еще плохиш. Притягательный и опасный. Бестолковый и дурной – сказал бы мой папа.

Сегодня Гоша опять был в клетчатой рубашке, но на этот раз с длинным рукавом. Его татушки скрыты, но от этого было не легче. Я ведь знала, что они там.

- Что ты хотел обсудить? - решила я не тянуть резину.

- Хотел нормально предложить тебе работу. Чтобы не было повода подумать обо мне что-то гнусное.

- Думаю, такой повод всегда можно найти, - зачем-то сострила я.

Гоша усмехнулся, кивнул.

- Было бы желание. Я так понимаю, моделью ты не работала.

Он не спрашивал – утверждал, продолжая сканировать меня взглядом. Я изо всех сил старалась побороть смущение и смотреть на него так же прямо и невозмутимо.

- Не работала, - призналась честно.

- Я так и понял. Возможно, это к лучшему. У меня завис заказ. Ни одна модель не соответствует требованиям. Есть вероятность, что ты подойдешь идеально. Вчера я отправил пробники, которые сделал в кабинете, но нужна съемка в студии. Если все выгорит, станешь лицом парфюма – нет, останутся красивые фотки.

Он выдавал информацию сухо и по факту. Я с трудом узнавала в этом деловом холодном мужчине вчерашнего горячего Гошу, который одним касанием и парочкой сладких слов разбудил во мне вулкан неуправляемых страстей. Словно под одеждой он спрятал не только тату, но и свою суть.

- Ты уверен, что я подхожу для этого? – мне никак самой не верилось.

Какая из меня модель? Никакая, скажем прямо. Волосы – вечный взрыв на макаронной фабрике. Лицо веснушками усыпано. Фигура ни разу не подиумная. Но ждала, что Гоша сейчас все это похвалит и скажет, что я потрясная. Каждая девушка хочет такое услышать.

Даже серенькая, как мышка.

- Вот прямо сейчас - не уверен, - обломал мои чаяния Фенов.

Меня будто холодной водой облили. Оказывается, это больно. Едва взлетела, как крылья быстренько обрубили. Я хватала ртом воздух, совершенно опешив от такого заявления. Зачем тогда все это? Для чего он меня позвал?

Официант принес кофе и сладости. Пока он расставлял все на столе, я старалась не смотреть на Гошу. Да, я не считала себя красоткой, но сейчас вот как-то очень обидно вышло. Неужели нельзя сразу определиться, подхожу я ему или нет. Что за издевательство? Или это какой-то новомодный трюк, чтобы затащить в постель?

- ТЫ очень красивая, Ирсен, - проговорил Фенов, едва официант пожелал нам приятного аппетита и ушел. – Но невероятно талантливо прячешь свою яркую индивидуальность. Это редкий дар.

Он задрал уголок губ, откровенно наслаждаясь тем, как окунал меня то в кипяток, то в студеную прорубь.

Я не придумала, что ответить на такой выпад, а Гоша уже продолжил:

- Я профи, Ирс, но не разглядел тебя с первого взгляда. Да и ты обзывалась к тому же, - он хохотнул.

Кажется, я стала пунцовой. Фенов продолжил.

- А потом ты приехала, и... Меня словно током шарахнуло. Вот же она.

- Гош, ты явно преувеличиваешь. Я совсем не понимаю... - залепетала я.

- Это я не понимаю, - перебил он тут же. – Вообще не могу вкурить, какого черта ты забираешь волосы.

Гоша встал и обошел стол, чтобы присесть со мной рядом. Он бесцеремонно потянул за тугую резинку, придерживая волос, чтобы не делать мне больно. Я тихо пискнула от неожиданности.

- Твои кудри – это преступление, конечно, - выпалил он, выглядя при этом немного безумно. – Но прятать их – это вообще на пожизненное тянет. Есть влажные салфетки?

Не дожидаясь ответа, увидел их в открытой сумке, сам вытащил одну, стал аккуратно, но уверенно стирать с моего лица тон.

- Зачем заштукатурилась? Я тебя вообще не вижу за этим слоем тоналки. Как маску нацепила.

- Веснушки, - пискнула я, пытаюсь объяснить. - Ненавижу эту конопатость. Всю жизнь от них избавиться пытаюсь.

- Дурында, - ласково буркнул Фенов, оттирая меня. – Они офигенные, Ирс. Ты необычная. Очень красивая. Не надо прятать то, что делает тебя исключительной. В этом и есть настоящая красота.

Я окончательно лишилась дара речи. Просто сидела и моргала, глядя на Гошу, который бросил испачканную тоном салфетку на стол и теперь рассматривал меня с блаженной улыбкой наркомана, которому всадили дозу в разгар ломки.

Он взял меня за подбородок, и снова дернуло током от его пальцев. Словно на их кончиках рождались маленькие молнии, которые жалили меня, посылая импульсы удовольствия. И опять Гоша не ограничился одним прикосновением. Мазнул большим пальцем по нижней губе, погладил костяшками щеку, ласково дернул за самую буйную кудряшку, которая торчала хлеще остальных.

Фенов облизал губы, и я автоматически сделала то же самое. Мы синхронно сглотнули. Гоша не улыбался больше. Он смотрел серьезно, почти грозно и... плотоядно как-то. Словно хотел меня съесть. Признаться, это было взаимно. Зря мы не заказали нормальный обед.

Загипнотизированная его глазами и прикосновениями, я совсем раскисла и даже чуть подалась вперед, желая ощутить его губы на своих. Он ведь хочет меня поцеловать. Я знаю. Это не галлюцинации. Сложно не заметить его желания. Неужели и со мной все так же очевидно? Напряжение между нами такое, что можно ножом резать.

Гоша прокашлялся, отсел, а потом и вовсе вернулся на диванчик напротив.

- Ладно. Давай по сути, - вернулся он к деловому стилю общения.

Лишь огонь легкого безумия в глазах свидетельствовал о том, что я не придумала искры между нами.

- Я выбил завтра нам студию на пару часов. Ты как? Выходной?

- Да, - сдавленно подтвердила я. – Выходной. А что за студия?

- Обычная, - пожал плечами Гоша, отковыривая ложкой какой-то белый щербет с тарелки.

Он назвал адрес, рассказал, что иногда там снимает, потому что знает владельца. Потом ему позвонили, и я вынуждена была сидеть и смотреть, как он слушает говорящего, отмахивая по куску то от одного лакомства, то от другого. Складывалось ощущение, что разговора как такового и нет, а Фенов просто держит у уха телефон. Он подмигнул мне, вроде как застукав на рассматривании, но я и не стеснялась. После его регулярного сканирования абсолютно имела право глазеть. Да и куда мне деваться? Вот же он – напротив. Разве что тоже попробовать что-то из десерта, а то сейчас сметет все сам. Надо же, какой сладкоежка. Такой расписной бугай должен любить мясо с пивом, а не кофе с молочной шапочкой и конфетками.

Гоша поднес к губам чашку, пачкая верхнюю губу в пенке, облизнулся. А у меня аж язык зачесался. Так хотелось самой убрать молочный след с его рта. Но спустя секунду Фенов грозно проговорил:

- Ты исыяк? Могу я теперь вставить пять копеек?

Я аж втянула голову в плечи. Вот тебе и сладкий папочка.

- Так вот, Евгений Саньч, я буду снимать ту модель, которую сам выбрал. Это было оговорено заранее. Потому что именно мне потом обрабатывать исходники. Это полный цикл, и Альбина прекрасно знает, что я работаю именно так. Никак иначе. Почему? Потому что меня тошнит от силиконовых мочалок, которых вы мне присылаете. Это не женщины, а пиратские копии. Причем копии друг друга.

Секундная заминка. Гоша дернул бровями, и я поняла – дурной знак. Он повысил голос:

- Да мне по колено, Жень, чья это дочь. Хоть Вовы Путина... - еще секунда, чтобы послушать собеседника. – Понятия не имею, кто это... Да? Ну, супер. Пусть он ее и снимает. Удачи.

Он нажал отбой и бросил телефон на стол.

- Все отменяется? – поинтересовалась я аккуратненько, провожая глазами в рот Гоши очередную ложку сладкого.?

?- Чего это? – изумился он, жуя.

- Ну... - я кивнула на телефон.

- Пфф, это фигня. Местный менеджер парит мозги. Заколебал подгонять блатных куриц. За дурака держит. В Москве тебя одобряют моментально.

- В Москве? – охнула я.

- Конечно. Заказчик там, а у нас здесь что-то вроде филиала кастинг-агентства сельского розлива. Невыносимые проходимцы, одним словом. Как видишь, все приходится делать самому.

- Вижу.

Гоша допил кофе, а мой уже давно кончился.

- Ладно, - проговорил он, поднимаясь. – Нужно ехать. Тебя закинуть куда-нибудь?

- Нет. Я же здесь работаю.

- А... - он потерев волосы на затылке. – Действительно. Я совсем забыл, Катарин привет передавала. Просилась еще раз в игровую.

- Приходите, - я улыбнулась. Что еще на это скажешь.

- Да, как-нибудь. В общем, до завтра. Вот адрес, если что. Мой телефон у тебя есть. Не опаздывай. И не красься бога ради.

Гоша сунул мне в руку визитку, качнул головой, вроде как заканчивая разговор, но при этом не спешил уходить. Подошел официант, и он вручил карту для оплаты счета. Я открыла рот, но Гоша тут же понял и сказал:

- Не-не, я угощаю.

- Спасибо, - проговорила я.

- И тебе.

Мы попрощались, и я на ватных ногах пошла к выходу. Уже у двери обернулась. Да, он провожал меня взглядом. Ни капли не стесняясь, как обычно, стоял и смотрел в спину, а возможно, и чуть ниже спины. Мужчины.

Не сдержавшись, я показательно взъерошила рукой непокорные кудри и подмигнула. Гоша засмеялся и развел руками, словно расписывался в собственной слабости.

Глава 6

В ночь после работы с трудом смогла уснуть. Вторая встреча с Гошей взбудоражила меня не меньше, чем первая. Он наговорил столько приятных вещей, в которые было непросто поверить. Вряд ли моя красота исчезала, едва я затягивала волосы в хвост. Так не бывает. Возможно, у Фенова просто фетиш на кудряшки, поэтому он и считает меня привлекательной с хаосом на голове вместо аккуратно стянутых волос.

Однако я не решилась послушаться мастера и пренебрегла заколкой. Как назло в день фотосессии папа не спешил на службу.

- Чудесно выглядишь, солнышко, - бросил он, наткнувшись на меня в прихожей, чмокнул в макушку. – Свидание?

- В среду до полудня? Ты шутишь, пап, - попыталась заговорить ему зубы, уйдя от ответа.

- А куда же?

Пришлось соврать.

- Пройдусь по магазинам.

Не люблю такие дела, но если честно скажу про фотосессию, папа не отстанет, пока не расскажу о предложении Гоши в подробностях. Вероятно, после этого отец еще и проводит до студии. Описывать наши с Гошей игры в его кабинете и рисковать его встречей с папой я совсем не собиралась. Батюшка увидит Фенова издалека и сразу же окрестит наркоманом, пройдохой и скотом, который в лучшем случае научит меня плохому, а в худшем - продаст в какой-нибудь бордель в Нигерии. Вряд ли сработают смягчающие обстоятельства в виде прелестной дочки, забавного пса и кота, который похож на вселенское зло. Это я считаю, что дети и животные не уживаются с подонками. У папы, уверена, нет таких убеждений. Для него тату – это дно общества. Фотограф равно бездельник. Предложил сняться для рекламы? – Глазом моргнуть не успеешь, а он уже снимет с тебя одежду.

Такой уж папа. Он не лезет в мою жизнь, пока я не распространяюсь о личном. Хватило одного раза, когда я не смогла сдержать эмоций и рассказала ему все о том своем первом парне. Не о фригидности, конечно, просто, что он меня обидел, бросил. Отец взбесился. Я едва уговорила его не устраивать разборки.

После этого папа каждый раз был очень внимателен, когда я выходила из дома вечером и при параде. Он не изводил меня расспросами, но и от одних его взглядов становилось не по себе.

Теперь я считаю: меньше знает – крепче спит. Поэтому стараюсь не заострять внимания на общении с мужчинами. Уверена, папа знает, что они есть. Он не дурак все-таки и признает мое право на личную жизнь.

- Магазины – это хорошо, - проговорил отец, не заметив моего волнения. – Люблю, когда ты волосы распускаешь. Такая красотка.

Ох, и этот туда же. Папа дернул меня за кудряшку и взялся за куртку.

- Могу опоздать сегодня, так что не беспокойся, - проговорил он, подмигнув.

Я чмокнула его в щеку, прощаясь.

Почему им нравятся эти безумные спирали у меня на голове. Взрыв на макаронной фабрике. Волосы всю жизнь были моим проклятием. Я боролась с ними с переменным успехом. Последнее время удалось их обуздать с помощью мусса и резинки. Почти никогда

не носила распущенные. С ними у меня был какой-то неряшливо безумный вид. Как ведьма какая-то.

Стоя у зеркала, я пыталась свыкнуться с натуральным своим видом. Распущенные волосы и без макияжа. Черт.

Соблазн нанести тон на лицо был очень велик, но вспомнив, как Гоша тер меня салфеткой, сверкая глазами, решила не дразнить гусей.

В назначенный час я стояла у обычной пятиэтажки в центре. Наверное, Гоша дал мне неправильный адрес. Я набрала его.

- Привет. Опять опаздываешь, - выдал он тут же. Я даже гудка не слышала.

- Ничего подобного. Стою тут, - назвала адрес. – Только здесь никакой студией и не пахнет. Обычный дом.

Гоша хохотнул и велел стоять на месте. Он отключился, а через минуту выглянул из двери первого подъезда.

- Пошли.

Я качнулась на пятках, не решаясь войти. Обычный дом. Я не знаю этого человека. Совсем. Он уже переходил грань в день знакомства. Кто даст мне гарантии, что Гоша не маньяк какой-то. А я даже никому не сказала, куда иду. Божечки.

- Пойдем, Ирс. Время – деньги. В прямом смысле, - проговорил Гоша, протягивая мне руку.

Как загипнотизированная, я вложила свою ладонь в его и позволила завести в подъезд. Вряд ли Гоша собирается сделать со мной что-то, что мне не понравится.

Мы поднялись на второй этаж, вошли в обычную квартиру. Но уже за дверью стало понятно, что зря я паниковала. Это действительно была студия. В своеобразной приемной-прихожей была стойка. За ней стоял парень, примерно мой ровесник. С пирсингом в носу и вдоль брови. В углу маленький диванчик, на котором развалился кругленький мужичок пронырливого вида. Он сразу вскочил, едва мы с Гошей вошли.

- Лешка, это Ирсен. Ирсен, это Лешка, - познакомил меня с парнишкой Гоша, напрочь игнорируя толстяка.

- Ирсен, - фыркнул мужичок, не особенно расстроившись из-за того, что его не представили. – На улице что ли нашел ее? Или по вызову?

- Дмитрий Геннадич, свали, а? - бросил ему через плечо Гоша, уводя меня вглубь помещения. – Притомил. Прости, Ирс, он конченный.

Последнее - себе под нос, так, что слышала только я. Фенов провел меня через несколько комнат с разнообразным интерьером. Все это время мужичок топал за нами, осыпая угрозами.

- Ты совсем рехнулся, Фенов? Какая-то мышь серая? Ты ее хочешь втюхать заказчикам? Не смейся. Да наша Леночка и рядом не стояла...

- На вашей Леночке пробу негде ставить, - бросил Гоша раздраженно. – Смирись уже, Дим. Не буду я с ней работать.

- Ты меня вынуждаешь, Феникс.

- Ага, вынуждаю. Я уже скоро умолять тебя начну – свали с глаз. У меня сессия, настроиться надо и модель подготовить.

- Модель, - выплюнул Дмитрий, словно это было грязное ругательство. – Из нее модель, как из меня балерина.

Лицо толстяка становилось даже не красным. Багровым.

- Покупай пачку и тяни батманы тогда, - продолжал доводить его Гоша. – И советую скинуть центнер, а то не поставят в пару. Будешь, как Волочкова. Сольники и сиськи народу давать. А балет – это все же классика. Лебединое озеро, Кармен... Что там еще? Щелкунчик.

Я не сдержалась и хихикнула.

- Она еще и смеется, - заорал толстяк. Видимо, от Гоши он мог многое стерпеть, а вот я для него была красной тряпкой. – Я не хотел, Фенов. Видит бог, думал, договоримся, но ты сам меня вынуждаешь.

Гоша закатил глаза.

Мы остановились в небольшом закутке, где было зеркало с лампочками. Возле таких обычно снимают актрис. Там нас встретила миниатюрная девушка. Она сидела на высоком стуле и сразу спрыгнула, увидев меня.

- Привет. Я Настя.

- Ирсен, - представилась я, протягивая ей руку. Обычно я всем представлялась просто Ирой, но после знакомства с Гошей куда-то ушли комплексы, связанные с необычным именем.

Настя хотела что-то сказать, но тут Дмитрий заговорил в телефон, напугав девушку.

- Срочно соедините меня с Альбиной. Нет, я не буду говорить с куратором проекта.

- Дим, уйди уже в туман. Нам работать надо.

Гоша буквально вытолкнул его в большой зал и прикрыл дверь, но я все равно прислушивалась, пока Фенов говорил:

- Настюха сделает тебе мейк, Ирс. Она супер профи. Лучшая в городе.

Настя смущалась и говорила, что Гоша ей льстит, усаживая меня на высокий стул.

- Мне нужно все прозрачное. Подчеркивай естественность, не закрашивай ее, - командовал Фенов. – Хочу каждую веснушку видеть, ладно?

- Вас понял, босс, - козырнула девушка кисточкой.

Босс остался стоять, подпирая плечом косяк. Он не сводил с меня глаз, пока Настя делала свое дело. Во всяком случае, я все время встречалась с ним взглядом, когда смотрела. А из большого зала доносились обрывки разговора Дмитрия.

- Да как так, Аль? Ты бы видела эту модель! Она не для нашего проекта... Да, я про «Тайгу» говорю. Нет... нет... говорю же нет, он меня и слушать не желает. Как кто? Фотограф этот, чтоб его. Фенов. Да-да, Гоша-Феникс. Именно он. Что? Чего...

Похоже, Гоша тоже изо всех сил грел уши. Собственно, напрягаться особенно не надо было. Дмитрия было слышно и через закрытую дверь.

- Бесячий дядька, - не выдержала Настя.

- Придурок, - подтвердил Гоша, откровенно забавляясь обломом толстяка.

- А он кто вообще? – не сдержала я любопытства.

- Агент типа, но ведет себя, как сутенер.

- И выглядит так же, - согласилась Настя.

- И девочек мне таких же подбрасывает постоянно. Днем модель, ночью шалава. Все на тьюнинге, под копирку с Барби.

Фенов изобразил рвотный позыв. Я заулыбалась, Настя истоиво закивала.

- Понимаю, Фенюш. Сама устала от такого. Нет, конечно, губы-вареники легко можно и обвести, и нарисовать ярче, но, блиииииин... Это же некрасиво.

- Дай пять.

Гоша протянул ладонь, и Настя хлопнула по ней. Она на этом не успокоилась и

продолжала:

- Слава богу, хоть у тебя хватает мозгов не работать с этим эшелонем пиратских копий Анжелин Джоли. Реально же красиво, когда веснушки и кудряшки, как у Ирсен.

Она мазнула мне по носу кисточкой, подмигнула. Я засмушалась.

- Это она сейчас красотка, а обычно уродует себя хвостом и тоналкой. Обнять и плакать, - сдал меня любитель естественности.

Настя замерла, отстранилась, нахмурилась, погрозила мне пальцем.

- Не надо так, - строго проговорила она. – Я за твои волосы убила бы кого-нибудь. А ты их в хвост...

- У тебя свои красивые, наконец смогла я тоже отвесить комплимент.

- Угу. После часа укладки и ведра лака, - проворчала Настя. – Ну да ладно, зато у меня зубы хорошие, к стоматологам только на чистку хожу.

Гоша заныл:

- Вот ты везучая стерва. Кстати, о везучих, Миша тебе цвет добил?

- Хах, еще неделю назад. - Настя убрала волосы в сторону, оголяя ее сзади. – Смотри.

- Красота, - похвалил Гоша.

Он развернул девчонку ко мне спиной, чтобы я тоже увидела. У нее на шее была татушка. Какое-то слово. Диковинный шрифт или странные буквы в черно-красном исполнении. Больше похоже на клинопись.

- А что означает? - снова проявила я любопытство.

- Мелиан, - ответила Настя. – На языке эльфов из «Властелина колец» значит любовь.

- Ух, красиво, - оценила я

А Гоша прыснул. Настя посмотрела на него сурово.

- Сопли, Настюх, но смотрится загадочно и красиво, - поднял он лапы кверху, игриво сдаваясь. – Но с тем же успехом ты могла себе набить японский иероглиф, который обозначает... я не знаю... Хоть трактор, хоть суп. Эффект был бы тот же.

- У тебя все суп или сопли, Феникс, - проворчала она, продолжая колдовать над моим лицом, - или... как там вы называете с Мишкой? Шлюхометка?

Теперь прыснула я.

- Что еще за шлюхометка?

- Да всякая шихта, которую девки просят выбить на заднице или бедрах. Сердечки, ХеллоуКитти, цветочки, Микки Маус и все в таком духе.

- Такой трусики снимаешь, видишь там бабочку – и все. Значит шлюха, - пояснила Настя логику.

- Бинго, детка, - Гоша изобразил меткий ковбойский выстрел.

Я едва сдержала смех.

- Не морщись, Ир. Мешаешь.

- Прости.

- Ничего. Я заканчиваю уже. Только тушь осталась.

Гоша прислушался к тишине в большом зале.

- Похоже, Дмитрий Геннадич свалил. Значит, сможем спокойно поработать. Чертовски от него устал за последнюю неделю.

- Катюха как? – спросила Настя аккуратно, словно для Гоши дочь была больной темой.

- Сегодня в сад пошла.

- В частный?

- Угу. Монте-хрень-какая-то.

- Монтессори, - подала я голос.

- Вот-вот. Сказали, там хорошо.

- Там все по доброй воли, без насилия и обязательности, но дисциплина прививается, - поделилась я знаниями. – У меня знакомая там воспитатель. На мой взгляд, для детей – это идеальная модель дошкольного досуга.

Гоша и Настя уставились на меня. Я поспешила им объяснить:

- В педагогическом учусь.

Феникс тут же понимающе улыбнулся.

- Вот оно что. На заочном?

- Да.

- Все понятно с тобой.

Тем временем Настя последний раз провела щеточкой по моим ресницам, накладывая тушь. Отстранилась и довольно закивала.

- Принимай работу, Феникс. Все, как просил.

Я повернула голову, чтобы взглянуть на себя в зеркало, и обомлела.

Я не узнала себя. Нет, это все еще была я. Веснушки никуда не делись, и волосы торчали в разные стороны, но кожа на лице казалась почти прозрачной, глаза смотрели холодными льдинками, губы выглядели пухлыми и сочными. Кажется, это называется эффект макияжа без макияжа. Непростое дело, но Настя справилась с задачей на «отлично».

https://pp.userapi.com/c845017/v845017634/d1de6/hfK5_jW-Nd4.jpg

- Идеально, - выдал Гоша.

Он выглядел очень довольным, отражаясь в зеркале за моей спиной.

- Сама тащусь, - тоже заулыбалась Настя, собирая кисточки, палитру и прочие инструменты.

- Провожу тебя.

Гоша взялся за ручку двери, но Настя только рукой махнула.

- Найду я выход, Феникс. Вижу, что тебя трясет от нетерпения. Доставай уже камеру.

Она махнула мне рукой и вышла.

- Господи, я ее даже не поблагодарила, - очнулась я, слезая с высокого стула.

- Сиди, - рявкнул Феникс.

Я вздрогнула и едва не свалилась. Гоша заметил.

- Черт, Ирс, прости. Просто... - начал оправдываться он, но очевидно не находил подходящих слов. – Просто посиди. Я только свет настрою.

Он стал щелкать выключателями на зеркале, установил зонты, направил на меня еще несколько фонарей и только потом взялся за камеру.

- Идеально, - повторил он, а в глазах вспыхнул огонек безумия.

Следующие полчаса я только исполняла его команды. Повернуться, задраить голову, смотреть на свет, на него, в камеру, в угол. Плечи расправить, вытянуть шею, смахнуть волосы с лица, закрыться волосами, глаза в пол, опустить уголки губ, расслабить лицо.

С последним у меня были проблемы. Во многом, думаю, потому что голос Гоши был таким суровым и весь его вид внушал мне какой-то трепет. Я почти боялась его в этот момент. Было страшно не угодить мастеру, разозлить.

- Нет, Ирс, расслабься. Ты напряжена так, что скулы торчат. Мне нужна мягкость сейчас.

- Я не знаю, - оправдывалась я вяло. – Стараюсь, но...

Но у меня не получалось. Гоша резко выдохнул, раздосадованный моими неудачами. Он положил камеру на столик, подошел ко мне, взъерошил и без того непокорную копну волос, взял меня за подбородок, нежно поглаживая большим пальцем ямочку под нижней губой.

Я охнула от удовольствия. Черт, одно его прикосновение, и я как желе. Все тело тут же стало жидким. Мне казалось, еще немного, и я сползу со стула и растекусь лужей у ног Феникса.

Феникс.

Как же ему идет это прозвище. От Гоши так же веет чем-то таинственным, почти мистическим. В нем сила и колдовство, какая-то загадка. Меня влечет к нему со страшной силой. Как бабочка на огонь. Точно сгорю в этом пламени. Феникс возродится из пепла. А

я..?

- Другое дело, - прошелестел шепотом Гоша, проведя кончиками пальцев по моей скуле. Я не заметила, как от его невесомых поглаживаний расслабилась и прикрыла глаза.

Он словно нехотя убрал руку, взял камеру и отщелкал еще серию кадров.

- Идеально, - снова сказал он хрипло и сделал шаг вперед, встав почти вплотную. –

Посмотри на меня.

Я послушно встретила его взгляд. Мы были слишком близко. Так близко не снимают. Кажется, Гоша не дышал. Я, похоже, тоже. Если он сейчас меня поцелует, я умру. Если нет, тем более.

- Ирсен, - выдохнул Феникс, невесомо касаясь моих волос.

Я разомкнула губы, облизала, не в силах выдать ни слова.

- Фен, я свалю пообедать, ага? – раздолбал на куски интимность момента голос Лешика.

А потом и он сам нарисовался в нашем уголке. – Дверь захлопнешь, когда будешь уходить, ага?

- Эээ, без проблем, Лех, - нарочито небрежно откликнулся Гоша, убирая волосы с моего лица. Видимо, делал вид, что это рабочий момент такой. – Ничего, что мы тут одни?

- Гош, первый раз что ли? Ты же наш постоянный. Следующая съемка только в пять. Если сопрешь реквизит, я знаю, где искать твою татуированную задницу, - сострил парень, подмигнул мне. – Пока, Ирсен. Приятно было.

- Ага. И мне, - проговорила я уже ему в спину.

Хлопнула дверь, и Гоша чуть вздрогнул, заморгал часто, сменил свет, снова взялся за камеру, и мы продолжили. Он опять отдавал указания, иногда сам подходил, чтобы помочь мне принять позу или повернуть голову, как надо. Я видела, как Гоша буквально проваливается в какой-то свой мир и утягивает меня туда же.

Но едва я начала падать в кроличью нору, Фенов поморщился, отошел немного, прищурился.

- Сними рубашку, - выпалил он тем же приказным тоном.

Я закашлялась.

- Что, прости?

- Мне нужны волосы на голой коже.

У меня отвисла челюсть, а Фенов снова часто заморгал, словно пытаюсь выйти из транса.

Очнувшись, Гоша тут же стал объяснять:

- Белый цвет забивает. Лицо и волосы совсем не так смотрятся, – и тут же добавил, - Прости, Ирс. Знаю, ты не модель, а обычная девочка. Я на минуту забылся.

Я обиделась. Моментально и сильно. Его слова ранили меня почему-то. Раз я не модель, то стала от этого хуже что ли?

- Возможно, следует найти профессионала вместо меня, - я почти всхлипывала, говоря это.

- Нет, - упрямо замотал головой Гоша. – Мне не нужны профессионалы. Я хочу тебя.

От этих слов я вся вспыхнула. Мы все еще говорим о съемке или... ?

- Я не настаиваю, Ирсен. Не хочу тебя смущать.

- Нет, - быстро решила я. – Говори, что нужно. Раздеться?

Предвкушение стриптиза перед Гошей вскружило мне голову. Кажется, я даже слегка захмелела, готовясь показаться ему без одежды. Если он будет так продолжать смотреть на

меня, я и штаны сниму.

- Мне нужен контраст. Сейчас.

Он сходил в большой зал, вернулся с куском ткани темно-зеленого цвета.

- Сможешь этим прикрыться?

- Легко, - бросила я самоуверенно.

Гоша расплылся в улыбке. Ох, за такую неприкрытую радость на его лице могу и стриптиз станцевать.

На секунду вспомнила, что я совсем не такая. Куда подевалась моя скромность и неуверенность? Видимо, улыбка Феникса выжгла комплексы, как кислота.

Фенов оставил меня в комнате с зеркалом.

- Я тебя жду в общем зале, - проговорил он, прикрывая дверь.

Я думала, что руки будут дрожать, но нет. Я расстегивала пуговицы рубашки абсолютно спокойно, сняла лифчик и обмоталась куском зеленого бархата, завязав узлом подмышкой. Получилось кустарное подобие топа. Глянула в зеркало. Очень даже симпатично. По привычке убрав волосы за уши, вышла в зал.

Гоша возился с освещением в углу комнаты. Там не было никаких тематических инсталляций, просто стена с драпировкой шоколадного цвета и высокий стул из красного дерева, который почти сливался с полотном на стене. Увидев меня, Фенов сглотнул, хохотнул как-то рассеянно, кивнул на позицию, ничего не говоря толком.

Следующие полчаса я снова слышала только его команды. Встать так, повернуться, голову, руки, лицо, взгляд. Он опять был словно не в себе.

И кажется, мне это нравилось. Особенно, когда Гоша включил музыку. Я поймала какой-то свой ритм. Спустя пару песен поняла, что Гоша уже давно не отдает мне указания, только смотрит и улыбается, щелкая затвором. Я по собственной инициативе прогибалась в спине, запрокидывала голову, вытягивала руки, поворачивалась спиной, глядя назад через плечо.

- Замри, - велел Гоша, когда я опустилась на колени на пол и прогнулась, опираясь на руки сзади.

Он подошел ко мне, присел на корточки рядом, поправил «топ», создавая на груди красивые складки. Я задрожала, от мимолетного касания его пальцев. Он не встал, а уселся на задницу, откинулся назад и стал снимать, поворачиваясь корпусом то влево, то вправо.

Все еще следуя за музыкой, я продолжала менять позы, замирая на несколько секунд, как учил Гоша, чтобы камера успела зафиксировать кадры.

- Значит ты не Фен, а Феникс, - заговорила я, когда он отложил камеру и снова стал поправлять сбившуюся на моей груди ткань.

- Да, - подтвердил он, чуть улыбаясь. – Феникс. Друзья так зовут.

- Почему? Из-за фамилии?

Гоша вздохнул.

- Не только.

- Почему, скажи, настаивала я, пытаюсь поймать его взгляд, который он старательно отводил.

- Ты, правда, хочешь знать?

- Да. Скажи.

- Пожалуй, это лучше показать.

Он подмигнул, взялся за майку и одним движением снял ее через голову, отбросив в

сторону стула.

- Воу, - вырвалось у меня неосознанно.

Во всей красе Гоша Фенов предстал передо мной. Я была права. Не только его руки были изрисованы, но и торс. Те жирные линии, что я видела на его руке, продолжались, уходя на корпус и складываясь в графическое изображение птицы.

- Феникс, - выдохнула я, словно заклинание.

От красоты перехватило дух. Я понятия не имела, что тату может быть таким впечатляющим. Похоже, во многом тут эффект приходился на потрясающее рельефное тело Гоши. Широкие плечи, развитые грудные мышцы, кубики пресса. И все украшено черными мазками чернил.

- Невероятно, - добавила я секунду спустя.

А еще через одну протянула руку, чтобы коснуться. Словно ребенок, который впервые в музее и еще не знает, что трогать экспонаты запрещено. Так и Гоша казался мне шедевром, который манил и звал. Как торт на день рождения. Красивый и соблазнительный. В него невозможно не ткнуть пальцем.

- Ирсен, - простонал он, едва я провела от плеча к груди.

- Прости, - я тут же одернула руку, почувствовав, что кровь ударила в щеки, а потом и в виски. Моментально стало стыдно. Наверно, я покраснела до корней волос.

- Нет.

Гоша поймал меня за запястье, не позволяя спрятать руку.

- Я не должна была. Это... Это неприлично, - забормотала я, оправдываясь.

- Неприлично? – он хмыкнул. – Что ты знаешь о неприличном, детка..?

Он вернул мою ладонь себе на грудь. В тот же момент губы Гоши накрыли мои. Его руки стальным кольцом легли на мою талию, притягивая ближе, заставляя прижаться к голому торсу. Я зажмурилась, встречая его натиск радостью.

Глава 8

Гоша провел языком по моим губам, и я тут же раскрыла их, позволяя ему проникнуть внутрь. Поцелуй сразу стал глубоким и страстным. Не хватало дыхания, ощущений. Мне сразу же захотелось больше, ярче, острее, хотя его губы и язык буквально сводили меня с ума.

Я положила вторую руку ему на грудь и начала поглаживать, с удовольствием ощущая крепкие мышцы и гладкую кожу.

Гоша чуть умерил пыл, отступил, лизнул уголок рта, прикусил мою нижнюю губу, почти больно, но так сладко, что я застонала.

Он проложил дорожку поцелуев по моей щеке к уху, зашептал, опаляя горячим дыханием:

- Вот это уже близко к неприличному, Ирсен. Но еще рядом не стоит с тем, что я хочу с тобой сделать. Едва ты вышла в этой тряпке, я думаю совсем не о фотках.

- А о чем? – пискнула я, почувствовав, как Гоша прикусил мочку.

- Лучше тебе не знать.

- Хочу знать. Скажи.

- Не хочу говорить, - упрямылся он, скользя губами от уха к шее, оставляя влажный след, обводя языком яремную впадину.

- Скажи, - потребовала я, задыхаясь, наклоняя голову, чтобы ему удобнее было целовать.

- Лучше покажу, - пробормотал Фенов и снова поцеловал меня.

Мы стояли на коленях, прижимаясь друг к другу, и целовались. Я знала этого человека без году неделю, но близость с ним казалась такой правильной, естественной. И с каждой секундой она приносила все больше и больше удовольствия, превращаясь в потребность, замешанную на возбуждении, которое кололо острой иглой внизу живота. Мне было почти больно и жутко страшно, что сейчас Гоша отпустит, не показав ничего неприличного.

Но я зря в нем сомневалась. Продолжая целовать меня, он запустил руку под зеленый бархат, погладил мой голый живот. Я дернулась от этой ласки и выгнулась в его руках, невольно отбирая губы.

- Господи, Ирс, ты горячая, как... Проклятье... - красноречие явно ему отказывало.

Но Гошу это не смущало, он провел своими губами по моим, а его рука двинулась вверх и накрыла грудь. Мы синхронно простонали, а я еще и вскрикнула, едва он сдвинул сосок между пальцами. Меня словно током ударило. Я широко распахнула глаза и встретила его взгляд. Тяжелый и пронзительный. Гоша смотрел на меня, поглаживая под тканью грудь, а я дышала, как астматик, которого заставили бежать стометровку, глотала воздух кусками и выпускала из легких с протяжными стонами.

Это было настолько невероятно, что я забыла о смущении и тоже не отводила глаз, смотрела на Гошу, который продолжал ласкать меня. Он то поглаживал большим пальцем, едва касаясь, то снова крутил сосок, то аккуратно сжимал мои груди.

Как ни пикантно было смотреть на него во время этих ласк, но мои глаза непроизвольно закатывались от удовольствия, и я снова распахнула их, когда рука Гоши скользнула вниз, и он погладил меня между ног. Я вздрогнула, а он снова заулыбался, как дьявол, и царапнул ногтями по зубчикам молнии на моих джинсах.

- О, господи, - проскулила я, сложившись пополам, уронив голову ему на плечо.

Гоша продолжал дразнить меня через джинсы и пощипывал соски, нашептывая на ухо:

- Так хорошо? Тебе нравится? Скажи мне.

- Да, - хныкала я, вцепившись в его плечи, извиваясь и стараясь потереться о руку, чтобы усилить трение.

Гоша посмеивался, не делая попыток усугубить ласки через одежду. Он даже узел бархатной тряпки не развязал, довольствуясь легким доступом импровизированного топа. Я приоткрыла глаза, и тут же увидела «перья» феникса на его плече. Поцеловала, приободренная тихим стоном, провела губами по чернильной полоске, потом языком. От плеча и ниже, к груди, очертила контур плоского соска, не сдержалась и прикусила.

- Твою мать!

Гоша отстранился, сверкая на меня глазами. Огонь, безумие, желание. Все это было в его взгляде. Но не исключено, что там отражались мои чувства.

- Что же ты творишь, девочка, - пробормотал Феникс.

Он дернул пуговицу и молнию. Нетерпеливо, сильно. Куда только подевались томные дразнилки. Гоша стащил мои джинсы вниз вместе с трусиками, положил руки мне на задницу, сжал. На мгновение мне показалось, что сейчас он завалит меня на пол и все случится грубо и быстро, но вместо этого Гоша стал подниматься вместе со мной. Казалось, он вообще не прикладывает сил. Словно пушинку держал. Похоже, его мышцы не только хороши на вид, но и функциональны.

Я стиснула ногами его талию, но Гоша и так держал крепко, да и не понес меня далеко, а усадил на все тот же стул. Моя попа приземлилась на его майку, и я обрадовалась, что не на голое дерево, потому что... Мало ли кто тут фоткается и чем занимается. Где валялась Гошина майка, я тоже не знала, но ему я доверяла намного больше, чем студийному инвентарю.

- А сейчас будет верх неприличия, - предупредил Гоша, целуя меня снова.

Одновременно он умудрялся стаскивать с меня джинсы. Одна штанина поддалась, а вторая так и застряла на ноге. Гошу такой расклад устроил, и он все внимание вернул поцелуям, которые оставлял сначала на щеках, потом на шее. Он увлекся, посасывая и прикусывая. Завтра на этом месте, скорее всего, будет засос, но я даже не думала его останавливать.

- Гош, пожалуйста, - захныкала я.

Он держал меня за бедра, разведя ноги в стороны, но я знала для них более интересное применение.

- Что, Ирс? Прекратить? Остановиться? – прохрипел он.

- Потрогай меня.

Не уверена, что это сказала я. Голос звучал словно со стороны. Вообще все происходящее казалось каким-то сном нимфоманки. Что ж... В таком случае моя просьба уместна.

Гоша тихо засмеялся, как будто праздновал победу. Его пальцы заскользили по внутренней стороне бедер, растирая, пока не коснулись влажной плоти. Он погладил меня, и я взвыла, потому что он опять дразнил, едва касаясь.

- Пожалуйста, заскулила я.

- Шшш, - зашелестел он, продолжая изводить меня.

Я ерзала и просила. Просила и ерзала. Но Фенов как будто не слышал. Он словно следовал какому-то своему плану. Его губы переместились с шеи на грудь. Он так и не снял с

меня драпировку, лишь отодвинул, оголяя грудь, чтобы лизнуть сосок.

Я вцепилась ему в волосы, дергая за пряди и царапая кожу головы, пока Гоша посасывал и водил круги языком, прикусывал и дул на нежную влажную кожу. И едва-едва касался клитора, погружая палец меж влажных складок, отступал. Меня колотило от напряжения, предвкушения. Пожалуй, я свалилась бы со стула, если бы не держалась за Фенова.

Дергаясь в конвульсиях от почти болезненных ощущений, я находилась на грани припадка, забыв, кто я, где и с кем. Единственное, чего я желала – освобождение. Хотела найти выход буре страстей, которая бушевала во мне, грозя взорвать изнутри.

Я не сразу поняла, что Гоша двинулся от моей груди ниже. Он целовал живот, на миг запустил язык во впадинку пупка, прочертил влажную дорожку до паха, наткнувшись на аккуратный треугольник волос. Кажется, он сказал: «Мне нравится». А может я сама придумала, но разбираться не пришлось. В следующую секунду Гоша собрал все мои соки ртом. Он сомкнул губы на клиторе и потеревил его языком. Я закричала.

Хлопнув себя по губам руками, я пыталась остановить звуки, которые рвались изо рта, но все равно они сбегали сквозь пальцы. Гоша держал меня за бедра, изводя, мучая, убивая своим языком. Он то мягко водил вокруг, то жалил. То посасывал, то буквально кусал губами. Когда я подумала, что сейчас умру, просто разорвусь на тысячу кусков, он ввел в меня сразу два пальца и стал ритмично двигать, синхронно с движениями языка и губ. Я сжалась и приподнялась, чувствуя, как что-то глобальное и беспощадное захлёстывает меня, наступает.

Гоша согнул пальцы, словно нажал внутри какую-то тайную кнопку. Сомкнул губы и прижал язык к клитору. У меня в глазах потемнело. Я словно рванула в космос без скафандра, достигла вакуума и отключилась. С трудом приходя в себя, я стекла со стула прямо в руки Гоши, который уселся на полу, прислонившись к стене, пристроил меня на коленях, крепко обнимая.

-Что это было? – пробормотала я, едва живая.

- Если не ошибаюсь, - тоном знатока выдал Гоша, - поцелуи, переходящие в ласки и кунилингус, который логически завершился твоим потрясающим оргазмом.

- Боже. – Я уткнулась ему в грудь, пряча пунцовые щеки. – Это невозможно.

- Почему?

- Я фригидная.

Гоша потянул меня за волосы, заставляя отодраться от его груди и посмотреть на него.

- Ты? Фригидная? – уточнил он.

- Ну да.

Фенов фыркнул.

Я опустила глаза, но он все равно чертовски меня смущал. Стало совсем не по себе, когда Гоша захохотал. Он смеялся так весело и отчаянно, запрокинув голову, что я сама невольно заулыбалась.

- Чего ты ржешь?

- Фригидная, господи. Это шутка года просто, - ответил он через смех, утирая слезы. Успокоившись и отдышавшись, уточнил: - Кто тебе сказал такую хрень?

-Никто. – Я насупилась. – Сама знаю.

- Заливай. – Он щелкнул меня по носу. – Наверно, наплел какой-нибудь скорострел-неудачник.

Я красноречиво вздохнула.

- Вот-вот. Так и знал, - продолжал Гоша развивать тему, которую я предпочла бы закрыть. Дернул же черт ляпнуть. – Если ты фригидная, Ирс, то сейчас – это что было? Оригинальный приступ эпилепсии?

Теперь я фыркнула, пытаюсь проглотить смешок, и снова, отчаянно краснея, попыталась объяснить:

- Это ведь не то. Другое немного... Ну...

- Из одной серии, - настаивал он.

Мне очень хотелось в это верить, и совсем не было желания сейчас разбираться, почему другие мужчины не вызывали в моем теле и сотовой доли той реакции, которую запросто провоцировал Гоша одним своим присутствием рядом.

Я повела пальцем по чернильной линии феникса, не очень веря, что все случилось наяву. Какой-то сон. Но такой приятный. И так здорово, что сейчас он сидит и обнимает меня, а не «свободна, одевайся, уходи».

- Ирс, навверх посмотри, - вырвал меня Гоша из тихой неги.

Я подняла глаза и увидела камеру, которая тут же защелкала.

- Ты с ума сошел? - завопила я, пытаюсь поймать его руку.

- Прости, не удержался. Профдеформация, наверно, - повiniлся Гоша.

- Удали, - потребовала я. – Немедленно.

Он вздохнул и протянул мне камеру.

- У меня рука не поднимется. Сама давай.

Я нажала кнопку просмотра, и тут же на маленьком экране появились мои безумные волосы, голые плечи и расслабленное лицо на фоне Гошиных тату. Также в кадр попал уголок его рта, искривленный в самодовольной ухмылке. Нет, это я хочу оставить.

- Красивая, - прокомментировал Фенов фотку.

Я промотала еще десяток кадров. На них меня уже перекосило от страха, а вот первый был действительно очень классным. Я удалила все, кроме него.

- Оставила один. Но больше не делай так.

- Ничего не могу обещать, - нагло заявил Гоша. – Ты особенно красивая после оргазма.

- Прекрати, - взмолилась я.

– Я бы мог тебе показать и доказать на деле, что ты во всех смыслах не фригидная, но тогда мы точно не уложимся до пяти, и меня больше не пустят на порог этой студии.

Представив, как нас тут могут застукать, и окончательно смутившись, я заерзала на нем. Видок у нас был красочный. Я в джинсах которые застряли на правой лодыжке, голой задницей сижу на Гоше. Он, наоборот, в штанах, но без майки, обнимает меня и все еще посмеивается.

- Нужно заканчивать, да, - выпалила я, вставая и пытаюсь нащупать трусики, натянуть джинсы.

- Если честно, я хотел закончить еще в студии с зеркалом. Не думал, что ты согласишься снять рубашку, - признался он, глядя на меня с пола и снова самодовольно ухмыляясь.

- Ты такой бессовестный, Феникс.

Я пыталась злиться, но совсем не получалось. Мне было слишком хорошо.

- Даже извиняться не буду.

- Даже не ждала твоих извинений.

- Я, правда, не думал, что ты разденешься. Ты же не модель.

- Конечно. Не модель, - повторила я с обидой. Он снова задел меня этим. Застёгивая джинсы, я говорила, совершенно не контролируя себя. – Раз уж разделась, то ты решил снять с меня штаны и усадить на стул. Наверное, со всеми моделями такие фокусы проворачиваешь? Мне нужно быть польщенной.

Кипя от обиды, я пошла в студию с зеркалом, где оставила рубашку и лифчик, на ходу развязывая узел импровизированного топа.

- Ирс, постой.

Гоша быстро поднялся и поспешил за мной. Я бросила ему в лицо зеленый бархат. Все волшебство моментально улетучилось. Он казался мне теперь просто похотливым засранцем.

- Ирсен...

Гоша поймал меня, когда я уже справилась с лифчиком и накинула рубашку.

- Детка, я не хотел тебя обидеть и... И сажать тебя на стул тоже не хотел.

- Разумеется. Я же не модель, - голос дрожал, предавая.

- Ты лучше, - проговорил Гоша, взяв мое лицо в ладони. – Я правда пытался держаться подальше. Изо всех сил сдерживался, пока ты не пристала с этим проклятым фениксом.

- Зачем... сдерживался?

- Затем, что ты скромная и сдержанная.

- И фригидная еще, - буркнула я.

Гоша закатил глаза, и я тут же продолжила, не давая ему перебить.

- Но знаешь, Фенов, даже фригидные синие чулки иногда хотят секса.

Он прихватил меня за задницу, прижал к себе, давая почувствовать, что и татуированные горячие засранцы тоже не против секса. Вот ни капли.

- Еще раз скажешь о сексе, и я тебе устрою полную и безоговорочную отмену фригидности прямо сейчас, - пригрозил Гоша.

- Не искушай, - дерзко ответила я.

Он снова начал меня целовать, но на этот раз не увлекся, а продолжал говорить, касаясь моих губ своими и отступая.

- Не хотел так, Ирс. Совсем не так. Сначала дома, теперь тут... Я совсем забыл, как это делается по-нормальному.

- Забыл? – у меня сохранилось издевательское настроение. – А ты знал ли вообще?

- Не уверен. Но, кажется, я должен пригласить тебя куда-нибудь. Кино, парк, ресторан. На свидание, да?

- Ничего ты мне не должен. Скорее наоборот.

Я дернула бровью, намекая вполне однозначно.

- Я запомню, - улыбнулся Гоша, убирая руки с моей попы, застегивая пуговицы рубашки. – Я бы отвез тебя домой, но...

- Не надо.

- Надо, но я не могу.

- Вот и не надо, - продолжала я упрячиться. – Не делай из этого событие.

Я кивнула на стул. Гоша сморщился не слишком довольный моим легким тоном. Однако он не настаивал.

- Ладно. Как скажешь.

Я тут же пожалела о своих словах, показательном выступлении, но было поздно. Пришлось держать лицо и делать вид, что я каждый день раздвигаю ноги перед любителями

орального секса.

Мне ужасно хотелось с ним переспать. Пусть даже без отмены фригидности, черт бы с ней. Мне было бы хорошо и без оргазма, уверена.

Мне ужасно хотелось пойти с ним на свидание. По-нормальному. В кино или кафе.

Мне ужасно хотелось узнать его ближе, открыться самой.

Но...

Даже я не настолько наивная, чтобы понимать, ничего не получится. Он горячий красавчик, который привык к развязным моделям, веселью после и во время фотосессий. Еще и отец трехлетней девочки. К тому же разрисованный, как жостовский поднос. Мы слишком разные, и сегодня мне лучше уйти, не рассчитывая на новую встречу.

Именно это я и поспешила сделать.

Наскоро обувшись в приемной, схватила сумку, куртку, бросила:

- Пока и спасибо.

Не дожидаясь его ответа, я выскочила за дверь. Именно так и надо все закончить, потому что дальше я просто поплыву по течению, не в силах вырваться из стихии.

Пока ехала домой, смогла убедить себя, что это был единственный вариант развития событий. И так уже слишком много позволила себе и ему. Вспомнив все, что натворила в студии, опять покраснела. Это совсем не похоже на меня. Я действительно тихая и скромная. Откуда только взялась эта неконтролируемая дерзость и бурная страсть. Нет, лучше держаться подальше. Гоша Фенов плохо на меня влияет.

Едва я утвердилась в этой мысли, пришло сообщение в вайбер. От Гоши.

В следующий раз так легко не удерешь.

Далее он прикрепил ту самую фотку, где я прижимаюсь щекой к его груди и мы сидим на полу. Подписал:

Последний кадр – самый лучший. Вернее, крайний, а не последний ;)

Я с трудом сдержала стон. Снова взбудораженная и возбужденная, я совсем не понимала, что происходит. Зачем он мне пишет и на что намекает.

Понадеявшись, что Феникс оправдает свое прозвище и быстро сторит до тла, я выбралась из маршрутки и пошагала к дому.

Приготовить ужин, встретить папу, посмотреть план работ по учебе. Отвлечься и забыть, вернуться в привычную реальность, где нет места сексуальным фотографиям.

План по возвращению в рутинную реальность работал отлично. Второй выходной я потратила на уборку дома, сходила в магазин, даже пирог испекла. Устала ужасно, но зато уснула, едва коснулась головой подушки. Меня не соблазнял во сне татуированный бог фотосъемки, который не давал покоя накануне.

Не очень отдохнувшая, но выспавшаяся, я отправилась утром на работу. Первая смена (особенно в будни) – халаянная. Детишки все по садикам и школам. В комнате нет ажиотажа, и я, можно сказать, валяю дурака. Когда два-три пупсоклиента – это расслабон, а не работа.

Смена пролетела незаметно. Я уже прикидывала, где пообедать, чтобы сразу поехать в библиотеку, подобрать материал для курсовой. Пришла сменщица Алиса, и мы, как обычно, разговорились ни о чем.

- Ой, я же забыла, Ир, - проговорила она, когда я уже сняла фирменный яркий жилет с диснеевскими героями. – Тут такое было...

Она закатила глаза, и я невольно хмыкнула. Алиска любила поделиться в красках самыми заурядными событиями. Начиная от знакомства с охранником из магазина, заканчивая историей, как она сажала на горшок ребенка в памперсе.

- Тебя тут искали, - выдала она.

Я вздрогнула.

- Кто?

- Я, - слышалось у меня за спиной.

Тут же я почувствовала, как щелкнула заколка, давая моим волосам свободу.

Я зажмурилась.

Алиска подпрыгнула от неожиданности, потому что стояла полубоком и тоже не видела, как подошел Гоша. А это был именно он.

- Говорил же, никаких больше забранных волос, - прошептал он мне на ухо, не стесняясь свидетелей.

- Да. Вот он искал, Ир, - подтвердила сменщица, ничуть не смущаясь, напротив, улыбаясь Фенову во все зубы. Словно лошадь, прости господи.

- Разве говорил? – ответила я Гоше, стараясь игнорировать Алискин щенячий восторг.

- Если нет, то теперь говорю. Никаких заколок и резинок. Я запрещаю.

- Да ты что? - процедила саркастически и сморщилась.

Алиса подвинула меня, стараясь словно случайно оттеснить и встать между нами. Она бы лучше за детьми смотрела, ей богу. Моя смена уже закончилась.

Стараясь не смотреть на Гошу, я поморщилась от неприятного чувства. Похоже на ревность, но с чего бы мне ревновать. Это от неожиданности. Уж больно тихо подкрался, и этот заговорщический шепот...

- Ира, привет, - звонко поздоровалась со мной Катя.

Я ее и не заметила сразу. Перевела глаза вниз, улыбнулась. Девчущка держала папу за руку, подмышкой старого знакомца Ушастика.

- Привет, Катюш, - я присела на корточки, нажала ей на нос, как на кнопку. – Пришла поиграть к нам снова?

- Нет. Мы за тобой, - ответил за дочь Гоша.

Я задрала голову.

- Что?

- Мы вчера к тебе приходили, вечером. Алиса сказала, ты утром работаешь, и папа сказал, что мы тебя заберем после работы, - бесхитростно сдала Катерина план.

Гоша пожал плечами, вроде как извиняясь и расписываясь в своем коварстве. Я потрепала Катю по щеке, выпрямилась. Гоша выглядел немного растерянным, почти смущенным. При его комплекции и узорах на коже, такое лицо смотрелось очень забавно, почти трогательно. Но он не прятал глаза и улыбался мне тепло-тепло.

- Да, я так и сделал, - признался он честно. – Спасибо, Катарин, что рассказала об этом Ирсен первым делом.

- Пожалуйста, - заулыбалась девчушка, еще слишком маленькая, чтобы оценить отцовский сарказм.

- Короче, мы собираемся тебя украсть, - засиял Гоша, полностью оправившись от неловкости.

От его улыбки у меня самой мгновенно растянулись губы.

- Да, - добавила Катя важно.

И я рассмеялась.

- Алис, спасибо, - подмигнул Гоша сменщице. Он приобнял меня за плечи и повел к выходу из торгового центра.

От его заявлений и инициативы я растерялась и совсем не сопротивлялась крепкой руке, которая лежала у меня на талии, не позволяя отстраниться и заставляла идти в такт с Гошей.

- Если честно, я собиралась... - начала я, очнувшись уже на парковке.

- Ничего не знаю, - обрубил Гоша. – Никаких отмазок. Ты же не хочешь расстроить Катю. Она очень хотела тебя увидеть.

Мелкая часто закивала, подтверждая.

- Это нечестно, - простионала я.

Отшить Гошу я еще могла, но его дочь связывала меня по рукам и ногам. Большие серьезные, глаза. Совсем не детские. Нет в этой девочке наивности. Она как маленький взрослый человек. Меня это одновременно трогало и пугало. Не могу сопротивляться ее обаянию.

- Я знаю, - Фенов продолжал скалиться, прекрасно понимая, что припер меня к стенке. – Садись и поехали.

Он достал ключи от машины и нажал кнопку. Черный вольво впереди приветственно мигнул фарами. Первым делом Гоша открыл дверцу и усадил меня на переднее сиденье. Наверно, чтобы я не сбежала. Хотя сил и желания у меня не было. Даже голод отступил, освободив место в животе бабочкам. Знаю, нужно было передавить этих крылатых тварей, но я не могла. Мне хотелось провести время с Гошей и Катей. Они как-то странно на меня действовали, полностью зомбировали, влюбляя в себя за минуту, парализуя и не позволяя сопротивляться. Я почувствовала это еще в день знакомства, увидев Гошу с заплаканной дочерью на руках, но тогда подумала, что это банальные штампы будят материнский инстинкт, а потом и неконтролируемое желание размножаться.

Но сегодня все оказалось еще хуже. Я вполне осознанно поддалась их уговорам, повелась на интриги. И... о, господи, собиралась получить удовольствие от спонтанной прогулки.

- Куда мы? – спросила я, когда Гоша закончил пристегивать Катю в кресле на заднем

сидении и устроился на водительском месте.

Вообще могла бы не спрашивать. Мне было все равно, но приличия ради...

- Мы едем кормить уток. Папа забрал меня из сада пораньше и отпустил Марину, - сдала опять все явки и пароли Катя.

- Марина – это няня, - поспешил объяснить Гоша.

- Ясно, - я кивнула, улыбаясь.

А Катя продолжила болтать. Находка для шпиона.

- Я люблю, когда папа меня забирает. Вчера и сегодня. Это хорошо. В саду тоже хорошо, но раньше я ходила в другой. Там был Леша. Он плюется. Его сажают отдельно, он плачет, но потом снова в нас плюет. Мне это не нравится. И воспитатель. Сейчас хорошая, а раньше была строгая. С папой лучше. Марина вот тоже строгая, но она худая. А воспитатель в садике строгая и жирная. Папа говорит, что она от этого и орет на нас.

Не сдержавшись к концу рассказа, я захохотала. Гоша издал звук: что-то среднее между фырканьем и стоном.

- Вообще некрасиво такое говорить о взрослых, - пожурила его я.

- Но это правда, - невозмутимо пожал он плечами. – Она бомбовоз реальный.

- Гош, Катя ей так и скажет.

- Пусть скажет, - Фенов глянул на дочь в зеркало заднего вида, подмигнув. – Мне не жалко. Твою мать, дятел комнатный! Куда ты жмешься!

Последнее уже относилось к водителю машины, что пыталась вклиниться в ряд, где ехали мы.

- Да, олень, куда прешь! – вякнула Катя вдогонку.

Оценив мои огромные от потрясения глаза, Гоша поспешил объяснить:

- А вот это перебор, знаю. Никак не могу научиться сдерживаться при ней. Но на дороге одни валенки.

- И дебилы, - снова подсказала Катя.

- И дебилы, - буркнул под нос Гоша.

Я не могла перестать смеяться всю дорогу. У меня даже живот заболел.

- Зато я матом не ругаюсь, - похвастался Фенов, глуша мотор.

- Что, вообще? Или за рулем? Или при ребенке? – поддела его.

- За рулем при ребёнке. И вообще при ребенке.

- Это похвально.

Я похлопала его по плечу и отстегнула ремень безопасности.

Выбравшись из машины, мы пошли к воротам парка. Солнце еще баловало, и было достаточно тепло. Я даже куртку не застегивала, позволяя легкому ветру проникать под короткий свитер. Гоша тоже шел нараспашку. Широкий, длинный шарф висел у него на шее, скорее как аксессуар. Катюшка тоже была в легкой курточке и шапке, джинсах и кроссовках. Я мысленно похвалила своего расписного фотографа, что не закутывает девчонку. Насмотрелась я на деток, которых запускают в комнату в ватных штанах и шерстяных свитерах, когда на улице чуть меньше двадцати. С них уже через минуту начинает пот лить градом. Бедолаги. Хорошо, что Кате это не грозит. Видимо, Гоша адекватный папаша.

Катя взяла нас обоих за руки и уверенно вела к запруде, где водились утки. Гоша размахивал пакетом с хлебом и щурился на солнце, беспрестанно улыбаясь. Я поймала себя на мысли, что тоже не могу опустить уголки губ. Подумать только, я едва знаю этих двоих, а ощущение, что мы старые знакомые. Возможно, даже родственники. Странное чувство.

Наверно, это из-за ребенка. Тот самый материнский инстинкт и некоторые знания из педагогики, которые позволяют мне работать с детьми без лишних травм для психики.

Едва мы добрались до берега, утки не заставили себя ждать. Они важно выбирались на сушу, побрякивая и смешно дергая хвостами. Гоша достал булку, вручил Кате, вторую – мне. Предвкушение праздника не портил даже пронизывающий ветер у воды. Мы отламывали кусочки и бросали уткам. Те, что понаглее, брали прямо из рук. Катя смеялась звонко, как колокольчик.

- Он меня за палец куснул.

- Не больно? – тут же перепугалась я.

- Нет, смешно, - продолжала она заливаясь, неловко отрывая от булки малюсенькие кусочки.

Тут же захотелось ей помочь, и я протянула руки к Катиному хлебу.

- Давай я...

- Не надо, Ирс, - обрезал Гоша резковато и мягче добавил. – Она сама справится. Мелкая моторика и все такое. Полезно руками работать.

- О, - только и выдохнула я.

Действительно, куда полезла. Он отец и лучше знает. Я повела плечами. Стало не по себе. Еще и проклятый ветер. Я застегнула куртку.

- Замерзла? – спросил Гоша.

- Немного, а что? – дерзко выпалила я. – Дашь мне свою куртку?

- Нет, - он ухмыльнулся. – Но сделаю вот так.

Фенов стащил с шеи шарф и намотал на меня в три круга, а потом еще и обнял, прижав меня спиной к своей горячей широкой груди.

- Гоша, - тихо возмутилась я. – Ребенок.

- И что? – не понял он моих опасений. – Ребенок счастлив. И я теперь тоже.

- Бессовестный.

- Это точно.

Катя действительно не обращала на нас внимания. Ее больше увлек маленький мальчик, который пришел с мамой посмотреть уток. У них не было хлеба, поэтому Катя щедро вручила карапузу свой кусок, а к нам вернулась, чтобы забрать остатки моей булки. Она деловито рассказывала, как правильно кормить уток, а потом показывала, снова смеясь, когда смелый селезень задел клювом ее пальцы. Еще веселее детям было наблюдать, как утки щипали друг друга за хвосты и отнимали хлеб.

Я пригрелась в Гошиных объятиях, почти не чувствовала холода. Правда, немного мутило от голода, но я бы ни за что не призналась в этом из страха разрушить момент идиллии.

Подумать только, а я ведь не собиралась с ним больше встречаться. Даже знать ничего не хотела. А сейчас стою и просто кайфую.

- Я наверно опять все делаю не так, - проговорил Гоша мне в ухо. Его губы касались волос, дыхание щекотало кожу.

- Что не так? – не поняла я.

- Свидание, Ирс. Хотел пригласить тебя куда-нибудь, но пришлось выяснять при Кате твой график, она тоже захотела с тобой встретиться. Вместо романтической встречи у нас теперь детский сад и зоопарк.

- Я не против, - заверила его я, откидывая голову Гоше на плечо. – Мне хорошо и весело.

- Врешь, - засмеялся Фенов. – Но я притворюсь, что поверил.

- Если хотел встретиться, почему не позвонил? У тебя есть мой номер.

- Это неинтересно. После всего, что мы уже наделали, нужно было совершить какой-нибудь маленький подвиг. Например, нагрянуть внезапно и забрать тебя с работы в парк.

- Да, ты просто мистер Внезапность, - усмехнулась я. – И конченный романтик.

- Не, я не романтик, ни разу. Но ты – да.

- Ты думаешь?

- Уверен.

- Так хорошо меня знаешь?

- Я очень проницателен, детка.

От его слов я снова поежилась.

- Холодно? – тут же откликнулся Гоша. – Пойдем отсюда.

- Нет-нет. А как же утки?

В этот момент Катя как раз подбежала к нам, чтобы объявить:

- Хлеб кончился. Пошли на площадку.

- Не замерзла? – тут же уточнил Гоша и отпустил меня, чтобы потрогать Катину шею. – Теплая. Пошли.

Катерина поскакала вперед, а Гоша положил мне руку на плечи, крепко сжал. Словно боялся, что я убегу. Мы шли по осеннему парку, наслаждаясь тёплым днем. Деревья скрыли нас от ветра, и я совсем согрелась, но не спешила отдавать Гоше шарф. Было приятно вдыхать легкий мужской аромат. Не парфюм, а что-то едва уловимое. Например, лосьон после бритья. Сегодня Фенов как раз был гладко выбрит. Сразу вспомнились его поцелуи, и как у меня кололо щеки после щетины. Снова вздрогнула.

- Холодно, Ирс? – опять уловил мои вибрации Гоша.

Прежде, чем я ответила, он сунул руку мне за шиворот. Я завизжала, смеясь, его пальцы были прохладными.

- Нормальная, - поставил диагноз Фенов и крикнул дочери. – Катарин, потише на лестнице. Шею свернешь.

Катя действительно носилась по детскому городку, как угорелая. Она быстренько подрядила себе в пару еще одну девочку, и они увлеклись какой-то им одним известной игрой. Откуда-то вкусно пахло шашлыком. Наверное, из кафешки у входа. Рот моментально наполнился слюной, а голова чуть закружилась от голода. Я присела от греха подальше. Гоша опустился рядом со мной на лавочку.

- Ты уже можешь спросить, - проговорил он загадочно.

- О чем? – я догадывалась, но сделала вид, что не понимаю.

- Про Катину маму. Думаю, после того, что мы делали в студии, ты имеешь право задавать вопросы о личном.

Глава 10

- Про Катину маму. Думаю, после того, что мы делали в студии, ты имеешь право задавать вопросы о личном.

- Разве? – я искренне интересовалась. – Что мы такого делали в студии?

Ревность снова кольнула, но я попыталась уверить себя, что нет смысла циклиться на этой боли. Не имею я права его ревновать. Конечно, он развлекался с моделями и раньше. Но упоминание Катининой мамы меня встревожило больше. Может, они не женаты, но вместе? Бред. Тогда бы он не потащил меня с ребенком на прогулку, не обнимал бы. Это каким моральным уродом нужно быть.

- Ирс, я сажаю на стул не каждую девчонку, которую снимаю.

- Не каждую? - ядовито выдавила я. – Через одну? Или две из трех?

- Перестань, - строго оборвал меня Гоша. – Я не святой, но и не трахаю все, что движется.

- Как скажешь. Я тоже не раздвигаю ноги перед каждым красавчиком в татушках.

- О, я красавчик?

Он задрал бровь, сияя мальчишечьей улыбкой. Я закатила глаза. Как будто сам не знает. Чтобы перевести эту скользкую тему, вернулась к другой.

- Так где Катина мама? Вы развелись? Почему она оставила тебе Катю? Уехала?

Я озвучила самые предсказуемые версии.

- Нет, - отмел Гоша мои домыслы, а потом спокойно выдал. – Она умерла. Чуть меньше года назад.

- Прости, - тут же вспыхнула я. – Я не хотела...

- Не извиняйся. Я сам собирался тебе сказать.

Гоша погладил меня по колену, успокаивая. Я искренне ему сочувствовала, хотя слегка недоумевала, как просто он говорил о смерти жены. Меньше года – всего ничего времени прошло.

- Значит, ты вдовец. Такой молодой.

- Мне двадцать восемь, - продолжал откровенничать Гоша. – И я не вдовец. Мы не были женаты. Даже вместе не жили. Переспали разок. Я вообще случайно узнал, что Катя родилась. От ее бабушки. Жил тогда в Москве. Ни сном ни духом.

- Как же так? – я снова не могла унять любопытство.

- Как-то так, Ирс. Ее Света звали. Она танцевала в клубе, где я любил зависать с приятелями. Приехал на родину повидаться. Выпили... Злоупотребили, конечно. Поперлись в клуб, а там она. Тоже не очень трезвая была. Может не только от вина. Потом уже говорили, что она чуть ли не со школы баловалась всякой дрянью. Мишка ее хорошо знал, да и Настя тоже.

- Которая макияж делала? – уточнила я, едва дыша во время его исповеди.

- Да, она. А Миха – ее парень. Они сто лет уже вместе. Собственно, сначала Мишка и сказал мне, что Светка вроде как беременна.

- Вроде как?

- Она танцевала едва ли не до восьмого месяца. Живот был маленький, похоже он ей не мешал работать. Наверно, и дурь продолжала дуть, а может и что похлеще. Я стараюсь не думать об этом. У Кати были проблемы по неврологии, но сейчас вроде все вылечили.

Светкина мать поэтому меня и нашла. Деньги нужны были. Сидела с Катей, пока Света работала. Но чего она там имела? Думаю, ради дури и вернулась в клуб, едва ребенку месяц стукнул.

- Месяц? – я ушам не поверила.

У меня одноклассница родила почти сразу после школы. Мы хорошо общались, и она рассказала, что после родов едва ли через два оклемалась. Плюс все время проводила с ребенком.

- Да, месяц, Ирс. – подтвердил Гоша. – Мне кажется, Светку мать уговорила ребенка оставить. А может срок уже был... Не знаю. Но Катя маму почти не помнит. Все время с бабушкой проводила. Может оно и лучшему.

Я часто заморгала. Захотелось подбежать к Кате прямо сейчас и обнять ее крепко-крепко. Я не судила Свету, но было так обидно за эту милую девочку. Я тоже почти не помнила маму, но потому что время стерло ее образ. Однако в память навсегда врезался ласковый голос и запах печенья, домашнего. Мама не любила покупать выпечку, всегда старалась сама что-то наколдовать. Даже самое простое, но домашнее.

Я шмыгнула носом, надеясь, что сопли будут оправданы осенним прохладным воздухом.

- Я вообще не поверил, что Катька моя сначала. Мало ли, с кем там Светка зажигала. Но поехал сразу, не хотел почтой денег отсылать. А увидел мелкую и понял – моя. Копия ведь.

Улыбнувшись ему, я закивала. Они действительно были похожи. Глаза и губы одинаковые. Черты лица у Кати мягче, щечки кругленькие. Но вот самое забавное – как они одинаково играли бровями и улыбались уголками губ. Возможно это уже приобретенное. Я вот очно так не могла.

- Ты вернулся из столицы ради Кати?

Гоша хмыкнул.

- Ты слишком хорошего обо мне мнения. Нет, я просто посмотрел ребенка, признал, дал денег, пообещал помогать. Светку даже не увидел, все с ее матерью решал.

- Как не видел?

- Ну вот так. Она работала все время. Или шлялась. Не знаю. Похоже, плотно села на экстази. Таблетки ее и подвели. Мишка говорил, что с алкоголем они дали реакцию. У Анфисы Палны я даже не стал спрашивать. Она и так была сама не своя. Хорошо, что оклемалась. Наверно, из-за Кати не свихнулась. Дети – отличный повод, чтобы оставаться в своем уме. Хей, Ирс, не плачь.

- О, прости... я...

Оказывается, слезы капали у меня из глаз, пока Гоша рассказывал. Я поспешила смахнуть их.

- Прости, я что-то...

- Это ты меня прости. Грузу тут тебя печальными историями. Просто хотел, чтобы ты знала, понимала.

- Я понимаю, Гош. Значит, ты вернулся после смерти Катиной мамы?

Он покачал головой.

- Не совсем. Я приехал, чтобы побыть с Катей во время похорон и потом. Я виделся с ней до этого раз в месяц. Уже тогда думал забрать с собой, но Анфиса не позволила. У нее тут садик, друзья, привычный город. Да и я постоянно мотался по съемкам. Решили, что лучше она будет с бабушкой, чем с нянькой. Но недавно у Анфисы Палны слегла тетка. У нее больше нет родственников. В общем, Катина бабушка уехала, а я приехал. Вот так и

живем теперь.

- Все-таки бросил Москву?

Фенов скорчил гримасу.

- А чего там особенного? Я могу и здесь работать. Заказов на съемки, конечно, было больше в столице, но я еще и рекламой занимаюсь. Стал больше отрисовывать. Это тоже весело. Я же худучилище заканчивал.

- Правда?

- Ага. Опять же удобно. Я дома работаю. Няня у нас приходющая, на договорной основе. Когда не могу, она отводит Катю в сад и на гимнастику. Ну и отпускает меня по утрам в тренажерку. Не могу без нагрузок, - он словно извинялся.

А я опустила глаза и пробормотала:

- Нагрузки тебе к лицу.

- Спасибо, малыш.

Гоша обнял меня за плечи, прижал к себе. Я почувствовала, как его губы коснулись виска. Даже эта мимолетная ласка обеспечила мне повышение температуры в южных широтах. Кошмар. Я извращенка просто. Хочу его, когда рядом Катя носится. Нужно держать себя в руках. То реву, то тут же возбуждаюсь. Совсем с катушек слетела.

Сглотнула. Мой пустой желудок тут же отозвался урчанием, да таким громким, что Гоша услышал.

- Ирс, ты голодная что ли? – спросил он.

- Немного, - призналась я честно.

- Когда ела последний раз?

- Утром.

- Офигеть. Седьмой час. Ну ладно я осел – не подумал; сама чего молчала? Голодного обморока ждала? – стал ругаться Гоша.

- Сам сказал, что никакие отмазки не принимаются, - заворчала я, поднимаясь с лавки вслед за Феновым, который тянул за руку.

- Офигеть, - повторил Гоша. – Каааать, поехали. Ирсен у нас оказывается, не ела с самого утра. Заморили голодом человека. Погнали ужинать.

- Пицца? – радостно воскликнула девочка.

- Нет, - обрубил папочка безапелляционно. – Домой.

- Неудобно, - буркнула я, не имея сил сопротивляться, снова ведомая Фениксом.

- Все у тебя вечно неудобно, Ирс. Поехали говорю.

И он опять засунул меня в машину, потом Катю и дал газу.

Катя пришла в восторг от того, что я еду к ним в гости. Она тараторила, не замолкая, искреннее по-детски радуясь моей компании. Наверно, у них редко бывают гости. Я совершенно неуместно порадовалась, что Гоша, похоже, не водит женщин в дом. Тут же отвесила себе воображаемых оплеух. Куда заносит? Я же настроилась, что кунилингус в студии – это не повод для закладки фундамента розовых замков. Гоша вообще странно бы смотрелся в розовом замке. Разве что как плохой дядька, который собирается выкрасть принцессу. Собственно, и я та еще принцесса. Ни в одной сказке они не утекают от татуированных фотографов.

Я хмыкнула, представив себе подобную сказочку. Себя в пин-ап образе, Гошку немного карикатурного. Получился бы забавный порнокомикс.

- А еще Бобсик, наверно, соскучился и накакал, - вырвала меня из непристойных размышлений Катя.

- Не накакал, - закатил глаза Гоша. – Я гулял с ним в обед.

- Папа всегда ругается, если Бобсик какает дома. А потом извиняется, потому что, если Бобсик накакал дома, значит папа с ним не гулял. И сам виноват, что Бобсик накакал. Ругаться надо на себя самого.

- Папа у тебя молодец, очень самокритичный, - усмехнулась я.

Не сдержалась и погладила Гошу по коленке, потому что выглядел он весьма сконфуженным.

- Сколько раз она повторила слово накакал? – поинтересовался Феникс, перестраиваясь. – Сто? Или больше?

- Твоя мужественность не выдерживает такого концентрированного какашками рассказа? – хохотнула я.

- Женщины. Вы меня с ума сведете.

- Ты и так от нас без ума, папочка, - звонко выпалила Катя.

Гоша безнадежно выдохнул.

Пока мы ехали, я написала папе смс. Вряд ли вернусь поздно, но он все равно будет волноваться.

- Кому ты там строишь? – бесцеремонно потребовал отчета Фенов.- Бойфренду?

Я почему-то смутилась.

- Нет у меня никакого бойфренда, - буркнула я, убирая мобильник в сумку.

- У тебя нет бойфренда. У меня нет жены. Как все удачно складывается, - продолжил он вгонять меня в краску.

Гоша повернул к дому.

- А мама была твоей женой? – спросила Катя.

Я вспыхнула. Нельзя при ребенке вести такие разговоры. Взглянув на Гошу затравленно, я уже собиралась начать паниковать. А он, как ни в чем не бывало, ответил:

- Нет, Катарин. У нас до этого не дошло.

Я снова замерла, ожидая чего угодно. Но девочка только пожала плечами.

- Понятно. А с Ирсен дойдет?

- Не знаю, малыш. Думаю, об этом рано говорить.

- Понятно, - снова покивала Катя и тут же переключилась. – Можно я не буду есть

гречку?

- А что ты хочешь?

Гоша уже вышел из машины и освобождал дочь от ремней.

- Картошку жареную.

Я тоже выбралась на улицу и увидела, как Фенова перекосило от последних слов Кати.

- Не сегодня, - процедил он сквозь зубы.

- Ну паааапаааа...

- Жареную-лайт, - предложил он.

Что бы это значило?

- Ладно, - пошла на компромисс Катя.

- Дай пять.

Гоша протянул ей открытую ладонь, и девчонка звонко шлепнула по ней своею. Получив свое, Катя тут же схватила меня за руку и потащила к дому. Она держала меня так крепко и тянула так сильно, что я не могла не улыбаться, восхищаясь напором этой маленькой девочки. Вся в папу, честное слово. Я обернулась. Гоша шел за нами, посмеиваясь. Похоже, я нравилась его дочери. Похоже, ему это нравилось.

Новый виток фантазий из серии «Розовые замки, принцесса и принц» не заставили себя ждать. И не смутило даже то, что принц с ребенком, весь в татухах и сквернословит за рулем. Я даже не успела отругать себя за такую сказочную лояльность и наивность, потому что Катя отвлекла.

- Ира, а ты брокколи любишь?

- Не очень, - я скривилась.

- Круто. Давай тогда папу уговорим не готовить нам их. Вдвоем мы сможем, я уверена. Я хотела пиццу, раз уж ты у нас в гостях. У нас редко гости, но когда гости, то они приносят пиццу. Я и подумала, что папа закажет. Но он сказал, что без пиццы. Значит, заставит есть брокколи. Я их так не люблю, а он заставляет.

- Не буду я вас заставлять, - буркнул Гоша, догнав нас у двери подъезда.

- А пиццу?

- Никакой пиццы, Катарин. Недавно ели.

- Но без брокколи! – заявила мелочь безапелляционно. И добавила, видимо, для убедительности. – Все? Все!

- Я тебе картошку обещал, - напомнил Гоша.

- Ааааа, точно, - вспомнила Катя.

- Нет уж, теперь брокколи.

- Паааапаааа, - заныла она смеясь.

- Ничего не знаю, - продолжал тролить ребенка этот татуированный здоровяк с мальчишечьим задором.

Я смеялась, следуя за ними до лифта. Эти двое были такими милыми. Невозможно остаться равнодушной.

Не успели мы выйти из лифта, нас тут же поприветствовать лай. Даже еще к двери не подошли, а пес уже надрывался.

- Не бойся Бобсика. Он на самом деле добрый. Просто еще не привык к тебе. На меня тоже сначала лаял, но потом привык, - переключилась снова на меня Катя.

- Почему он на тебя лаял? – удивилась я.

- Потому что мы не были знакомы, - объяснила мне, как дурочке Катя. – Я же говорю,

он привыкал ко мне.

- Разве это не твой пес?

Я была уверена, что Йорк достался Гоше в нагрузку к Кате. Почему-то даже сложилось мнение, что это собака ее матери.

- Нееееет, - протянула девочка. – Бобс – папин.

Гоша причмокнул, доставая ключи. На мой вопросительно веселый взгляд он закатил глаза и с легким возмущением признал:

- Да, это моя собака. Что такого?

- Нет-нет, ничего, - уверила я его, едва сдерживаясь, чтобы не захихикать. – У всех мужиков в татухах есть карманные собачки. Это обычное дело, разумеется.

- Зараза, - буркнул Гоша, открывая дверь.

Бобс тут же закрутился волчком и ног Гоши, лизнул Катю в руку. На меня разок твякнул для порядка.

- Свои, Годзилла, расслабься, - потрепал его по голове Фен.

- А вот Флинт мой, - продолжала откровенничать Катя, заведя кота, который тоже вышел встретить. -Он кстати тоже к папе привыкал. Даже куснул разок. До крови. Да-да.

- И выжил? – продолжала веселиться я.

А Гоша становился чернее тучи. Вся его подноготная вылезала наружу по воле мелкой болтушки. Я бы тоже хмурилась.

- Выжил, но я ему отомстил, - проворчал Фенов.

- Да, папа отвез Флинтика к доктору и там ему отрезали хозяйство.

И тут я уже не смогла сдержаться, рассмеялась. Гоша тоже ухмыльнулся.

Словно понимая, о чем речь, Флинт гордо удалился в сторону дивана.

- Тебе полегчало? – спросила я, чуть успокоившись.

- При чем тут это? – возмутился Гоша. – У них все инстинкты на гормонах, а гормоны в яй...

Он осекся, покосился на Катю. Она внимала. Пришлось договаривать, но Гоша поправился.

- В яичках.

- Значит, ему отрезали яички? – поинтересовалась Катя.

- Да. Чтобы добрее был.

Я снова фыркнула, но тут же напряглась. Какой-то совсем не детский и очень опасный разговор вышел. Катя же, напротив, не заострила на этом внимание.

- Ясно, - кивнула она.

- Переодеваться и мыть руки, - скомандовал Гоша.

Катя помчалась наверх.

- У нее спальня на втором этаже, и ванная там тоже есть, - объяснил Гоша, взяв меня за руку. – А мы и здесь можем.

- Не рано ты ей про яички? – поинтересовалась я, пока мы шли к уборной.

- А что такого?

Гоша был невозмутим. Он открыл мне дверь, кивнул на раковину и мыло, сам выдавил мне немного на руки, открыл воду.

- Я считаю, ребенок должен знать, как называются органы. Без всяких метафор. Это, между прочим, и педагоги советуют. Я читал.

От его авторитетного «я читал» меня буквально размазало умилением. В розовом замке

дали внеочередной салют в честь татуированного принца. А секундой позже фейерверк дали в честь того, что Гоша коснулся моих рук, подставляя свои под струю воды. Он стоял сзади, и я инстинктивно прижалась спиной к его груди, подняла глаза и встретила в зеркале лукавый взгляд. Гоша чмокнул меня в макушку, потерся щекой о волосы. Я словно кино смотрела, отчаянно краснея от таких простых знаков внимания. Чтобы спрятать багровое лицо, я опустила голову, но вышло еще хуже, потому что увидела, как Фенов смывает остатки мыла с моих пальцев. Черт знает что! Его поцелуи были трогательными и милыми, а совестное мытье рук выглядело и ощущалось так эротично. Ласковые поглаживания, скольжение. Гошины большие ладони, предплечья разукрашенные чернилами. Я видела контраст с моими белыми руками, ведь он закатал рукава до локтя.

Может мы помоем руки еще раз? По третьему кругу – это нормально? А что? Я люблю чистоту.

- Пойдем, - прохрипел Феникс.

Он закрыл воду, протянул мне полотенце. Гоша выглядел слегка потерянным и шумно сглотнул. Кажется, не я одна мечтала о бесконечных водных процедурах.

Пока шла за ним представляла, как мы могли бы стоять под душем вдвоем. Капли воды на его груди, которые так хочется ощущать руками, слизывать языком, а потом прижаться к нему. Такому горячему, сильному и позволить делась все, что угодно. И самой гладить пальцами феникса, продолжая рисовать свои невидимые узоры все ниже и ниже, по груди, животу и...

Замечтавшись, я врезалась в спину Гоши, который остановился у холодильника уже на просторной кухне. Ну и ворона. Совсем головой поехала со своими влажными фантазиями.

- Пришли уже, тормози, - сказал Фенов, ослепляя меня улыбкой.

Мне стало стыдно. Щеки так и пылали. Он смотрел так, словно мысли читал. Грязные, похотливые мысли. Соберись, Ирсен. Ты в гостях, тут ребенок, вообще-то.

Выдохнув, я осмотрелась. Катя сидела за столом, под которым шнырял Бобс. Гоша доставал из холодильника контейнеры.

- Папа, фуууу!!! Мы же договаривались, - завизжала Катя, увидев, как Гоша бросил на стол контейнер с чем-то зеленым внутри.

«Брокколи», - догадалась я и снова скривилась. Даже отцу такое не готовила, хотя врачи советовали с его язвой.

- Расслабься, мелочь, - авторитетно выдал Гоша. – Это не тебе.

- Мне что ли? – я реально перепугалась.

- Ага, - радостно кивнул Фенов, наслаждаясь ужасом в моих глазах.

И тут до меня дошло. Самое странное в этой ситуации было то, что Гоша собирался готовить. Не макароны сварить или пельмени, а действительно – готовить.

Он достал из контейнера сваренный картофель, нарезал большими кубиками и бросил на сковороду. «Без масла», - отметила тут же. Сразу же разбил два яйца в миску, в другую насыпал манку. Сунул другой контейнер в микроволновку.

Такие танцы у плиты впечатляли не меньше, чем заявление «я читал». Не успела я опомниться, как на столе перед Катей оказалась тарелка с чуть поджаренной картошкой, а Гошу уже всюю бросал на сковороду брокколи в кляре. Запах был потрясающий. У меня опять громко заурчало в животе. Фенов тут же вынул из микроволновки подогретое мясо, поставил на стол, а передо мной тарелку. Я тут же, откинув скромность, наложила себе несколько кусков. Курица в сливочном соусе. Супер.

- Катарин, пять кусков курицы с тебя, - безапелляционно заявил Фенов, макнул соцветие в яйцо, бросил на сковороду.

Катя попыталась скукситься, но папа был непреклонен. Ей ничего не оставалось, как уничтожить курицу первым делом, а потом заедать картошкой.

Не прошло и десяти минут, а Гоша уже ставил на стол огромную тарелку с брокколи в кляре. Пахло вкусно, но я все еще пребывала в предубеждении.

- Ничего не знаю, Ирс, - заявил Феникс. – Чтобы поела. Это вкусно.

- Он врет, - шепотом сказал мне Катя.

Гоша сделал вид, что не услышал, сам наложил мне на тарелку несколько соцветий. Я попробовала, откусив маленький кусочек под хмурым взглядом хозяина дома. Брови от удивления тут же взлетели.

- А вкусно!

Катя вздохнула.

- И она теперь врет. Все взрослые врут, - философски выдала барышня, тыкая вилкой в кусок картошки.

Мы с Гошей переглянулись. Я еле сдержала смешок, а он в том же ключе ответил дочери:

- Жизнь вообще странная штука, Катарин. Но ты привыкнешь.

Ребенок многозначительно промолчал.

Глава 12

Катя быстро поела, попросила мультик. Гоша разрешил ей включить самой телевизор в гостиной, и она ускакала довольная.

Фенов и сам довольно оскалился, когда я положила себе еще два куска брокколи.

- Ну вот, а то морщилась.

- Ты волшебник, наверно, или жулик, раз умеешь сделать из этой пакости вкусноту.

- Это ты еще мой рулет из кабачков с грибами не пробовала.

Представив его за приготовлением такого хитрого блюда я аж застонала:

- Пощади, Фенов.

- А что? Я люблю, когда еда вкусная и полезная. Хотя сам могу питаться просто отваривая. Меня не парит.

- Ты просто рушишь стереотипы сейчас. Я думала, одинокие мужчины могут только варить пельмени. Или макароны. С сосисками какими-нибудь.

- Ирсен! – возмутился Гоша. – Да сейчас курить полезнее, чем жрать сосиски. Там один жир и крахмал. Лучше я мяса наемся.

- Боже, ты меня пугаешь. Откуда все это? – продолжала я картинно недоумевать.

- Хочу быть в хорошей форме. А то татухи от жира расплывутся, - он высунул язык, изображая рвотный позыв. – Это самое паршивое, что может случиться.

Я засмеялась.

- Отличный стимул.

- А то.

- Все равно ты какой-то волшебный, - не сдержалась я.

- Это потому что я тебе нравлюсь, - нагло подмигнул Фенов.

От его улыбки у меня в животе стало так горячо. Словно брокколи не переваривались, а сгорали. Видимо, чтобы добить, Гоша погладил мою ногу своей под столом. Я закашлялась, он похлопал по спине, встал и налил стакан воды. Я хлебнула, а он так и остался позади, зачем-то растирая мне спину, потом плечи и шею.

Я поймала себя на мысли, что есть он сейчас уложит меня на стол, я даже не пикну. Ужас в том, что присутствие Кати в гостиной меня не смущало. Черт. Нужно сматываться, пока я еще в уме.

Я резко встала и зря. Потому что, качнувшись, моментально оказалась в Гошиных объятиях, лицом к лицу. Его руки тут же легли мне на задницу, сжимая. Не сильно, но ощутимо. Еще не больно, но уже не нечаянно. Сразу стало понятно, что он контролирует ситуацию, но очень хочет при этом отпустить тормоза.

Лицо Гоши приближалось к моему. Он остановился, едва касаясь своими губами моих.

Нет, нельзя целоваться. Я тут же опустила голову, уткнувшись носом ему в грудь.

- Я пойду домой, - проговорила ему в майку, при этом, не двинувшись даже.

- Остайся, - зашептал Фенов, потерся щекой о мои кудри. – Не хочу тебя отпускать.

- Лучше пойду, - продолжала я упрямиться и не находить сил, чтобы исполнить сказанное.

- Не надо, Ирс. Это нормально. Все хорошо.

- Что хорошо?

Я запрокинула голову, снова посмотрела на него, не понимая.

- Хорошо, что мы нравимся друг другу. Хорошо, что я не отпускаю тебя. Хорошо, если ты побудешь с нами.

- Как же Катя, Гош?

- Ты нравишься Кате.

- Я не об этом.

- А о чем?

- Ты, правда, не понимаешь?

- Нет.

Кажется, я и сама не очень понимала. Гоша пришел мне на помощь.

- Ты сама хочешь остаться? Тебе хорошо с нами? Со мной?

- Да, - выдохнула я.

- Значит...

Он не договорил. Перебил Бобс, который звонко тьякнул с пола. Гоша обреченно вздохнул.

- Значит, мы идем выгуливать мохнатую подушку, которая мнит себя доберманом. Доедай.

Гоша усадил меня обратно, сам скомандовал Кате, чтобы готовилась на выход. Девочка было заворчала, но он отмел ее возражения. Не грубо, но весьма однозначно. Мог бы и мне так ответить, но видимо, не посчитал нужным. Признаться, мне нравилось, что Фенов умел уговаривать, приводить аргументы. Но вот в студии, когда он работал, вообще не хотелось ничего кроме его кратких приказов.

Я сдвинула ноги и зажмурилась от новой волны похоти. Нужно отвлечься. Нельзя сейчас вспоминать, как он ласкал меня во время фотосессии. Уф, вот уже краснею. Нет-нет-нет. Нельзя.

Я схватила стакан, чтобы потушить это пожал. Выпила все залпом. Не очень спасло. Полагаю, вылей я воду себе на голову, то зашипела бы.

- Спасибо за ужин. Очень вкусно, правда. – проговорила я как деревянный Буратино, которому едва выпилили рот.

Хотела помочь Гоше и собрала тарелки, чтобы помыть, но он, увидев мои порывы, быстро отобрал посуду, засунул в машинку.

- Эти ручки не для посуды, - заявил он.

- Для чего же? – ворчливо отозвалась я, пряча за хмурыми бровями вождеделение.

- Я тебе потом расскажу. И покажу.

Фенов подмигнул, и я едва не затряслась от предвкушения.

Наверно, я бы воспламенилась и устроила у Гоши дома пожар, если бы мы не вышли на улицу. Холодный воздух быстренько меня охладил и взбодрил. Вообще, все семейство Феновых заметно оживилось. Я едва успевала следить взглядом за ними. Оказывается, кидать мячик – это жутко весело. Особенно, когда тебе нет еще и пяти, а за ним мчатся папа и собака наперегонки. Потом кидать стал Гоша, а Катя с Бобсом, соответственно, ловить. Неожиданно Фенов бросил мяч мне в руки, я поймала, взвизгнув не хуже их пса. Кинула обратно Гоше, потому что ко мне уже мчались Катя с собакой.

Смеясь и весело угрожая друг другу, мы там перебрасывались около часа. Я успела побыть во всех командах, запыхалась и раздурманилась. Холодно не было – совсем.

Вернувшись с ними домой, я собиралась взять сумку и вызвать такси, но Гоша даже не думал отпускать меня.

- Всем мыть лапы, есть творог и на бочок, - скомандовал Фенов.

- Я поеду, - робко вклинилась, потянувшись за сумкой.

Он нахмурился, отрицательно замотал головой.

- Еще немного, - попросил он. – Задержись. Я их быстро уgomоню.

- Гош – начала я.

- Поговорить надо. О деле, - добавил он, убивая зародыше мои дезертирские планы.

- Ладно.

Меня и уговаривать не пришлось. Я растаяла от одного Гошиного взгляда и ласкового голоса, а заявление о деловом разговоре – просто контрольный выстрел. Я хотела остаться. Побывать с ним наедине. К чему лукавить?

- Ирсен останется у нас? Пусть она спит в моей комнате, - тут же оживилась Катя.

- Тебе Бобса в мало? – заворчал Гоша.

Очевидно, он желал уложить меня в своей комнате. Но на ночь я точно не собиралась оставаться, о чем и сообщила Кате. Мне вообще завтра на работу, так что...

После того, как Фенов сводил всех в ванную, мы снова оказались на кухне. Гоша выдал Кате и мне по детскому творожку. Я удивленно на него посмотрела.

- Ешь, - безапелляционно велел он, насыпая Бобсу корм.

Даже Флинт соизволил явиться, чтобы приложиться к миске.

Что мне еще оставалось? Только послушно есть со всеми. Гоша тоже вскрыл упаковку творога, быстро закидал в себя, помог Кате соскрести остатки со стенок, отправил чистить зубы и готовиться ко сну. Она хотела что-то возразить, но Гоша был непреклонен. Правда, разрешил пожелать мне спокойной ночи. Девочка обнимала меня долго, все не хотела отпускать. У меня сердце кольнуло.

- Катюша, - нетерпеливо поторопил папа.

Она обреченно вздохнула и поплелась вверх. Бобс посеменил следом. Чуть позади важно вышагивал Флинт. Гоша замыкал процессию.

Я прошла в гостиную, по дороге прибирая то, что валялось. Катины джинсы сложила и оставила на диване. Гошин шарф отнесла в прихожую. Посадила куклу в коляску. Резинку для волос убрала со стола в кармашек на стене, из которого торчали расчески.

Прошло уже минут двадцать, как я присела на диван и снова достала телефон. В первый мой визит Гоша уложил Катю минут за десять. Они, конечно, еще чистили зубы и переодевались в пижаму, собирались немного почитать, но меня настигло нехорошее предчувствие. Что-то не так. Возможно Катя перевозбудилась. Мы так много гуляли, еще и бесились перед сном. Детки на такое могут реагировать по-разному. Хотя меня уже клонило в сон. Тусклый свет от ламп не резал глаза, и веки сами собой стали закрываться. Зря осталась. Домой нужно было ехать, сама нагулялась до изнеможения. А теперь вот застряла тут. И уйти нельзя, и ждать уже нет сил.

Я силилась не задремать, но так и клевала носом.

- Уф, наконец-то!

Я вздрогнула, потому что не заметила, как Гоша спустился и присел рядом.

- Спишь что ли? – усмехнулся он, притягивая меня к себе. – Иди сюда. У меня на тебя еще планы. Весь день мечтал об этом...

И он поцеловал меня. Я даже пикнуть не успела. Его ладонь легла на мой затылок, не позволяя отвернуться. Губы не отпускали, запрещая протестовать. Кажется, я мечтала о том

же самом весь день. Всю свою жизнь. Гоша скользнул рукой по моему бедру, и я едва сдержалась, чтобы не застонать. Почти невинное касание, а меня уже можно подавать готовенькую на растерзание.

- Ты говорил о делах, - вспомнила я.

- Угу, - откликнулся Гоша, спускаясь губами к моей шее. – Я фотографии обработал.

Часть. Уже отослал заказчикам.

- Хорошо, - откликнулась я, хотя мне было плевать.

- А еще напечатал те, другие фотки.

Я моментально поняла, что он имеет в виду, застонала беспомощно:

- Гоооош, ты же обещал.

- Я же не буду никому показывать. Повешу на стену, буду дро... - он закашлялся. –

Любоваться буду.

Возможно, с кем-нибудь другим я бы посчитала это оскорбительным, но Гоша меня просто рассмешил.

- Ты извращенец, - заявила я, хихикая, как дурочка.

- О, ты даже не представляешь всю степень извращения, Ирс. Но я тебе покажу.

Гоша запустил руку под мой свитер, уверенно двигался от живота к груди, легонько поглаживая.

- Папа, я пить хочу.

Кажется, я подпрыгнула до потолка, тут же вытащила Гошину руку из-под одежды и отсела от него на метр. А он лишь раздраженно выдохнул.

- На кухне, Катя. Иди и возьми, - поговорил Феникс очень серьезно.

Катя, сопровождаемая прилипчивым Бобсом, сбежала вниз по лестнице, протопала в кухню, там пошумела. Очевидно, придвигала стул, чтобы добраться до крана с водой.

Фенов откинулся на диван, потер глаза пальцам, бормоча:

- Черти что. Никакой личной жизни...

Мне сказать было нечего, я сидела, как неживая, не зная, что делать. Катя точно видела, как мы целовались. Почему-то показалось, что это плохо. Если бы я в таком возрасте застала папу за таким...

Глупо, наверно сравнивать. У меня совсем другая ситуация была. Уже в сознательном возрасте я боялась, что отец приведет кого-нибудь домой, и мне достанется участь Золушки. Но бог миловал. Папа ни с кем открыто не встречался, меня не знакомил. Возможно, у него кто-то был. Он мужчина хоть куда, не считая проклятой язвы и разгильдяйского к ней отношения.

Все мои знания улетучились. Я растерялась, почти запаниковала, притихла, слушая, как Катя громко глотает, причмокивает, ставит стакан на стол, идет обратно к лестнице. Гоша был темнее тучи. Ребёнок, похоже, это понимал. Она прокралась мимо нас, не проронив ни слова. Тихо-тихо, как мышка.

- Папочка, ты со мной полежишь? – все-таки спросила она уже сверху.

- Нет, - рявкнул Гоша. – Уже полежал. Спи, Катя.

Я хотела вступить, но осеклась. Это не моя дочь, не моя семья. Гоша даже не мой парень. Он лучше знает. Но сердце все равно сжалось. Это же я причина его несдержанности. У Кати, похоже, не было мамы, потом она практически лишилась бабушки, а теперь я забираю у нее отца.

Едва девочка ушла к себе, Гоша снова придвинулся вплотную. Мне уже было не до

поцелуев.

- Мне кажется, ты спешишь, - проговорила, уклоняясь от его губ.

- Возможно, - признал он. – Но это лучше, чем тормозить.

- Ты меня совсем не знаешь.

- Ты нравишься мне, моей дочери, а теперь и моей собаке. Что еще я должен знать?

- Гош... - я уперлась рукой ему в грудь, но сопротивляться уже не было сил.

- Еще я знаю, что ты краснеешь, когда смущаешься и когда возбуждена. Знаю, что кричишь, когда кончаешь. Знаю, что ты точно не фригидная, Ирс, - дразнил он, забрасывая мои безвольные руки себе на шею. – Этого более, чем достаточно, детка. Разве нет?

- Ты мне тоже нравишься, - прохрипела я, уступая его напору, утопая в подушках, снова забывая обо всем из-за его поцелуев.

- Папа, - снова позвала Катя сверху.

Я выползла из-под Гоши, который повалил меня на диван, нависал сверху. Фенов выругался тихо под нос. Я взглянула на Катю, которая сидела на ступеньке, прижимая к себе кролика. Потерянная, такая трогательная и несчастная. Рядом верный йорк.

- Я сейчас, - буркнул Феникс и помчался вверх по лестнице.

Меня затрясло от обиды за ребенка и неудовлетворенности одновременно. Не следовало оставаться тут так долго. Где были мозги? Натворила дел, посеяла смуту.

Я встала с дивана, поправила одежду, волосы, встала возле лестницы, чтобы не было соблазна снова упасть на спину, позволяя Гоше горячие ласки. Он сбегал по ступенькам минут через пять. Я не успела ничего сказать, а он даже не дошел до гостиной, как Катя снова позвала.

- О, блин, да ладно! Она же спала, - не выдержал он.

- Я схожу, - заявила смело.

- Ирс, - попытался он возразить, но я не стала слушать.

Войдя в комнату, я увидела Катю, которая уже запрыгнула в постель и продолжала сжимать кролика.

- Эй, детка, не спится?

Я присела на край кровати. Катя вся сжалась.

- Не ругайся, - попросила она.

- Не буду, - пообещала я.

- Поспи со мной. Папа сказал, что ты не останешься, а сам наверно, только и ждет, когда я засну, чтобы уложить тебя в своей комнате.

Я тихо засмеялась. Да уж. Папа точно желает меня уложить в свою постель. В этом можно не сомневаться.

- Я поеду домой, Катюш. Мы с твоим папой просто немного поболтаем.

- Почему мне нельзя побыть с вами?

- Уже поздно. Тебе завтра в сад.

- А тебе не надо на работу?

- Надо.

- Поэтому я тоже сейчас уеду.

- Не хочу, чтобы ты уезжала.

Доверчивые детские ручки обвилились вокруг моей шеи. Я зажмурилась, чтобы не зареветь и обняла Катю в ответ.

- Но ты же останешься у нас? Не сегодня, когда-нибудь.

- Может быть, - пожала я плечами, глядя девочку по волосам.

- Споешь мне песенку. Бабушка говорила, что я не сплю без песни. Папа не поет. Ты можешь?

Я прокашлялась.

- Можно попробовать. Не знаю, понравится ли тебе...

- Понравится! – уверила Катя и улеглась, обнимая игрушку. – Ты пой.

Я прочистила горло, и сразу запела. Тихонько, стараясь не очень фальшивить.

- В краю средь гор и цветущих долин

Текла река, исчезая вдали.

Прекрасней не было страны,

Где рождались баллады и сны.

В дорогу звал глас таинственных гор.

Три сына там покидали свой дом.

Один был горд,

Другой - упрям,

А третий был сердцем смирен...

Песня Канцлера Ги давно запала мне в душу. Я еще в школе ее услышала и наивно метала, что буду петь своему ребенку. Почему-то это было важно. Казалось важным, нужным. Так же, как и Кате.

Она тихо лежала, слушая. А я пела, вспоминая слова, повторяя по два раза припевы, стараясь интонировать выразительно, где это требовалось. Хорошая песня-сказка. Очень добрая, очень мелодичная.

- Кроток сердцем и духом смирен

Верный сын унаследовал трон, - закончила я торжественно.

- Еще, - попросила Катя сонно.

Я прилегла с ней рядом и стала напевать «Белую кошку» Мельницы, очень надеясь, что девочка уснет, и мне не придется вспоминать что-то еще подходящее. На ум кроме «Короля и шута» ничего не шло. Не уверена, что Гоша похвалит меня за такой репертуар.

Но Катя уснула. Она ровно дышала, и выглядела в тусклом свете ночника, словно ангел. Я погладила ее по волосам, чмокнула в лоб. Неожиданно накатили слезы. Такая трогательная, красивая малышка. Как же ей не хватает мамы, той любви и заботы. Наверно, я понимаю и чувствую это, как никто.

Смахнув влагу с глаз, осторожно встала и вышла из комнаты. Даже не успела дверь прикрыть, врезалась в широкую грудь Гоши.

- Шшш, - зашипел он на меня. – Спит?

Я кивнула, шмыгнула носом. Фенов сам закрыл дверь детской.

- Ирс, все в порядке? – тут же спросил он.

Я не выдержала и всхлипнула еще раз. Старалась не дать слезам вырваться на волю, но тщетно. Солёные ручейки потекли по щекам. Я махала рукой, пыталась обуздать эмоции, но все равно плакала.

- Детка, да что такое? Что случилось-то? – недоумевал Гоша шепотом.

Я знаками показала на комнату Кати, давая понять, что не хочу ее разбудить. Фенов, повел меня вниз. Усадив на тот же диван, он смахнул слезы с моих щек, а потом прижал к себе крепко, раскачивая, убаюкивая, словно ребенка.

- Все, малыш. Все. Тише. Не плачь.

Я совладала с эмоциями не без труда. Гоша принес стакан воды, и я выпила мелкими глотками. Он опустился рядом, взял меня за руку.

- Моя мама умерла, когда мне было пять, - призналась я тихо, таращась на стакан. – Росла с отцом. Катя, она...

- Я понял, - оборвал Гоша, услышав в имени своей дочери мою горечь. Он хмыкнул, проговорил. – Этого я о тебе не знал. А стоило. Иди ко мне.

Я придвинулась к нему, не колеблясь ни секунды. Гоша крепко обнял, и мы сидели так несколько минут. Слова были лишними. Все и так понятно. Он гладил меня по волосам, как я только то Катю. Украдкой касался губами макушки.

- Поеду я, Гош. На работу завтра.

- Угу, - промычал он, вздохнул и разжал руки.- Машину тебе закажу. Какой адрес?

Я назвала улицу и дом, встала и пошла к выходу. Он – за мной, вызывая такси, видимо, через Яндекс. Я обулась, Гоша снял с крючка куртку, помог надеть. Развернув меня к себе лицом, положил ладони на щеки, ласково поглаживая большими пальцами.

- Нам нужно сходить на нормальное свидание, - проговорил он.

- О, так это сегодня было свидание? – не удержалась я от беззлобного смеха.

- Ага. Утки, булки, голодный обморок, выгул собаки и няньканье с моей занозой – свидание. Разве ты не была на таком.

- Запомняла, каждый день хожу именно на такие.

Мы смеялись, и я не заметила, как обняла его, а потом и вообще скользнула руками под футболку. Это было так приятно и естественно, касаться его кожи. Словно я имела на это право. Словно он всю жизнь принадлежал мне. Просто я не знала об этом.

Осмелев от этого знания, я погладила его, чуть царапнув пальцами соски. Гоша шумно выпустил воздух через рот.

- Хочу тебя, Ирсен, - пробормотал он. – Ты бы знала, как я тебя хочу.

Я хотела сказать, что знаю, потому что испытываю то же самое, но мой ответ растворился в его поцелуе.

Нам обоим одновременно стало невыносимо жарко. Я ощущала, как горит его кожа под моими руками, как сама плавлюсь от жадных касаний. Убрав ладони с лица, Гоша положил их на мою талию, но тут же тихо простонал и передвинул на бедра, чуть присел и потерялся о мой пах своей эрекцией. Я пискнула, едва сдерживаясь, чтобы не закричать. Поцелуи стали жадными, неистовыми. Губы заскользили по шее, заставляя меня запрокинуть голову, чтобы ему было удобнее.

Фенов нетерпеливо дернул пуговицу на моих джинсах, потянул молнию вниз, засунул руку в трусики. Я согнулась пополам, повиснув на нем, чтобы не упасть. Гоша поставил мою ногу на обувницу, открывая себе лучший доступ. Даже так его пальцам было тесно, но мне хватало, чтобы дергаться в конвульсиях, кусать губы, не выпуская крики на волю.

Черт! Один поцелуй. Несколько прикосновений, и я практически готова. Да, это точно отмечает фригидность.

- Давай, девочка, - прохрипел он. – Дай мне посмотреть еще раз.

Эти слова толкнули меня к краю. Я вздрогнула, сильнее стиснула Гошины плечи, замерла, встречая оргазм беззвучным криком. Он дождался, когда я расслаблю и обмякну, аккуратно убрал руку, застегнул на мне джинсы, вернул ногу на пол. Прелесть. Как будто все так и было.

Я откинулась назад, чувствуя себя пьяной, бессовестной, абсолютно счастливой. Не в силах сдержаться, улыбнулась. Гоша провел пальцами по моей улыбке, оставляя на губах влагу возбуждения и вкус оргазма. Это было необычно, немного странно. Такого со мной никто не делал. Собственно, никто мне и оргазмов до Гоши не дарил. Все сама, все сама.

Я еще не отошла от пикантности нового блеска для губ, а Гоша снова меня огорошил, убрав его языком.

Он прижался своим лбом к моему, проговорил, тяжело дыша:

- Ей-богу, Ирс, нам просто необходимо нормальное свидание.

- Мне даже страшно представить, что в твоем понимании нормально. Тем более, если речь идет о свидании, - посмеивалась я, прильнув к нему снова.

Меня ослепила вспышка камеры мобильного. В полумраке коридора, который освещался только тусклым светом из гостиной она буквально резала глаза.

- Ты что опять? – всполошилась я, понимая, что он опять нас сфоткал. – Гош, это нездорово.

Он даже не оправдывался.

- Слушай, я в день знакомства тебя снимал и готов был... В общем, о здоровье речи не идет.

- И на что же ты был готов?

- На все. А ты?

Я покраснела, и это было лучше всяких слов.

- Так и думал.

Гоша чмокнул меня в нос. Телефон в его руке отозвался оповещением.

- Машина у подъезда. Маякни, как доедешь.

- Хорошо, - пообещала я, взялась за ручку двери.

Он развернул меня обратно, чтобы попрощаться глубоким долгим поцелуем, от которого я опять перестала соображать.

- Беги, а то все такси отменю и уложу у себя.

- Катька тебя убьет утром за вранье, - хихикнула я.

- Точно. Удирай давай.

- Угу. Пока

Я хихикнула как дурочка, потому что Гоша придавал мне ускорение легким шлепком по попе.

Глава 13

Когда я садилась в машину, видела, что Гоша стоит у окна, провожая меня взглядом. Это было так мило. В конце пути водитель сказал, что заказ уже оплачен по безналу, и я снова приятно удивилась предусмотрительностью Фенова. Могла бы и сама, конечно, заплатить, но его жест оценила. Не хуже той самой прелюдии, которую я любила. Вместо ресторана – домашний ужин. Вместо конфет – оплаченное такси. Вместо цветов – Катя. Та еще ромашка.

Дома свет уже не горел. Видимо, отец лег пораньше. Я тихонько прокралась к себе, умылась, поставила будильник, легла в постель. В ответ на сообщение, что нормально добралась, Гоша прислал фото, которое сделал, когда мы прощались. Я тихо рассмеялась куче смайлов с широкими улыбками и подписи:

Да, я безнадежен. Ничего не говори.

Кадр мне понравился. На нем вроде и не было ничего такого. Расстёгнутых штанов точно не наблюдалось. Я с трудом себя узнавала. Гоша действительно видел что-то особенное во мне и умел это вовремя запечатлеть. Забавно, что все эти особенности ему мерещились после моих оргазмов.

Я не удержалась, отправила Гоше ответ. Разумеется, он прицепился, и мы завязли в переписке.

И. Не говорю. Но ты – да.

Г. Сама виновата.

И. Разумеется. Так все мужчины говорят.

Г. А потом уверяют красивых девочек, что они фригидны. Да, мужики ужасные существа. Убил бы, но посадят.

И. Я знала, что ты тот еще маньяк. Татушки на зоне набивал?

Г. Какие мы смелые, я посмотрю.

И. Да, очень удобно дразнить тебя из кровати.

Г. Ты в кровати?

И. Где мне еще быть? Полночь уже.

Г. Жесть. Как мне прекратить хотеть сейчас быть рядом с тобой?

И. В душ?

Г. Уже. Два раза.

И. Ну даешь.

Г. Да, третий – это уже неприлично для мужчины моих лет.

И. Сколько тебе?

Г. Вопросыки. Хах. 28.

И. В расцвете.

Г. Угу, как Карлсон. Кстати, я говорил, что отправил твои пробники в Москву?

И. Не помню. Вроде, да)))

Г. Прелесть какая. Я заставил тебя забыть о таком важном деле.

И. Не думаю, что это важно. Вернут тебе меня, скажут стремная.

Г. Ирс, прекращай. Я им уже отправлял тебя, мне дали добро. Сейчас финальная стадия, только договор жду.

И. Какой договор?

Г. Твой. О сотрудничестве. Какой-то разовый контракт. Я не очень хорош в этих делах,

но мой приятель-юрист все посмотрит, не переживай.

И. Я не переживаю.

Г. Не веришь, да?

И. Не особенно.

Г. Ладно. Когда придет гонорар, согласишься. Работаете завтра?

И. Да.

Г. Я тоже буду. А выходной когда? В пятницу?

И. Да. Ты уже посчитал?

Г. А то. Встретимся?

И. Встретимся.

Г. Я позвоню. Не планируй ничего вечером. Целую.

И. И я тебя. Спокойной ночи.

Г. Вот уж вряд ли мне светит спокойствие, но спасибо. Спи крепко.

На этом мы закончили. Я положила телефон на тумбочку и спустя минуту уже крепко спала. Гошино пожелание сработало, как заклинание.

Утром я опаздывала. Носилась по дому, как ненормальная. Все валилось из рук, пропадало, заканчивалось. Отец встретил меня на кухне за столом. Он уже заканчивал завтрак, который сам и приготовил. Мне было немного стыдно, но приятно.

- У тебя появился кто-то? - спросил он, словно между прочим, допивая чай.

Я закашлялась.

- С чего ты взял?

- Пропадаешь где-то до ночи. Парень завелся?

- Что-то вроде того, – неопределенно ответила я. – А что?

- Ничего. Так... Просто. Хорошо, что завелся. Я не против.

Он не смотрел на меня, явно сам смущался от таких бесед. Я старалась не рассказывать папе о своих неудачах, но многое было очевидно без слов. Например, то, что я преимущественно сидела дома.

- Я даже за, - добавил папа. – Ты стала какая-то другая. Вся светишься. И волосы, наконец, перестала зализывать.

Я хмыкнула.

- Это да.

- В общем, рад, что у тебя все хорошо, ребенок.

- И я, пап.

- Пошел пахать, - бросил он, как всегда, добавив. – И это... Ирсуль, надень свитер с горлом. У тебя вроде есть, который с ромбами, синий.

- А что, холодно на улице? – не могла не удивиться я.

- Эм.. ну... Да, типа того. Надень, – закончил он криво и как-то нервно, вышел из кухни.

Я сидела тихо, как мышка, пока папа обувался, одевался, захлопывал за собой дверь. Это было совсем на него не похоже, интересоваться моей личной жизнью. Что-то должно было сподвигнуть отца на такие речи.

Ответ я получила, когда взглянула на себя в зеркало. Багряный засос на шее. Я застонала, понимая, что папа его прекрасно разглядел. Отодвинув халат, рассмотрела еще несколько ярких напоминаний о Гошиных поцелуях. Очень быстро смущение переросло в возбуждение. Я вспомнила, как он вчера целовал меня, трогал. Неистовый и нежный одновременно. Напористый и аккуратный. Горячий и сдержанный. Второй стон был совсем

не похож на первый. Боже, я уже скучала по нему. И была готова отправиться в душ, чтобы снять напряжение. Лучше тоже пару раз. Но времени на такую роскошь не было.

По быстрому собравшись, я не пренебрегла папиным советом и надела тонкий свитер с горлом, который скрыл засосы. Детки и их родители вряд ли оценят счастье нянечки, которая сверкает такими украшениями.

По дороге на работу телефон начал разрываться сообщениями от подруг. Они приперли меня к стенке, потавив перед фактом, что заберут после работу, пройтись по магазинам и выпить кофе. Пришлось соглашаться.

Не утерпев, я сама настрочила сообщение Фениксу.

И. У меня вся шея и грудь в засосах.

Г. Серьезно? Как так вышло?

И. Вот тоже пытаюсь понять.

Г. Я бы сказал, что мне жаль, но нет.

И. Ты такой засранец.

Г. Даже не буду отрицать.

Я убрала телефон, вышла на остановке. День обещал тянуться бесконечностью рутины. Ей-богу, иногда мне кажется, что лучше ад, чем тоска будней. Мелких было мало, и я силилась не уснуть, наблюдая за двумя-тремя подопечными. Задир сегодня не сдавали. В середины смены я услышала, как пискнул сообщением телефон. Знала, что это Гоша, но читать не стала. Знала, что он написал нечто пошное и возбуждающее. Знала, что мозги расплавятся, и я тут же начну строчить ответ, забыв про детей. А это опасно. Чуть про них забудешь, они выкинут нечто...

Потом прочту.

Ближе к концу смены и народу прибавилось. Я мечтала не о Гошиных непристойностях, а лишь бы скорее сдать смену. За десять минут до моей свободы Аня и Лиза уже нетерпеливо топтались у игровой. Разные не только внешне, но и по характеру, но одинаково любимые мной.

Лизка – блондинка с кукольным личиком. Она вот точно перечитала маминих романов в детстве и теперь непременно влюблялась в каждого своего бойфренда. Насмерть, до детей свадьбы. Но чаще все ее иллюзии цвели месяц-два. Потом она страдала – дней пять – и злилась. Мы убеждали ее, что все будет хорошо, и она тут же находила новый объект для своей безграничной любви.

Аня – дерзкая рыжуля. Прагматик до мозга костей. Она всегда была самой здравомыслящей и категоричной одновременно. Если у Ани было, что сказать, она говорила. Прямо и громко, не пытаясь смягчить или уйти от ответа. К мужчинам она относилась бессовестно потребительски. Во всех смыслах. И не стеснялась такой позиции. Однако при этом пользовалась успехом и постоянно меняла кавалеров. Чаще всего неприлично состоятельных. Откуда она вообще брала этих мажоров на спортивных дорогущих машинах – непонятно. Город у нас не такой и большой.

Сдав пост сменщице, я поспешила к девчонкам. Они сжалились над пролетариатом и повели меня на фудкорт, перекусить перед осадой магазинов. Взяв по куску пиццы, мы уселись за столиком. Пицца! Я тут же вспомнила Катю, которая так любила это итальянское лакомство. Ассоциации привели меня к непрочитанному сообщению от Гоши. Я поспешила вынуть телефон, открыть вайбер. Лучше бы я этого не делала.

Ты знала, что у тебя веснушки даже на груди?

Я моментально ощутила, как загорелись щеки. Зыкнув исподлобья, просканировала девочек. Кажется, не заметили. Прикусив губу, написала ответ.

И. Не знала, конечно. Откуда бы.

Г. Сарказм?

И. Естественно.

Г. Почему я не заметил, когда мы были в студии?

И. Наверно, пялился на соски, которые выглядывали из-за драпировки. Не до веснушек.

Г. Мы знакомы всего ничего, а ты так хорошо меня знаешь.

И. Все вы, мужчины, одинаковые.

- Эй, - возмутилась я, потому что Аня выхватила мой мобильник.

- Что за дела, Ир? Мы собирались потрындеть, а ты сидишь в телефоне! Кто у нас тут? Феникс? Прелесть... О-о-о, Лизок, он пялился на ее грудь. Представляешь! Ирсен Дадиани завела кого-то и прячет от нас. Ну и дела.

- Отдай, - потянулась я за телефоном.

- Уже и так все понятно.

Аня вложила мобильный мне в руку.

- Seriously, Ир? Бойфренд завелся? – вторила ей Лиза.

- Да. То есть – нет. Не знаю. Но он точно не мой бойфренд, - попыталась ответить я честно, но коротко. – Давайте поедим и пойдем уже.

- Ну уж нет. Я с места не сдвинусь, пока ты нам не расскажешь о Фениксе.

- Я тоже.

Они обе смотрели на меня, как голодные волки. Попалась. Точно не отстанут. Пришлось говорить.

- Его зовут Гоша. Он фотограф. Снимал меня для какого-то парфюма. Наверно, разводит так. Нечего рассказывать. Ну... целовались.

Я решила не уточнять, что Гоша целовал меня не только в губы.

- Ооо, - протянула Лиза. – Тааак романтично. Фотосессия, Ир. Это же круто.

- Брось. Какая из меня модель, - отмахнулась я от нее.

- Это мастеру виднее, - подхватила Аня. – А почему он Феникс?

- Потому что Фенов. И... - я решила все же сказать. – И еще у него тату Феникса на плече и торсе.

- Тату? – скривилась Лиза.

- Фотограф в татушках? – Аня не питала неприязни к узорам на коже. – Горячо! Откуда ты его взяла? И есть ли там еще?

- Он папа. Сдавал мне дочь. Они забыли игрушку в шкафу, я отвезла. Ну и закрутилось.

Проклятая Анька! Ей точно после своего юрфака нужно в прокуратуру идти. Раскалывает на раз-два.

- Папа? Он женат? – Лиза почти визжала.

Аня изобразила, как прочищает ухо. Я поспешила успокоить нервную подругу.

- Не женат он. И не был. Мама его дочери умерла. Он воспитывает сам.

Аня вздохнула и сморщилась.

- Так себе, - кратко резюмировала она.

Лиза же напротив тут же прониклась.

- Бедная малышка. Только папа. Прямо как у тебя, Иресь.

Я неопределенно покачала головой. Ну да. Примерно, как у меня. Аня же не стала

разводить сантименты.

- Вдовец, - скривилась подруга. – Паршивенький расклад, Ир. Всегда будешь в тени умершей жены.

- Говорю же, они не были женаты. Там все сложнее, - почему то начала оправдываться я.

- Все равно паршиво, - не унималась Аня. – Перспективы так себе.

- Я вообще не думаю о перспективах. Говорю же – это все баловство.

- Оно и видно, - хмыкнула рыжая, сдувая с глаз удлинённую челку. – Ладно, пошли шопиться.

Я обрадовалась, что Аня так вовремя перевела тему. Еще немного, и я бы вывалила им все, что было на душе. Сама еще не очень понимала свое отношение к Гоше и не хотела выносить это на дружеский разбор полетов. Хватит того, что в голове основательно засело пренебрежение Ани и брезгливость Лизки.

Поход по магазинам немного сгладил мое настроение. Я с удовольствием примеряла платья, кофточки, джинсы, юбки. Очень понравилось простое, но стильное платье-рубашка любимого синего цвета.

- Девчонки, как? Я возьму, наверно.

Я вышла из примерочной, покрутилась. Аня выглянула из соседней кабины, внимательно меня оглядела.

- К этим засосам – самое то, - едко хмыкнула она, добавив, - Целовались, значит. Ну-ну.

Я покраснела. Хорошо, что никого в примерочных больше не было, и Лиза не слышала. Ее бы кондрат хватил. Я же с Гошкой даже на свидании не была, а уже в засосах. Воздушная Лизка меня бы осудила обязательно.

- Не спала я с ним, - буркнула я обиженно, скрываясь за занавеской.

- Пока, - бросила Аня мне в спину.

Ненавижу ее пронизательность. Я все-таки купила платье. Анька уговорила взять к нему и чулки с интересным графическим рисунком. Принт немного напоминал графику, в которой был выполнен Гошин Феникс. Разумеется, это сыграло решающую роль. Неуместная мысль: «Ему должно понравиться», - пробралась в мой разум. Я не имела права так думать, ориентироваться на его вкусы, пытаться угодить. Хватит и того, что перестала волосы забирать по требованию господина фотографа с тонким чувством красоты.

После магазинов мы заскочили в кофейню, слопать по пончику, выпить облепихового чая. Слава богу, больше не возвращались к разговору о Гоше. Я жутко боялась, что Аня опять прицепится, расскажет Лизе про засосы, начнет трясти из меня грязные подробности. Но – нет. Мы весело болтали, как всегда перемывая кости общим знакомым, планировали вылазку в клуб, делились учебными планами и подвигами.

Лишь на остановке, когда Лиза уже села на маршрутку и уехала, оставив нас с Аней ждать другой транспорт, подруга попросила:

- Фотки есть? Покажи Феникса своего.

Я вздохнула, но полезла за телефоном. Единственный снимок, где было немного видно Гошу – из студии. Счастливая я, разрисованная грудь Фенова, кривая довольная улыбка, щетина, волевой подбородок.

- Ого, - оценила Аня. – Качок. Хрен знает, что у него там выше рта, но я бы дала.

- Анька-развратница – пихнула я ее плечом.

- Не, хорош, Ир. Правда. Крутой. Лизку бы кондрат хватил. Она таких мужиков боится,

как огня.

- Я ее понимаю, если честно, - призналась я. – Он немного жуткий... Но притягательный.

- Попала ты, подруга, - сделала вывод Аня. – Будь осторожна.

- Он нормальный, Ань... - начала я.

- Он – ладно. Дите его. Стремно, Ирк. Дети – это вагон проблем. Поверь, знаю не понаслышке.

У Ани было три младших. Два брата и сестра. Она все время с ними нянчилась, оттого, наверно, и вытекала ее настороженность.

- Она хорошая, добрая девочка, - вступилась я и за Катю.

- Может быть, но дети – это жопа. Нафига тебе это счастье в двадцать лет? Еще и не родное, – она увидела, как я возмущенно вскинула брови. – Не пыхти, Ир. Чужих детей не бывает и все такое... Знаю. Просто готовься, что все будет непросто. О, моя кобыла.

Она быстро чмокнула меня в щеку и прыгнула в автобус, который как раз открыл двери возле нас. Я села на следующий и до самой ночи не могла выбросить из головы ее слова. Перед сном мне позвонил Гошка. Только услышав его голос, я позабыла о сомнениях. Черт, это ведь плохой знак. Или хороший? Сердце екнуло, едва я увидела его номер.

Влюбилась ведь. Только этого не хватало.

Глава 14

- Привет, красавица, - запел Гоша в трубку медовым голосом. – Наша встреча завтра в силе?

Он звонил теперь перед сном каждый день, но только накануне моего выходного вспомнил о встрече. Заставил понервничать, если честно. Я уже думала, что забыл или отменил.

- В силе. Почему нет? – заговорила я, стараясь спрятать излишнюю радость за небрежностью. – Куда-нибудь опять с Катей пойдём?

Гоша фыркнул.

- Какая Катя? С ума сошла? У нас формат ноу чилдрен. Восемнадцать плюс, то есть.

- В кино пойдём? - посмеивалась я.

- Лучше.

-Супер. Я платье купила.

- Для меня? Серьезно?

- Эээ, для себя вообще-то. Но если ты будешь вести себя хорошо, так и быть, дам поносить.

Гоша театрально вздохнул.

- Нет, не светит мне твоя обновка. Обычно я веду себя очень плохо.

Я рассмеялась.

- Ты такой испорченный.

- Знаю. У меня милейшая дочь и бестолковая собака, больше похожая на морскую свинку. Что еще остается? Только вести себя, как конченный засранец.

- Зачем? - не могла я перестать хохотать.

- Чтобы быть брутальным и грозным.

- У тебя есть кот, который поддерживает этот имидж.

- Это не мой кот. Это вообще не кот, а реинкарнация Чикатило.

Я залилась сильнее прежнего.

- Что ты смеешься? Он посланник ада. Даже без яиц тот еще гад.

-Я заметила, - проговорила я, икая и вытирая слезы.

- Так я заеду за тобой часиков в семь?

Я представила, как папа открывает Гоше дверь, и мысленно содрогнулась.

- Нет. Лучше встретимся.

- Окей. Как скажешь.

Мы договорились пересечься в центре, на площади. Фенов определенно что-то задумал. Как ни пыталась я выведать его планы, он не признавался.

В назначенный день я ужасно обрадовалась, что отец уехал на объект в другой город и планировал вернуться ближе к ночи. Вряд ли он бы смог спокойно смотреть, как я ношусь по дому, разбрасывая одежду и косметику, бессовестно матерясь на непослушные волосы и неидеальный макияж.

Такие приготовления ради персонажа, который наставил его дочери засосов, вогнали бы моего батюшку в депрессию в лучшем случае. А в худшем...

Ох, даже думать не хочу.

С горем пополам я собралась и выдвинулась из дома на такси. Подъезжая, сразу

заметила Гошу. Он стоял под большим рекламным экраном, держал в руке розу на длинном стебле. Я шла к нему навстречу, рассматривая, изучая. В кожаной куртке и тонком свитере он выглядел просто потрясающе. Рукава немного задраны, открывая замысловатые узоры на руке. Узкие джинсы и милитари-ботинки. Неужели этот мужчина ждет меня?

- Привет, - улыбнулся Феникс, повернувшись и заметив меня.

- Привет.

Я как всегда засмушалась, сбита с толку его суровым совершенством. Гоша же, как всегда, не растерялся. Он привлек меня к себе, поцеловал. Его губы прижались к моим. Господи, я скучала. Сильно. Захотелось наплевать на все и утащить его домой, чтобы побыстрому заняться сексом, пока папы нет.

Вот так дела. Влюбилась, называется. Нет-нет. Надо гнать такие похотливые идеи. Пусть Гоша сам проявляет инициативу. Я и так постоянно расписываюсь в его неотразимости.

- Тебе, - проговорил Фенов, отдавая мне розу.

- Спасибо, красивая.

- Это ты у меня красивая.

Я едва удержалась, чтобы не раскрыть рот от удивления. Такие слова мне никто не говорил. Даже страшно было верить, что Гоша искренен. Если он чувствует хотя бы десятую часть того, что и я, - мы встряли.

Я прочистила горло, но все равно прохрипела:

- Как у Кати дела?

Он покачал головой.

- Давай сегодня не будем про Катю. Только мы, ладно? Пойдем.

Я не успела ответить, а он уже обнял меня за плечи и повел с площади.

- Куда мы? – не успевала я за Гошиными словами и действиями.

- Тут недалеко. Увидишь.

Почти сразу свернув с главной улицы, мы оказались во дворах.

- Может уже скажешь, что происходит и почему мы почти бежим?

- Потому что я почти опаздываю, а хотел еще познакомить тебя со всеми, - ответил Фен, чем еще сильнее меня запутал.

- Куда опаздываешь? – совсем запуталась я.

- Увидишь, - бросил Гоша. – Все увидишь.

Мы снова завернули, потом опять немного прошли прямо, пока не оказались у крыльца тату-салона. Что я еще могла подумать в этот момент?

- Гоша, нет! – почти взвизгнула я, выдергивая ладонь из его хватки. – Я не буду делать татуировку.

Наверно, у меня был очень перепуганный вид. Во всяком случае, чувствовала я себя именно так. В ужасе. На грани панической атаки. Папа увидит татушку и убьет меня. Не шучу. Его конкретно бомбит от этой темы. Потому я и не спешила ему рассказывать о Гоше.

А Фенов расхохотался только.

- Какая ты трусих, Ирс, - поддразнил он, обнимая меня, кратко целуя в губы.

Сразу стало все равно. Сделаю хоть десять татух, лишь бы целовал меня вот так. Ну не убьет же меня папа. Может из дома выгонит. Пойду жить к Гоше тогда. У него есть еще одна спальня, я видела. Хотя какая спальня? Катя велела ночевать исключительно у нее. Да и папа Гоша скорее всего будет конкурировать за мой сон именно в его постели.

Уф, не надо думать о постели. У нас тут роза, свидание, какой-то сюрприз и тату-салон.

- Не бойся, детка. Обещаю, никто тебя тут иголкой не тронет, - посмеивался Фенов, расцеловывая мои щеки, словно считал веснушки губами. – Если сама не захочешь, конечно.

- Не захочу, - упрямо процедила я.

Гоша хмыкнул.

- Ну и все. Пойдем.

Мы поднялись по лесенке, и Гоша дернул дверь, аккуратно подталкивая меня вперед. Он помог мне снять пальто, стащил свою куртку, пристроил все на вешалку.

- Есть, кто живой? - крикнул он.

- А то, - тут же отозвался мужской бас, а следом появился и его хозяин.

Это был высокий мужчина в белой майке. Татуировки на его шее и руках выдавали мастера, а то и хозяина этой богодельни.

- Опаздываешь, Феникс.

- Каюсь. Грешен, - исповедался Гоша, обнимая мужика, громко хлопая по спине.

- Мишаня, знакомься, это Ирсен. Ирсен, это Мишка. Он большой, страшный, но добрый.

Я робко улыбнулась, несмело протягивая большому и страшному руку.

- О, какая милаха, - оценил мой жест Миша и дернул за руку в истинно медвежьи объятия. – Давай уж по-свойски, малышка. Гошина подружка – моя сестренка.

- Эээ, ну ладно... - проговорила я.

Признаться, я не очень любила подобную фамильярность. С незнакомыми так уж точно старалась держаться на расстоянии, но Миша как-то моментально подкупал простотой и нарочитой развязностью. Приятный мужик.

- С чем пожаловала к нам, красотка? Хочешь бабочку на попку? Или сердечко на бедро? – продолжал он болтать.

- Эээ, - снова протянула я неуверенно, но, встретив поддержку в Гошином взгляде, решительно выпалила. - Разве это не метка шлюхи?

- Фен! – тут же возмутился Миша. – Ты ей сказал! Ну офигеть...

- Я ей сказала, - проговорила Настя, выходя к нам из-за ширмы.

- Пф, - только и фыркнул Миша. – Болтуха.

Он обнял ее огромной лапицей, притягивая к себе, но Настя вырвалась, чтобы чмокнуть меня в щеку.

- Привет, Ир. Отлично выглядишь.

- Спасибо.

Уверена, опять покраснела. Особенно после того, как наткнулась на Гошин взгляд и улыбочку. Он рассматривал меня, ничуть не стесняясь присутствия друзей.

- Гошан, тебя уже заждался человек. Выходи уже из ступора и двигай работать, - заворчал Миша, отвечивая Фенову номинальный подзатыльник. – Я уже подготовку провел.

- А, да, - отмер тот и повел меня за ширму.

Там за столом со всякими странными штуками сидел парень примерно моего возраста. Он встал, чтобы поприветствовать Гошу.

На этот раз они здоровались лишь стандартным рукопожатием.

- Здорово, прости, что задержался. Подругу встречал.

Он подмигнул мне.

- Да ничего, Гош, главное дошел, - толерантно откликнулся парень.

- Ир, присядь.

Я послушно опустила в кресло, на которое Гоша указал взглядом. Он сам помыл руки, воспользовался дезинфицирующим гелем, надел перчатки.

- Отлично все зажило. Можно заполнять. - оповестил Гоша, осматривая плечо парня. — Не против, если девочка посмотрит?

- Нет, конечно, – он подмигнул мне. – Может тоже захочет.

- Это вряд ли, - фыркнула я.

Фенов неопределенно повел бровями, и я поняла, что он притащил меня в салон именно для этого. Хитрый гад.

Однако, стоит признать, что в этом маневре был смысл. Прежде всего, я немало удивилась, поняв, что Гоша сам может бить тату. То, как он готовил краску, заправлял машинку, даже дезинфицировал кожу парня, очень впечатляло. И работал он очень увлеченно, заполняя цветом контуры. Руку мастера было видно сразу. Он не новичок и не любитель, а профессионал. Немного смущала кровь, но я спокойно относилась к этому. Любопытство брало верх.

Парень даже не морщился, пока Гоша водил иглой по его коже. Очевидно, ему даже нравилось. Они тихонько переговаривались под жужжание машинки, буквально вгоняя меня в какой-то транс. Из него вырвала Настя, которая подошла сказать:

- Ир, мы поесть заказали. Не знали, что ты любишь, поэтому взяли и роллы, и пиццу.

- Не проблема, - махнула я рукой.

- А Фениксу специально добавили чизкейк, - влез Миша, низко хохотнув.- Два куса нашей сладкой попке.

- Сволочь, - буркнул Гоша себе под ос.

Паренек хмыкнул.

- Если оскорбился, я сам съем, - продолжал глумиться здоровяк.

- Да щаз, - не уступал ему Фенов, - Ты и так жирный, Мишань. Куда дальше?

- Гондон.

- Пошел ты.

- Повежливей. Это мой салон вообще-то.

- Ахаха, да ты что? Какое совпадение – мой тоже.

- Я тебе все выплачу и уволю, Фенов.

- Почку продашь? - совсем развеселился Гоша. – Тогда придется бросить пить пивас в таких количествах.

- Эх, черт. На такие жертвы я пойти не могу. – приуныл Миша.

Звякнул дверной колокольчик.

- О, клиент мой нарисовался. Еще поговорим, Фен.

Миша ушел встречать в холл, а Гоша хохотнул:

- Обаятельно.

Через минуту за соседним столом уже устраивался второй клиент. Девушка, которая как раз хотела бабочку на бедро. Я еле сдерживалась, чтобы не смеяться, и облегченно выдохнула, когда Миша прикрыл свое рабочее место ширмой. Все-таки не очень приятно тусоваться рядом с полуобнаженной дамой.

Потом прибыла доставка, и Настя позвала меня за стойку перекусить и поболтать.

Мы ели пиццу, роллы, общаясь без проблем и неловкости. С ней было легко и весело. А еще она хорошо знала Гошу. После нескольких наводящих вопросов я узнала, что Фенов

работал не только в Москве, но и в Европе. У его было несколько крупных заказов от ведущих домов мод. На этом Гоша неплохо заработал, поэтому и смог ссудить Мише денег на выкуп помещения студии. Они чуть ли не с детства работали в этом салоне. Потом Гоша уехал учиться в Москву, а Мишка остался. В период кризиса хозяин решил прикрыть заведение. У Миши не хватало средств, чтобы выкупить бизнес целиком. Он давно уже собирался это сделать. Тогда и пришел на помощь Гоша.

Мы так заболтались с Настей, что я не заметила, как Гошин парнишка ушел. Только колокольчик отвлек, а потом сильные руки легли мне на плечи.

- Все про меня разболтала? - уточнил Фенов, мягко массируя меня.

Я едва не застонала. Глаза закатились от удовольствия.

- Неа, чуть-чуть осталось, - развязно, на манер Миши, проговорила Настя. – Не успела сказать, что ты чертов извращенец и сластена. А так вроде – все.

- Это она сама уже поняла. Так что не утруждайся.

Я засмеялась и с удовольствием прижалась к Гошиной груди спиной. Он дотянулся до корочки, оторвал кусок пиццы.

- Где мой тортик? – с набитым ртом промямлил Гоша.

- Я тут, - отозвался Миша, который как раз провожал девушку.

Он звонко и наверно больно хлопнул Фенова по заднице. Гоша разразился матерной тирадой, от которой дамочка с бабочкой вся побелела.

- Ты мне портишь имидж заведения, - заворчал Миша, когда за клиенткой закрылась дверь.

- После тебя тут уже нечего портить, Мишань.

- Госпади, и как ты ребенка умудрился сделать, презерватив силиконовый.

Гоша, разумеется, не остался в долгу. Они завязли в шутливой перепалке, а Настя тем временем достала бутылку текилы и высокие стопки.

- Они всегда так? – спросила я.

- Всегда, - хохотнула она, вытаскивая и лайм с ножом, отдавая все Гоше.

Миша разлил.

Я сморщила нос, сомневаясь. Призналась честно:

- Никогда не пила текилу.

- Так ты и с татуированным мужиком, наверно раньше не спала, - грубовато пошутил Миша. Видимо, он оценил мое лицо, которое мгновенно стало помидорного цвета. – Ой-ой, у вас еще романтик, да? Как некрасиво ляпнул.

- Идиот, - буркнул Гоша. А мне спокойно сказал. – Ирс, не хочешь – не пей.

- Потчевать можно – неволить грех, - поддержала его Настя старой присказкой.

Вопреки их словам я уже остро чувствовала необходимость расслабиться с помощью алкоголя.

- Не так противно, как водка? – спросила я, взяв свой шот.

Они все втроем фыркнули.

Гоша взял меня за руку, поднес к губам и лизнул тыльную сторону ладони, а потом брызнул на влажный след соли.

- Лизнуть, выпить, куснуть, - проинструктировала Настя.

- Окей.

Мы звонко чокнулись. Я повременила, чтобы посмотреть, как они выпивают, и только потом сама.

Лизнула. Выпила. Куснула лайм, вытягивая кислый сок.

- Ух, - не сдержалась.

- Лучше водки? – поинтересовался Гоша с ехидной улыбкой.

- Не то слово.

И он сразу налил по второй.

- Не дави ты так, - хохотал Гоша. – Это апельсин, а не гранит. Смотри, как легко рисует. У людей кожа и того нежнее.

- Почему вообще на апельсине тренируются? – хихикала я в ответ, вода иголкой по корке.

- На людях не гуманно... Говорят.

Я рассмеялась громко и от души. Гоша забрал у меня машинку и апельсин положил все на стол.

- Боже, я такая пьяная, - призналась честно.

- Очаровательно пьяненькая я бы сказал.

Он выглядел таким довольным и расслабленным. Я уставилась на его губы, и сама не заметила, как пересела со своего стула Гоше на колени. Очаровательное пьянство, думаю, оправдывало мою развязность и наглость.

Феникс не был против нашего тесного контакта. Когда он был против вообще?

Я заметила, что уголок его рта чем-то испачкан. Боже, неужели – это чизкейк. Так нельзя. Я же не сдержусь.

Не помня себя от желания, я слизнула остатки десерта.

- Сладкий, - замурлыкала, чувствуя приторный вкус кремчиза. – Кому рассказать, что разукрашенный здоровяк без ума от карманной собачки и сладостей, на смех поднимут.

- Если расскажешь кому-то, придется тебя убить, - пригрозил Гоша, почти страшно.

- Даже убийство не спасет твой имидж от десерта и Бобса.

- Не искушай на проверку, - прошептал Гоша.

Наши губы тут же встретились. Поцелуи смешивались со стонами.

Фенов запутывал пальцы в моих волосах, а второй рукой шарил по телу. То сжимал грудь, то гладил попу. Я извивалась от удовольствия, отвечая на его поцелуи, откликаюсь на ласки. Мне не было стыдно, не было неприятно. Гоша провел по моей ноге от колена до самой кромки чулка. Я накрыла его ладонь своей, останавливая.

- Гош, - выдохнула ему в губы. – Гошик, ребята же здесь.

- Они уехали полчаса назад, - пробормотал он и снова заставил меня замолчать поцелуем.

Я смутно припомнила, как Настя вызывала такси, а Миша расстраивался, что завтра у него рано утром клиент. Потом они допивали текилу, а я, кажется, решила, что мне хватит, и отошла в уборную.

Все остальные воспоминания были связаны только с Фениксом.

- Серьезно? Уехали? Почему мы остались?

- Ты хотела порисовать на апельсине.

- Точно. А ничего, что мы здесь? Ну...

- Ничего.

- Ладно.

Я убрала руку, разрешая ему двигаться дальше. Желая этого изо всех сил, но Гоша не спешил. Он играл с кружевной резинкой, продолжая целовать меня. Кажется, я захмелела от его поцелуев сильнее, чем от текилы. Тело отзывалось на его ласки, а душа просила еще и еще. Я покусывала и посасывала Гошины губы, водила по ним своими, бессовестно

проталкивала язык ему в рот, желая целовать глубоко, страстно.

- Хочу тебя, - захныкала я, не в силах выносить его руку на бедре. Так близко и так далеко одновременно.

- Тихо, детка, тихо, - уговаривал меня Гоша, аккуратно убирая мои руки от своего ремня.
– Не хочу спешить.

- Зато я хочу.

- Ииииирс, - проскулил он, откидываясь в кресле, прикрывая глаза.

Гоша выглядел немного растерянным, сбитым с толку. Мне стало весело. Кажется, это текила во мне заговорила.

- Зачем же ты меня сюда привел и напоил? Думал, я подставлю зад, и ты мне набьешь сердечко?

Гоша раскатисто рассмеялся, откинув голову.

- Раскусила, Ирс. Именно для этого.

Совсем осмелев, я встала, чтобы опуститься вновь, но теперь оседлав его. Гоша заскулил, как побитый пес.

- Не буду я делать никаких татушек, Феникс. Зря старался. У меня от тебя и так засосов куча на шее. Не хватало еще чернил.

Гоша потянул меня за волосы назад, заставив запрокинуть голову. Ему открылся вид на мою шею. Фенов принялся обводить языком бледные, уже почти незаметные отметины. От шеи до самой груди.

Я перебирала волосы у него на затылке, тихо постанывая, чуть раскачиваясь.

- Уверена, что не хочешь татушку? – спросил Гоша хрипло.

Он расстегивал пуговики на платье, пробирался губами все ниже и ниже, к груди.

- Никаких татушек, - категорически отмела я эту идею.

- Жаль.

Гоша сдавил губами сосок прямо через кружево бюстгалтера. Я вскрикнула.

- О, боже.

- А пирсинг? Давай, Ирс, - пробормотал он, отрываясь от сладких пыток.

- У меня уши проколоты.

- А я не об ушах говорю.

Он снова откинулся, улыбаясь и разглядывая меня. Я без стыда смотрела на него, наслаждаясь руками, что теперь гладили грудь. Гоша отодвинул ткань платья и сдвинул чашечки лифчика, наконец касаясь груди без преград.

- Давай, Ирсен. Две штанги. Прямо сюда. – Он сдавил соски пальцами. Не сильно, но и не едва. Именно так, как я хотела. С легким покалыванием от приятной боли. – Я сам сделаю. Сейчас же.

- Да, - застонала я, отвечая не на его вопрос, а выражая удовольствие от манипуляций с моей грудью.

Но Гоша все понял буквально. Он тут же подхватил меня под попу и понес.

- Куда? Что ты делаешь? – запаниковала я, крепко обнимая его руками за шею, стискивая ногами корпус, чтобы не свалиться.

- Для интимного пирсинга есть отдельные апартаменты, - объяснил Гоша.

Пнув ногой дверь, он занес меня в маленькую комнатку со столом, очень похожим на тот, что пользуются мастера шугаринга.

Ой-вей. На что я подписалась? Паника вперемешку с алкоголем и возбуждение привела

к истерическому смеху.

- Гош, нет, нет. Я не хочу, не буду, - открещивалась я, хохоча, дергая ногами, теряя туфли.

Феникс усадил меня на стол.

- Серьезно? Не хочешь? А что такого? Сережки же носишь.

- Нет-нет-нет, - хохотала я, как помешанная. – Тебя хочу. Иди ко мне.

Раздвинув ноги, я потянула его на себя, приглашая устроиться между них. Гоше не нужно было иного приглашения. Он быстро расстегнул оставшиеся пуговицы на платье, распахнул его. Ладони снова легли на мои колени, поползли вверх, растирая и глядя бедра, чуть задевая внутреннюю сторону. Я захныкала, желая, чтобы его рука уже пробралась в трусики, но Гоша не спешил. Он погладил живот, очертил пальцем контур пупка, поднялся выше к груди, мгновенно справился с застежкой, которая была спереди. Клянусь, даже я не расстегнула бы быстрее. Он обнял ладонями груди, большими пальцами стал поглаживать соски, заставляя меня непристойно хныкать и дергаться.

Гоша прижался своей щекой к моей. Чуть потерял, покалывая щетиной.

- Малыш, еще могу остановиться. Честное слово, не хотел здесь.

- Зачем остановиться? – недоумевала я искренне.

- Разве хороших девочек не принято любить в постели, на шелковых простынях?

- Не уверена уже, что я хорошая.

- Мы в студии, Ирс, на столе для пирсинга, - напомнил он.

- Мне все равно. А тебе?

- А мне и подавно, - пробормотал Гоша, сминая мои губы поцелуем.

От его осторожной нежности не осталось и следа. Он сдавил соски, покручивая их. Почти больно, на грани. И Гоша чертовски хорошо чувствовал эту грань, балансируя на краю, заставляя меня дрожать и постанывать, искать его губы, чтобы не просто целовать, а покусывать, посасывать, дразнить языком.

- С ума меня сводишь. Безумие какое-то, - бормотал Гоша, спускаясь ртом ниже по шее, оставляя языком влажный след.

Я уперлась руками сзади, выгибаясь дугой, подставляя поцелуям грудь. Убрав руку с одного соска, он втянул его в рот, продолжая тереть пальцами второй. Посасывая, Гоша ласкал его языком. Отпускал и снова ловил губами, чуть прикусывал, заставляя меня вскрикивать, а потом дул на влажную чувствительную кожу.

Наигравшись с одним соском, он занялся вторым. Я дергалась, как припадочная, ерзала и почти рыдала, потому что не могла даже сдвинуть ноги, чтобы усилить ощущения. Его манипуляции с моей грудью довели почти до пика. Кажется, погладь меня сейчас Гоша немного, совсем чуть-чуть, я и кончу.

Но он не спешил. Словно действительно собрался убить меня, извести до смерти своим волшебным ртом.

- Гош, пожалуйста... - заскулила я.

- Что... Что ты хочешь, сладкая?

- Пожалуйста...

- Скажи мне...

Я захныкала, не решаясь, но он был непоколебим. Гоша оторвался от моей груди, стащил майку, подвинул меня ближе к краю. Я обняла его, прильнув кожей к коже.

- Скажи мне, Ирсен, - проговорил он на уху, куснув мочку. – Скажи, девочка. Я все

сделаю. Все, что захочешь.

- Погладь меня, - выпалила я тут же.

Не выдержав, схватила его за руку, направляя между нашими телами.

Гоша аккуратно освободил руку.

- Но... - пискнула я.

- Шшш, детка. Сейчас.

Я услышала, как вжикнула молния джинсов, Гоша на секунду отстранился, чтобы стянуть мои трусики, переместил меня совсем на край стола. Я опять нетерпеливо застонала от его невыносимых дразнилок, но тут же забыла обо всем, потому что почувствовала прикосновения горячей твердой плоти к своей. Ох, уже? Я, конечно, рассчитывала на эгоистичный первый оргазм вперед, но можно и так. Набаловал он меня.

Замурлыкав от удовольствия и предвкушения, я прижалась лбом к его плечу, лизнула чернильное перо феникса, тихо вздохнула. Скоро все кончится. Ну и ладно. Зато ему будет хорошо. Гоша уже дважды отправлял меня к звездам безвозмездно. Нужно отплатить добром и позволить трахнуть меня так, как он хочет.

Я замерла, ожидая вторжения. Ой как ошиблась, потому что Фенов и не думал торопиться. Он не собирался сразу приступить к делу, а водил головкой по моей влажной плоти, рисуя круги, чуть надавливая, спускаясь к входу, проникая на миллиметр, а потом отступая, чтобы снова дразнить.

- Приятно? - спросил он с хрипотцой в голосе.

- Даааа... - протянула я, давясь и захлебываясь стонами.

Кожа головки была такой нежной, скольжение невероятно приятным.

- Лучше пальцев, правда? – самодовольно поинтересовался Гоша.

- Дааааа...

- Я бы мог кончить прямо сейчас.

- Давай.

И мне было бы за счастье закончить даже на этом. Одна мысль от того, что Гоша желает меня так сильно уже была более, чем удовлетворительной. Но он лишь сказал прерывисто:

- Нет. Чуть... позже.

И я задохнулась, потому что он усилил нажим, стимулируя клитор.

- Оу, господи... Ах... - только и могла выкрикивать я, впиваясь ногтями в рисунки на коже, кусая и посасывая шею.

Оргазм уже разливался горячим первым спазмом, и я вся сжалась, чтобы усилить ощущения, как Гоша толкнулся в меня. Его палец тут же лег на клитор, надавливая, не позволяя упустить разрядку. Я завyla в потолок, потому что было невероятно сладко чувствовать, как он проникает в меня. Медленно, но настойчиво, преодолевая невольное сопротивление, спровоцированное оргазмом.

- Ирсен, расслабься, - взмолился Гоша.

- Не могу.

Он замер.

- Нет, - тут же вскрикнула я, нажимая пятками ему на задницу, побуждая не медлить.

- Малыш, тебе же больно.

- Нет-нет. Давай, Гош. Давай. Еще.

Фенов витиевато выругался и одним мощным движением вошел в меня до конца. Сжав

мои бедра, он стал двигаться. Я нашла его губы, неистово целуя, дергала его за волосы и продолжала сжимать внутри. Он был большой для меня. Или это оргазм сделал меня такой тугой.

Гоша глухо постанывал, срывая с моих губ поцелуи, бормоча что-то невнятно. Он чуть замедлился, и я снова капризно захныкала, теряя блаженную пульсацию, которая до этого нарастала.

- Быстрее, Гош. Не останавливайся, - почти потребовала я.

- Еще чуть быстрее, и я кончу, - пожаловался он с отчаянием в голосе.

- Я... Кажется, я – тоже.

- Да чтоб меня... - выпалил Феникс, теряя остатки сдержанности и терпения.

Он сунул ладони мне под попу, почти поднимая над столом. Я свела ноги у него за спиной, стараясь двигаться навстречу движениям. Гошины стоны сменились рычанием, темп стал неистовым, бешеным. Я вскрикивала, не в силах сдержать себя, его, ту стихию, что накрывала нас обоих, не щадя, не спрашивая разрешения, разрушала все преграды и условности. Кровь неслась по венам, вскипая и разнося удовольствие по всему телу. Казалось, это длилось целую вечность. В другой вселенной, в другом мире. Там не было никого, кроме нас с Гошей и жидкого восторга, в котором мы утонули.

- Прости, - услышала я его голос, который вернул из сладкого забытья.

- За что?

- Презерватив забыл, перепачкал тебя всю, - покаялся Гоша.

- О...

Я опустила взгляд, увидела влагу на ноге. С ума сойти, я вообще не заметила, что он успел выйти. Гоша отошел к этажерке, что стояла в углу, взял с полочки пачку влажных салфеток. Сам достал одну, аккуратно протер мне ногу.

- Не подумай, что оправдываюсь, - заговорил он, - но у меня секса сто лет не было, поэтому и обкончался, как пацан.

- Сто лет? - уточнила я игриво.

Настроение было приподнятое. Хмель еще не выветрился, оставив во мне немного наглости и решительности.

- Полгода, - уточнил Гоша.

- Пф, - фыркнула я. – Слабак. У меня год.

- Это мне крупно повезло, - захохотал Фенов. – а я, дебил, еще уговаривал потерпеть до кровати.

Я тоже усмехнулась, сползая со стола. Гоша любезно подал мне трусики. В этот момент вернулся стыд. В расстёгнутом платье и лифчике, без трусов, но в чулках, босиком. Я тут же покраснела и попыталась спрятаться, запахнуться, стала застегивать бюстгальтер дрожащими руками. Все это под насмешливым взглядом Гоши. Казалось, сейчас он просто отправит меня домой на такси – и все. Обычно на этом все кончается. Секс и до свидания. У таких, как он, уж точно.

Я чуть не уронила трусики и решила сначала надеть их, а потом уже воевать с бюстгальтером. Повернувшись спиной к Фенову, кое-как справилась с бельем, но румянец побороть так и не удалось. Наоборот, вспыхнула сильнее, когда он подошел сзади, обнял и прильнул губами к шее, мастерски щелкнул замочком, повернул к себе, стал застегивать платье.

Я смотрела на него снизу вверх, теряя дыхание, едва сдерживаясь, чтобы не начать

умолять взять меня еще раз. Если он захочет, я не откажусь. Но он молчал, даже намек не давал.

Значит – все. Лучше первой уйти. Больше не буду никогда выпрашивать нежность у мужчины. Они, похоже, не умеют быть внимательными после секса. Гоша и так сейчас был весьма мил. Не гнал, не обижал меня.

- Какой здесь адрес? – спросила я, отстраняясь.

- Адрес? Зачем тебе? – не понял он.

- Машину вызову. Поздно уже.

- Разве? – Фенов приподнял бровь. – Ты куда-то спешишь?

- Нет, но...

- Тогда никаких машин. Пошли гулять. Я только приберу немного. Настя мне череп раскроит, если найдет хоть каплю.

Я хихикнула, представляя эту картину.

Вместе мы быстренько протерли стол и прибрали коробки от еды в общем зале. Я думала, что Гоша пошутил на счет прогулки, а зря. Закрыв салон, мы действительно пошли шататься по ночным улица. Фенов что-то рассказывал, а я смеялась, как сумасшедшая над его историями про тупых моделей или клиентов с забавными заказами на тату. Я вспомнила, что забыла розу, и Гоша затащил меня в цветочный, где купил еще пяток. Мы целовались под каждым фонарем, не в силах отлепиться друг от друга. Феникс снова замотал на мне свой шарф, и я млела от запаха мужской свежести, тепла и страсти.

- Где это мы? – нарочито удивилась я, понимая, что Фенов привел меня во двор своего дома.

- Пошли, - тянул он меня за руку к подъезду.

- Перестань, - сопротивлялась я, но не очень уверенно. – Я домой поеду.

- Пойдем ко мне, - настаивал Гоша. – Уже пришли ведь.

- Как же Катя, Гош?

- Катю утром няня ведет на танцы, а потом на день рождения к подружке. Ее не будет до вечера.

Он зазывно подвигал бровями.

- Вот завтра я к тебе и приеду.

- Нет, Ирс, - Феникс прижал меня к себе, шепча в губы. – Не хочу тебя отпускать.

Пойдем. Хочу уснуть с тобой рядом сегодня. Пожалуйста, детка. Я ведь исполнял твои желания, когда ты просила. Уступи мне сейчас.

Он резал без ножа. Я не могла сопротивляться.

- Только никакого секса, когда Катя дома, - поставила я условие.

- За кого ты меня принимаешь?

- За озабоченного извращенца.

- Неее, я не такой. Клянусь, буду держать себя в руках. Пока... А потом ты привыкнешь и будешь тихой.

- Вот уж вряд ли.

- Ирс, не рушь мои розовые замки.

- Хей, розовые замки – моя тема.

Так, смеясь и подкалывая друг друга, мы доехали на лифте до крайнего этажа. Гошка зашикал на меня у двери. Я сжала губы и напустила на себя серьезный вид. Но войдя в прихожую, утонула в Гошиных объятиях, отвечая на его поцелуй.

И тут внезапно зажглась лампа в гостиной, мы синхронно повернулись на свет.

К нам вышла женщина. Это точно была не няня Марина.

- Доброй ночи- весьма недружелюбно приветствовала нас не няня. Она держала на руках Флинта, поглаживая мурчащего кота по голове. Меня тут же обожгло догадкой.

- И вам не хворать, Анфиса Пална, - ответил ей Гоша, подтверждая мои подозрения.

Я не знала, куда деться от враждебного взгляда женщины, которая была никто иной, как бабушка Кати. Откуда она тут взялась, и что мне теперь делать? Лучше всего было бы провалиться сквозь землю. Гошу, похоже, терзали те же вопросы. Но, судя по голосу и неприветливому тону, проваливаться он не особо желал.

- Разве вы не должны ухаживать за больной тетушкой? - весьма неприветливо поинтересовался он.

- Она умерла, - бесцветно ответила Анфиса Павловна.

- Соболезную, - так же без эмоций проговорил Фенов. – Чем обязан видеть вас в такой час в своем доме?

- Я хотела увидеть внуку, - женщина задрала нос. – Ты же сам дал мне ключи, Игорь. И разрешил приходить.

- Уже жалею об этом. Признаться, я полагал, что перед визитом вы будете звонить. Разве так не принято у нормальных, воспитанных людей?

- Будешь мне воспитанием пенять, а сам девку привел в дом.

Я охнула, не сдержав эмоций.

- Я тебе ребенка доверила, а ты чем тут занимаешься? – продолжала она отчитывать Фенова, как маленького. - А вы, мадам, постыдились бы...

И тут я физически почувствовала, как Гоша вскипел.

- Я вам забыл отчитать, кого и когда мне приглашать в мой дом. Вы мне доверили не ребенка, а мою дочь. И последнее, и самое главное, Ирсен не девка. Следите за языком.

- Гош, я домой поеду. – пискнула я, обретя дар речи. Достала телефон, стала искать номер.

- Хорошее решение, - ядовито поддержала меня Анфиса.

- Домой поедет Анфиса Павловна, а ты останешься.

Гоша попытался забрать у меня телефон, но я подняла на него затравленные глаза.

- Ирс, - процедил он сквозь зубы.

Я покачала головой, без слов прося не останавливать. Самое неприятно, что бабушка Кати не скрывала радость от моего решения и стояла, как вкопанная, пока я вызывала машину, говорила свой адрес диспетчеру. Словно обязана была удостовериться, что ночная гостя уйдет. Я решила ее не разочаровывать, потянулась к ручке.

- Ирсен, - снова остановил меня Гоша.

- На улице подожду. Скоро подъедет уже, - пролепетала я, - едва сдерживая слезы.

- И снова отличное решение, - добила меня Анфиса.

Гоша беспомощно выдохнул и последовал за мной

- Я провожу.

И снова мы были в лифте, а потом на улице. Ночь больше не казалась мне волшебной. Наоборот, сразу пробрало холодом. Я задрожала совсем не от возбуждения. С трудом сдерживала слезы, кивая как болванчик Гошиным словам.

- Детка, прости, я понятия не имею, что она здесь делает.

- Приехала к внуку, это же очевидно, - пробормотала я. – Не надо нам было...

- Надо, Ирс, надо. Клянусь, я все решу. Ты только не бери в голову и не плачь, пожалуйста. Девочка моя красивая...

Он взял мое лицо в ладони, и я попыталась улыбнуться, делая вид, что все хорошо. Вышло кисло. Гоша прижался губами к моим, лаская мягкими поцелуями. Он продолжал извиняться, шептал, что все хорошо, и недоразумение будет улажено. Я почти поверила ему, обняла и прильнула всем телом, желая согреться, избавиться от дрожи. Подъехала машина. Я отстранилась, Фенов поморщился, словно ему было физически больно отпускать меня.

- Приезжай ко мне завтра утром, Ирс.

- Стоит ли?

- Более чем.

Гоша сверкнул соблазнительной улыбкой, и я растаяла. На одно мгновение, пока он целовал меня и открывал дверцу машины. Но едва такси тронулось, я снова раскисла.

Вот не может у меня все быть хорошо. Какая-то стерва-судьба. Все испортилось на самом интересном месте. Пока ехала до дома успела почувствовать себя шлюхой и дурой, даже пожалела, что поехала тогда сама отдавать Кате кролика. Нет, так нельзя думать. Это был добрый поступок. И пусть Анфиса Павловна считает меня Гошиной подстилкой, но я то знаю, что это не так.

Не так? Разве? А в чем разница?

Мы занимались сексом в тату-салоне, на столе для пирсинга. При этом не Феникс был инициатором разврата. Какие у меня оправдания? Пожалуй, только то... То, что я влюбилась в него?

Машина подъехала к дому, и я обрадовалась, что пришлось выходить и можно не думать о чувствах к Гоше. Это секс, просто секс. Он приятный, добрый, внимательный мужчина. Не более. Роман, увлечение. Не нужно пудрить физическое влечение серьезностью чувств.

Прокравшись в комнату, я не нашла сил даже умыться. Знаю, что ужасно вредно ложиться так спать. Аня меня бы прибила за такое бестолковое отношение к коже, но я заткнула совесть, которая говорила ее голосом. Сняла одежду и рухнула в кровать. Похоже, текила, секс и усталость от прогулки взяли верх. Меня выключило моментально.

Утром я проснулась без головной боли, как ни странно. Алкоголь был ко мне милостив. Залезая в ванную, я улавливала отголоски Гошиного запаха и с сожалением смывала его с себя. После душа увидела, что на мобильном пропущенный от него. Сердце прыгнуло к горлу, но тут же рухнуло в пятки от неприятного иррационального предчувствия. Отогнав все это прочь, перезвонила.

Не зря сердечко шалило. Гоша снова извинялся, потому что Анфиса Павловна вчера отпустила няню и та уехала за город с утра пораньше. Бабушка пыталась предложить себя в качестве провожатой для Кати, но Фенов отказал ей категорически. Я не стала уточнять, почему. Видимо, они крупно повздорили после моего ухода. Это было ясно из обрывков фраз, которые иногда отпускал Гоша. Я чувствовала, что он пытается не болтануть лишнего на эмоциях, которые все еще кипели в нем. Меня забрызгивало кипятком даже через телефонный разговор.

В общем, дела складывались так, что Гоша весь день будет мотаться с Катей, а вечером... Вечером он ждал меня, так как бабушка все-таки выторговала у отца ребенка в гости с ночевкой.

Все это уже не было похоже на ни к чему не обязывающую интрижку, которой я себя успокоила. Наличие у Гоши дочери уже все усложняло, а теперь еще и бабушка нарисовалась, которая ясно дала понять, что я ей не нравлюсь. Невольно вспомнились

предостережения Ани. Как напорочила, ведьма рыжая.

Днем меня к тому же весьма утомил папа. Он сначала поинтересовался, во сколько я вернулась, потом спросил, с кем гуляла, затем, где. Врать мне не хотелось, но пришлось выдать стандартную историю про девчонок и клуб. На этом его допрос не закончился, и он спросил, что я пила и в каких количествах. Тут уже я не выдержала и в жесткой форме отказалась отчитываться.

Отец надулся, я тоже. Разозлилась на него. Что еще за новости? Мне двадцать два. Я взрослая девочка. То, что мы живем вместе – не повод требовать у меня отчета. Еще и в такое безобразной форме.

Я пыхтела, меряя шагами свою комнату, когда позвонил Гоша.

- Детка, как ты?

- Учитывая обстоятельства, нормально, - огрызнулась я.

- Я не вовремя?

- Смотря для чего. Если хочешь предложить заняться неистовым сексом на столе или на стуле – я только за.

-Ого... - растерялся Гоша от моего напора, но быстро пришел в себя. – Если честно, мысли о неистовом сексе меня самого не отпускают. Как на счет сделать все в моей кровати?

- А Катя?

- У бабушки до завтра. Я уже подъезжаю к твоему дому. Пять минут хватит, чтобы собраться?

- Откуда ты знаешь мой адрес? - настала моя очередь удивляться.

- Ты сама мне его сказала, когда я вызывал такси, Ирс. Остался в базе.

- Хитрый.

- А то, - я слышала улыбку у него в голосе.

- Выйду через пять минут.

Я быстренько побросала в сумку зубную щетку, салфетки, трусики, мазнула тушью ресницы, распустила забранные волосы, растрепала. Майка, джинсы, кеды, куртка вместо пальто.

- Далеко собралась? - нарисовался папа в прихожей.

- На Кудыкину гору, - огрызнулась я. Нет, он издевается. Думает, я сейчас возьму и расскажу. Как же.

- Когда вернешься?

- Вернусь, когда вернусь.

-Ирсен! – он повысил голос.

- Что?

Я задрала нос и посмотрела на него с вызовом.

- Не глупи, девочка.

-Пап, я учусь, работаю, не принимаю наркотики, плачу часть за квартиру, не делала аборт, не попадала в полицию. Чего ты вдруг включил это нелепое беспокойство?

- У тебя кто-то завелся, а ты мне не говоришь, - процедил он обиженно. Как ребенок, честное слово.

Неужели он ревнует?

- Не говорю, потому что сама не знаю.

- Он нормальный? Ровесник? С института? Или в клубе своем познакомилась?

- Как-нибудь расскажу, пап. - Я примирительно чмокнула его в щеку, накинула куртку и вышла из дома.

Машина Гоши уже стояла чуть поодаль. Слава богу, он не додумался выйти или еще лучше позвонить в дверь. Уверена, отец и так шпионил у окна. Обернувшись, я поняла, как крупно ошиблась. Папа даже вышел за ворота и теперь стоял, провожая меня взглядом.

- Прости, что к дому не подъехал, там яма здоровая, боялся колесо оставить, - оправдался Гоша тут же.

Впервые в жизни я порадовалась нашей жуткой дороге и инстанциям, которые уже несколько лет игнорировали просьбы заасфальтировать.

- Не страшно, - улыбнулась я, понимая, что до ужаса рада видеть Гошу. Положив руку на щетинистую щеку, погладила, прошептала в губы. – Привет.

- Привет, - откликнулся он так же тихо.

Он мягко поцеловал, потерся о мою ладонь.

- Я не отпущу тебя до завтрашнего утра, - пригрозил мне Гоша.

- Ну... я взяла с собой трусики.

Он рассмеялся.

- Они тебе не понадобятся, красавица.

- Ты засранец, - засмеялась я, шлепнув его по коленке.

- Знаю, - лучезарно улыбнулся Гоша, заводя мотор.

На языке вертелось спросить его о вчерашнем, но Фенов выглядел таким счастливым и расслабленным, что я не решилась напоминать о неприятном инциденте. Мысль о том, что мы сегодня будем вдвоем всю ночь волновала меня сильнее какой-то стервозной тетки. Пусть даже она бабушка его дочери. Сегодня – только мы.

Уже в лифте Гоша по-хозяйски положил руку мне на талию, привлек к себе, поцеловал.

- Мы вчера поспешили, - проговорил он.

Если честно, я не разделяла его мнения и уж точно не жалела о том, что случилось в салоне. Это было не просто хорошо, но как-то правильно и естественно. Мы оба хотели – какой смысл сдерживаться.

Но я все же подыграла ему.

- Ты думаешь?

- Да.

- И что же теперь с этим делать?

- Исправлять.

- Каким образом?

Гоша открыл дверь, пропуская меня вперед. Едва я вошла, он поднял меня на руки и понес к лестнице.

- Разве это не свадебная традиция? – хохотала я.

- А ты выйдешь за меня? – подначивал Фенов, шагая по ступеням.

- Где мое кольцо с бриллиантом?

- Какие кольца, Ирсен? От меня ты дождешься разве что штангу в сосок с брюликом.

- Какой ты романтичный.

- О, да.

Фенов толкнул дверь плечом и поставил меня на пол.

- Прибрал носки ради меня? Как мило, - не сдержалась я.

-Чего? Я не раскидываю носки, - возмутился Гоша с виноватым видом.

- Врешь.

- Вру, - кивнул он.

Я засмеялась, обнимая его за шею, целуя в губы.

- Ирсен, - прошептал он, запуская руки мне под куртку, чтобы снять. А потом и под майку. – Я хотел... сказать кое-что.

- Это срочно?

- Уже нет.

Так приятно было забыться от поцелуев и горячих объятий. Я хотела его безумно и больше не разрешала себя сомневаться. Дернув за ткань Гошину рубашку, я разом расстегнула половину кнопок. Хорошо, что не пуговицы, а то бы отодрала, наверно. Фенов рывнул мне в шею, подбадривая, и я вторым рывком расправилась с остальными. В очередной раз я ощутила, как мне с ним хорошо, как просто и естественно. Словно я создана для этого сильного, красивого мужчины. Только в его объятиях могу гореть и забываться.

Стащив рубашку с Гоши, я отстранилась, чтобы полюбоваться. Ему при этом пришлось прекратить целовать меня. Он нахмурился сначала, но быстро все понял, оценив мой взгляд. Я положила ладони ему на грудь, стала гладить, повторяя пальцами чернильный узор феникса.

Гоша рвано выпустил воздух через рот.

Я тут же одернула руку, но он поймал и вернул обратно.

- Я... Мне... Это ничего, что я смотрю и ...трогаю? - промямлила смущенно, но смело глядя ему в глаза.

- Это очень даже приятно, - улыбнулся Гоша. На его лице действительно разлилось какое-то блаженство. Он тяжело дышал, пока я водила пальцами по рисункам.

Я не выдержала и прильнула ртом к плечу, едва сдерживаясь, чтобы не укусить. Языком провела по крылу феникса, сомкнула губы на плоском соске. Не сдержалась и прикусила, заставляя Гошу глухо охнуть.

- Тебе нравится? Спросил он, запуская руку мне в волосы.

- Д-да, - запнулась я.

Все-таки вести такие разговоры при свете дня, без алкогольной храбрости и с моими комплексами – это почти подвиг. Запал смелости кончался. Проявлять инициативу оказалось не так просто даже с явным одобрением Гоши.

Он, разумеется, тут же все понял. У этого мужчины как будто вшит радар, который нацелен на мою неуверенность и смущение. Он развернул меня к себе спиной, чуть подтолкнул, направляя к зеркальному шкафу, что стоял у стены.

- Посмотри, Ирсен, - велел Фенов, склоняясь губами к моей шее. – Не надо стесняться.

Он прекратил поцелуи на мгновение, чтобы стащить с меня майку. Я доверчиво подняла руки, но с трудом сдержалась, чтобы не прикрыться.

- Смотри, - приказал Гоша.

Он положил ладонь мне на шею, не позволяя опустить голову. Оставалось только зажмуриться, но...

- Даже не думай закрывать глаза. Смотри, - повторил он тоном, от которого у меня мурашки помчались и волосы встали дыбом, - Нравится то, что видишь?

- Да, - пискнула я, чувствуя себя одновременно могущественной и беззащитной с ним. – Ты красивый.

- Мы красивые, - поправил Гоша, куснув за мочку уха. – Никому не позволяй думать, что

ты не красивая или обычная. Ты – это ты, Ирсен. Естественная, особенная, прекрасная. Это в наше время роскошь.

Глаза закатывались от удовольствия, которое дарили его руки на моей коже. Гоша гладил и целовал, дул и прикусывал. А я смотрела в зеркало, чувствуя, как меня распяет изнутри желание, как распускается, словно цветок, возбуждение.

Я встречала в отражении его взгляд, который заводил меня еще сильнее. Гоша словно снимал меня глазами. Я знала, что он сейчас мысленно держит в руке камеру, запоминая нашу близость кадрами.

Пальцы отодвигают чашечку лифчика, чтобы добраться до соска.

Зубами прихватывает бретельку, чтобы убрать с плеча и целовать кожу.

Запрокидываю голову, завожу руку назад, чтобы коснуться его волос на затылке.

Касается губами шеи, пока большим пальцем теребит сосок, а второй рукой расстегивает пуговицу и молнию на моих джинсах.

Избавившись от своей одежды, я спешу расправиться с Гошиной. Он не пытается мне помочь. Я понимаю, что Феникс хочет от меня. Инициативы, смелости, действий. Неожиданно я понимаю, что такая пассивность возбуждает еще сильнее, чем его ласки и сладкие приказы.

Мы стоим к зеркалу боком, смотрим друг на друга. Я улыбаюсь коварно, недобро. Он – сама серьезность. Мои пальцы находят болты на его джинсах. Я не спешу, наслаждаясь тем, как Гоша сжимает губы, шумно дышит. Уверена, он бы хотел сейчас просто содрать с меня и себя остатки одежды, завалиться на кровать и сделать все быстро. Но правила уже озвучены.

Пока я копаюсь с пуговицами, он целует меня. Так нежно, сладко, трепетно. Но губы тут же становятся жестче, требовательнее, едва я касаюсь его члена.

- Ирсен, - рычит он, толкаясь пахом мне в ладонь.

И у меня окончательно отказывают тормоза. Позабыв о сдержанности, скромности и комплексах, я крепче стискиваю его плечи, целую в шею, веду языком к груди, продолжая поглаживать, растирая влагу по головке. Гоша стонет и буквально вибрирует. Мне больше не нужен алкоголь, я пьяная от власти над этим мужчиной. Мой. Весь мой. Прикусив сосок, я опускаюсь на колени, ведя языков по животу все ниже и ниже.

С губ Гоши срывается отборный мат, едва он понимает, что я сейчас буду делать. Ругательства обрываются стонами, когда я касаюсь губами горячей, твердой плоти.

Я не умею делать минет – это факт, но это мне не мешает. Посасывая головку, я кружу по ней языком, стараюсь вобрать глубже, настраивая вдохи и выдохи, помогая себе рукой.

Довольство и возбуждение буквально разрывают меня на части, когда я краем глаза улавливаю, что Гоша смотрит на наше отражение в зеркале. Осмелев, я решаю придать пикантность и чуть царапаю зубами. Эффект неожиданный.

Гоша буквально отодрал меня от своего члена, поднял с пола, бросил поперек кровати. Я задорно взвизгнула.

- Еще секунда и я бы кончил тебе в рот, понимаешь? – бубнил он, стаскивая с меня трусики.

-Я не против, - мяукнула я, довольная, что довела его до ручки.

- Я против.

Фенов навалился на меня, жадно целуя. Его губы спустились к груди, пока пальцы гладили клитор, распределяли влагу по чувствительной плоти. Я хотела его сейчас так сильно. Даже сильнее, чем вчера в салоне. Но даже сквозь безумие похоти вспомнила:

- Гош, защита. Я не предохраняюсь.

- Я успею, - выдохнул он, добавляя еле слышно. – Точно успею. Вчера же успел.

Это ужасно бестолково, но его слов мне хватило, чтобы забыть обо всем.

Он заполнил меня одним движением. Плавно, но уверенно погрузился, и я сразу же сжалась, желая усилить ощущения.

- Ирссееен, - протянул Гоша, стискивая мои бедра.

Я отпустила и снова сжала, а для верности еще и поерзала, побуждая его не медлить. Гоша сдался. Он начал двигаться сначала осторожно, но потом все быстрее и быстрее. Я звонко вскрикивала, хватаясь за него, разрывая ногтями кожу, дергая за волосы. Сначала его, потом себя. Напряжение затягивало тугие узлы, заставляя буквально подскакивать Гоше навстречу.

Я просила еще, хотя в пору было умолять о пощаде. И Фенов давал мне больше, сильнее, ярче чувствовать. Его палец лег на клитор, прибавляя мне громкость, толкая к пропасти. Но я продолжала просить, словно испытывая себя и его на прочность.

- Еще, Гош. Сильнее.

Он встал на колени, положил мои ноги себе на плечи. И – да. Вот в таком положении мало мне не показалось. Я всхлипывала и скулила от мощного натиска. Гоша целовал мои лодыжки, тоже постанывая. Мне хотелось дожать его, закончить сейчас вместе. Чтобы он сломался вместе со мной, отпустил и получил все.

Я положила руку на свою грудь и одновременно сжалась внутри, встречая беспощадную волну разрядки. Меня трясло, колотило и корчило. Но даже сквозь сладкое забытие я чувствовала, как Гоша сильнее стискивает мои бедра и громко стонет, кончая.

- Кажется, мне пора самой заботиться о контрацепции, - проговорила я.

- Ммм, это было бы удобнее, конечно, - отвечал Феникс.

- Конечно, - фыркнула я. - Что будешь делать, если я забеременею?

- Женюсь, - не раздумывая ответил он. – Родим.

Гош, я серьезно.

- И я не шучу.

- Этот метод очень ненадежный.

- Хей, но я же успел.

- Успел, ага. Но чуть не опоздал.

Я лежала на Гошиной груди, рассматривая его татуировки. Не первый раз видела его с голым торсом, но спокойно изучить рисунки до этого не получалось. Отвлекалась поцелуями и похотью. А теперь, наконец, голод поутих. После третьего раунда. Хорошо, что мой разрисованный друг был не менее голоден.

Гоша с великим энтузиазмом доказал, что я никакая не фригидная. Я начала об этом догадываться с первой нашей встречи, а сегодня убедилась окончательно.

- Нравится тигр? – Гоша хитро приподнял бровь, шпионя за мной.

- Нравится, - тихо подтвердила я, отводя глаза.

- Не смущайся, - тут же заметил он мой румянец. – Мне нравится, когда ты меня рассматриваешь. Собственно, для этого все и было задумано.

- Почему тигр? – спросила я, осмелев. Действительно глупо бояться смотреть на него. Особенно теперь.

- Агрессия, - немного печально проговорил Гоша. – Это моя первая татка. Я раньше задирой был. Лез на рожон, дрался вечно. По поводу и без. Такой, знаешь... Шерхан джунглей. Ну и решил, что тигр все это отлично олицетворяет. В принципе он мне и сейчас не мешает.

Признаться, откровения Гоши о буйной юности меня удивили. Он, конечно, с первого взгляда производил впечатление не милого котенка, но все же я считала его спокойным и сдержанным. Хоть бы в ситуации с агентом Димой. Гоша на него даже голос не повышал, хотя я видела, что тот его достал смертельно. Поэтому не могла не уточнить:

- Не мешает быть задирой?

- Скорее быть защитником, храбрым воином. Ну и для Катькиных женихов сгодится в виде устрашения.

Я рассмеялась. Гошка тоже самодовольно хохотнул.

- А это? - Я провела рукой по изображению амулета, вспоминая, как он называется. – Ловец снов?

- Да. Одновременно инь и янь.

Действительно, внутри кольца было деление на противоположности.

- Гармония между мирами, равновесие. Мне в детстве часто снились ужастики. Это что-то вроде оберега, чтобы оставить все плохое во сне, не пустить в реальность.

У меня мурашки по телу побежали. А ведь думала, что это все просто картинки, блажь. Взгляд упал на римские цифры, что были выбиты на плече. Гоша объяснил, не дожидаясь вопроса:

- Это день рождения Катарин.

- Ты хороший папа, - проговорила я.

- Пытаюсь им быть, - скромно ответил Гоша. – Но с работой иногда просто зашквар, а Кате это сложно объяснить. Пока во всяком случае.

- Она поймет.

- Поймет. - Гоша тяжело вздохнул. – А смысл? Она мать даже не помнит. Светка днем спала, а ночью танцевала, насколько я понял из рассказов Анфисы. Меня тоже почти не знала. Я раз в месяц приезжал. А то и реже. Хочу с ней теперь быть как можно больше.

- Ты хороший папа, - повторила я, целуя его в щетинистую щеку.

- Вспомни об этом, когда Катька прибежит к нам утром в постель.

Гоша подвигал бровями.

- Я уеду еще до нее, - пообещала я, не очень готовая к такому.

- Ну, я не про сегодня говорю, а вообще.

- Вообще?

Я приподнялась и удивленно взглянула на него.

- Что так смотришь, Ирс? Ты же не думаешь, что это все баловство?

- Я... я не думала. Вообще, если честно. Все так быстро. Прости...

Села на кровати, нервно зачесала волосы назад. Все действительно так быстро, так стремительно, что голова кругом.

- Хей, детка, не надо извиняться.

Он мгновенно оказался позади меня, прижался грудью к спине, заключив меня в тиски объятий.

- Просто меня не интересует случайный секс. Мы уже год с Катей, и я поначалу вел привычный образ жизни. Ну... девочки там, клубы. Клиентки многие не против... Но потом понял, что так нельзя.

- А как можно? – прохрипела я, совсем запутавшись.

- Я не хочу случайных женщин в моем доме. Не хочу, чтобы дочь их видела. Ты права, у нас все быстро, но... Давай попробуем, Ирсен. Ты нужна мне.

Что я могла ответить? Только покивала. Признаться, меня жутко пугали перспективы. Я очень смутно представляла, как отреагирует Катя, если поймет, что меня с ее папой связывает не только дружба. Вряд ли у нее уложилось это в голове, когда мы вместе гуляли, а потом я помогла уложить ее. Но даже эти страхи не могли заставить меня оторваться от Гоши. А вот телефон и звук фотокамеры – очень даже.

- Феникс, ты совсем больной что ли? – взвизгнула я, вскочив с кровати.

- Ну не ругайся, Ирс. Я извращенец, это не лечится. И так с собой боролся до последнего. Минут двадцать уже хочу тебя сфоткать. Глянь, как красиво.

Сварливо фыркнув, я все же приняла из его рук мобильный. М-да. Спорить с мастером глупо. Фотка действительно была красивой. Совершенно не пошлой. Гошина рука, которая обнимала, моя белая кожа и безумные волосы. Лицо в профиль, глаза опущены. Действительно очень красивый кадр. Умеет же он видеть такое.

- Надеюсь, ты не выкладываешь это в инстаграмм или еще куда-то, - заворчала я, еще немного злясь на него.

- Не, в инстаграмме у меня исключительно сиськи и письки. Вот сейчас...

Фенов прицелился в меня глазком камеры мобильного.

- Ты бессовестный, - засмеялась я, понимая, что он дразнится.

Пришлось забрать мобильник, толкнуть Гошу, заваливая на кровать, забралась сверху. Но он все же вырвал телефон обратно и фоткал, умудряясь изворачиваться. И меня абсолютно не беспокоило то, что у него теперь буду мои обнаженные фото. Скорее возбуждало.

Игривая борьба очень скоро переросла в прелюдию, за которой последовал очередной раунд.

- Я опять забыл. Пошли, покажу кое-что, - приговорил Гоша уже на кухне, когда мы голые и совсем оголодавшие потрошили холодильник.

- Эй, - он буквально выдрал у меня изо рта кусок курицы.

- Успеешь, обжора. Пошли.

- Куда?

- В кабинет.

- Зачем?

- Увидишь.

Я хохотала, дожевывая, пока Гоша тащил меня из кухни, через гостиную до того самого места, где он впервые меня коснулся. Тот же самый угол, где Фенов снимал меня первый раз. Только теперь на доске была не драпировка. Стена была увешана моими фотографиями. Кажется, теми же самыми, из студии. Да, я узнавала свои позы. Себя... едва ли. Гоша очевидно прошелся по моим изображениям ретушью. Глаза стали просто колдовскими, волосы играли неведомыми оттенками, а за спиной был антураж тайги или еще какого дремучего леса.

- Душа леса, - проговорил Гоша у меня за спиной.

- Что? – не поняла я.

- Так парфюм называется, - пояснил он. – Боюсь показаться нескромным, но получилось охренительно.

- Пожалуй, - промямлила я, не отрывая глаз от фоток.

- Ирс, ну ты, конечно, мое эго в десны сейчас целуешь.

Он пренебрежительно фыркнул, пытаясь обидеться, но все же улыбался, принимая мой ступор за лучший комплимент мастеру.

Повернувшись к нему лицом, я встала на цыпочки, обняла Гошу за шею и потянула вниз, чтобы встретить его губы своими. Я вложила в поцелуй всю свою нежность, восхищение, страсть и... любовь.

- Уже лучше, - выдохнул Гоша, подхватывая меня и усаживая на стол. – Мечтал это сделать еще в день знакомства.

Я засмеялась, признаваясь:

- Это ужасно, но я тоже.

- Так и знал, что ты испорченная девчонка. Только прикидывалась фригидной пайнкой.

Я засмеялась громче, но потом Фенов закрыл мой рот поцелуем и тотчас стало не смешно.

Весь день и половину ночи мы занимались любовью на каждой поверхности его дома, под разными углами и с разной интенсивностью. Я думала, что не смогу ходить утром, но все обошлось. Даже успела принять душ. Даже вместе с Гошей.

Жаль, что не получилось улизнуть до возвращения Кати. Она была рада меня видеть в отличие от Анфисы Павловны, которая пыталась пристрелить взглядом. Слава богу, что мне

нужно было на работу, и я с чистым сердце удрала из Гошиного дома. И тут же стала мечтать, как бы скорее вернуться туда обратно.

Влюбиться в Гошу феникса было очень просто. Полюбить его дочь – еще проще. Если сначала боялась привязаться к ним, то теперь меня пугала возможность потерять этих двоих. Я проводила с Феновыми почти все свое свободное время. Мы ходили гулять в парк, смотрели мультики в кино, обедались вкусными гадостями. Гоша ворчал, что мы с Катей будем толстыми и некрасивыми, но сам потихоньку воровал чипсы из пакета и кусал от наших пончиков.

Катя всегда была рада мне. Искренне, по-детски. Она так крепко обнимала при встрече и на прощание, что у меня трещали кости и наворачивались слезы на глаза.

За несколько месяцев, что мы с Гошей встречались, я поняла, что он работает преимущественно дома. Выезды на сессии – это редкий случай. По большей части он зарабатывал отрисовкой логотипов, разработкой дизайна и сопутствующей рекламной продукции. Заказы у него были и мытные, и столичные. Очевидно, Фенов считался профи и был широко известен в узких кругах. Правда, он скучал по фотографии. Заказов высокого уровня у него было немного, а за свадьбы и фотосессии для простых смертных он брезговал братья. А вот меня снимал часто и охотно. Особенно голую. Особенно тайком. Сначала это пугало и раздражало, но со временем я привыкла. Все непристойные фото оставались в Гошиной частной коллекции на жестком диске. Он поклялся здоровьем дочери, что ничего никуда не копирует, я могу удалить кадры в любой момент. Я могла. Но не хотела.

Мне нравилось, что он помещан на мне. Нравилось вместе с ним потом просматривать фото, сидя у него на коленях, чувствуя, как он заводится, усугубляя возбуждение, ерзая попой по паху. Это был мой любимый способ довести Феникса до белого каления. После таких игрищ коллекция фоток пополнялась, а Гоша снова и снова шутил по поводу моей выдуманной фригидности, от которой на всякий случай нужно избавиться еще раз.

Папе про Гошу я так и не говорила. Боялась. Мы вроде как помирились. Я перестала дуться, он больше не устраивал допросов. Но каждый раз выходил за ворота, чтобы проводить меня взглядом до машины Гоши.

- Он у тебя бандит что ли? – как-то выдал батюшка за ужином.

- Нет, пап. С чего ты взял?

Я едва сдержала смех.

- Машина дорогая. И все эти тайны.

- Машина безопасная, - козырнула я аргументом, вспомнив Гошины рассказы о том, что он продал бмв купе, когда переезжал, и взял надежный вольво. – Он же не на гелендвагине.

- А кто же тогда? Чего ты его прячешь, Ирсен?

- Я не прячу.

- Прячешь. Пусть придет, поговорим, как люди.

- Никаких разговоров, па, - замотала я головой. – Во всяком случае, не сейчас.

- Когда? На свадьбе? – огрызнулся он.

- Об этом еще рано говорить. Как у тебя на работе? Подрядчик так и косячит?

Я намеренно закрыла тему. Мне все еще было страшно представить, как отецотреагирует на Гошу. Сколько себя помню, он не выносил мужчин с татуировками. Я как-то сама заикнулась, что хотела бы что-то маленькое и симпатичное, на что папа просто взбесился и сказал, что в его доме не будет такого беспредела, как дочь с татуировкой. Стара

закалка, видимо.

Не настолько сильно я хотела тату, чтобы идти на конфликт с отцом. Но сейчас вот его позиция меня очень и очень беспокоила. Особенно при том, как стремительно развивались мои отношения с Фениксом.

У Гоши тоже был свой раздражающий фактор. Нет, не родители. Они у него давно развелись, и мать перебралась жить в Москву, еще во время его учебы в столичном художественном училище. Отец вообще обитал в Крыму. Связь с сыном держали по скайпу, всецело ему доверяли и не особенно интересовались. Даже известия о Кате они приняли как что-то само собой разумеющееся. Ну а мое появление их вовсе не трогало.

А вот Анфиса Павловна регулярно и самозабвенно «парила мозг», как выражался сам Гошка. Она собиралась забрать Катю обратно, но Фенов не позволил. «Я зря что ли сюда перебрался, Ирс?» возмущался он, делясь со мной этой новостью, - «Она нормальная такая. Ребенок же не кукла – туда-сюда таскать. Да и не хочет Катька с ней жить».

Катя действительно не хотела. Она с удовольствием ходила к бабушке в гости, даже с ночевкой оставалась, но жить предпочитала с папой. Бабушку это, мягко говоря, не радовало. Ей было мало Кати. Она постоянно находила причины, чтобы придрататься к Гоше, вывести его из себя. Очень часто этой причиной была я. Мы редко пересекались с Анфисой, но каждый раз она смотрела на меня волком и выдавала что-нибудь обидное, не особенно стесняясь Кати или Гоши. Последний всегда вступался за меня, едва ли не начиная скандалить, но мне удавалось сгладить ситуацию. Во всяком случае, по факту. Что там у них было без меня – могу только догадываться. Скорее всего, ничего хорошего.

Гоше доставалось и за излишнюю занятость по работе и за неправильный садик, где Катю только балуют; за еду, которая неправильная; за няню, которая уж точно хуже бабушки, и опять за меня, гулящую девку, которая не стесняется пьяная вваливаться ночью домой к любовнику, где спит его маленькая дочь.

Вспыльчивому Фениксу тяжело давалось держать себя в руках. Я помогала, как могла, прося войти в ее положение. По сути, у Анфисы Павловны осталась только внучка. Трагедия с дочерью, наверно, так влияла. Мужа у нее, похоже, никогда и не была. Гоша соглашался, старался не спойть с ней, но время от времени выходил из себя.

Неприятно, но все это было частью его жизни, которую я смиренно принимала вместе с любовью, которая становилась с каждым днем все сильнее и ярче. Я не говорила ему. Он тоже молчал. Но иногда мне казалось, что и не нужны слова. Ведь есть поцелуи и объятия, даже просто взгляды, которые намного красноречивее и пронзительнее избитых слов. И поступки. Гоша доверял мне, заботился обо мне, уважал меня. Я не могла не выделять его из всех. Это лучшее, что со мной случилось за всю жизнь. Он и Катя.

Но все наше осторожное счастье покатило к черту, когда Фенов попросил меня об услуге.

- Детка, привет. Ты можешь меня спасти? – Гоша позвонил в мой выходной. Накануне он говорил, что у него тонна работы, и я уже собралась скучать, а тут – вызов на мобильном, еще и с такими вопросиками с ходу.

- Эээ, я бы хотела попробовать, но разве ты не безнадежно испорченный извращенец? Он вымученно рассмеялся.

- Да, это факт, но я не о своем моральном облике переживаю. Духовное разложение меня не особенно беспокоит.

Его уставший голос начал меня беспокоить. Мой Феникс обычно был на позитиве.

- А что же тогда?

- Надо Катюху забрать из сада и закупиться в магазине. Думал, сам успею, но запарился с макетом. Никак не могу разложить по выигрышным контрастам. Марину отпустил, ее нет в городе.

- А бабушка? – осторожно поинтересовалась я.

- Ну ее нахрен, - выплюнул Гоша. – И у нее тоже какие-то дела, кажется. Она хотела Катю взять, но отменила в последний момент. Спаси меня, Ирс. Сроки горят. Не могу бросить сейчас. Потом вообще не поймаю волну.

- Гошик, да мне не сложно, но я боюсь. Как Катя отреагирует?

- Ты шутишь? Возмутился он. – Она счастлива будет.

- Не знаю, Фен. Страшно мне.

- Брось, Ирс. Она уже большая барышня. Пописает сама, только штаны застегнуть. Если какать – вытереть влажной салфеткой.

Это как раз проблемой не было. По такой мелочи я часто ей помогала.

- Да это понятно, Гош. Первый раз что ли?

- Ну так и чего ты трусишь?

- Не знаю. Ответственность.

- Ирсен, у тебя на работе все то же самое.

- Нет, другое. Катюша, она же своя. Ты меня убьешь, если что...

- Не убью. Обещаю.

- Поклянись.

- Чтоб я сдох.

Я засмеялась.

- Ладно.

Как ему отказать? Особенно, если не хочется.

- Детка, я твой вечный должник.

- Почему же вечный? Когда там Катя к бабушке? Вот аккуратно и отработаешь.

Гоша заныл в трубку, но тут же собрался.

- Отработаю с процентами и с удовольствием, - бодро пообещал он. – Список продуктов тебе в вайбер кину. Денег через Сбер переведу. Такси возьми, не таскайся автобусами. Ужин приготовишь, ага?

- Гоша! – возмутилась я. – Про ужин уговора не было.

- С процентами, Ирс. Все верну с процентами. И вообще, я тебя вечно кормлю. Так что не капризничай. Надо платить бобром за бобров.

- Руки мне выворачиваешь, Феникс.

- Жизнь заставляет. Ей богу я не хотел. Постараюсь к восьми разобраться с делами. Не пускай ко мне Катюху, ладно? Мульты ей включи.

Я фыркнула. Не нужны Кате никакие мультики, если я у них дома. Мы вечно чем-то занимались вместе, и мне это очень нравилось.

- Разберемся, папочка. Работай спокойно, - отпустила я ему грехи.

- Обожаю тебя, красавица.

Он чмокнул в трубку.

- Эй, Гош, погоди. А мне Катю дадут вообще? Сейчас с этим строго.

- Дадут. Я позвонил уже, предупредил. Вообще, ты давно там в списке забирающих.

Я так и села.

- Какой ты засранец, Фенов.

- Такая жизнь, Ирсен. Такая жизнь. Я молодой одинокий отец. Нужно как-то выкручиваться. Все, лап, жду вас вечером. Ключи не потеряла?

- Нет, - огрызнулась я.

- Не ругайся. Целую, пока.

И он отбил звонок. Так и не дав мне сказать, что я обо всем этом думаю.

А думала я разное. От того, что Гоша расчетливый засранец, который пользуется моим добрым к нему и Кате отношением, до теплого польщения. Он ведь доверил мне ребенка, свой дом, даже закупку продуктов, что делал всегда и исключительно сам. Правда список, что пришёл в вайбер минуту спустя был очень подробным и с вариантами замен, кучей сносков. Пищевая корзина не допускала самостоятельности по мнению Гоши Фенова.

Я посмеялась и пошла собираться.

Прежде чем ехать за Катей, заглянула к Гоше, чтобы выгулять Бобса. Повезло, пес скучал и еще не успел нагадить. Он послушно сделал все свои дела, наигрался, стал проситься на ручки. Я завела его обратно, вызвала такси, поехала за Катей. Гоша даже не слышал, что я приходила. Сидел, как сыч в кабинете. Я бы и не поверила, что он дома, если бы не тихий бубнеж и щелчки мышки.

Катюшка встретила меня радостным визгом, а новости о магазине восприняла с великим энтузиазмом. Сто процентов собиралась развести меня на какую-нибудь вкусную вредную дрянь. Знает, что куплю. И даже отцу не сдаст. Хитрая мелкота.

Так и вышло. Я уговорилась на пончик и молочный ломтик. А домой взяла еще и мафинов. Гоша балдел от сладкого, хотя искренне уверял, что это вредно, противно и не соприкасается со здоровой пищей, культ которой был официально введен в их доме. Но днем он иногда мог себе позволить что-то за компанию. А вечером не мог отказаться только от чизкейка, из-за которого потом пахал в зале до седьмого пота. Иногда и на мне.

«А что? Секс – это отличное кардио. Ты же не хочешь, чтобы я стал жирным? Иди сюда», - заявлял он обычно, если позволял себя лишнее без присутствия в доме Кати.

Надо признаться, что я оставалась у них на ночь и с Катериной дома. Разок это даже кончилось тихим-тихим сексом среди ночи. Потому что Гоша проснулся и... никак не мог уснуть. Это ужасно, но мне понравилось ничуть не меньше нашего обычного землетрясения в двенадцать баллов. И то, что Катя утром притопала к нам в кровать, ничуть не смутило. Наоборот, было невероятно приятно щекотать ее, смешить, хохотать самой и подставлять щеки Гошиным поцелуем, млея от его: «Девчонки мои сладкие».

Затащив пакеты с едой домой, мы с Катей принялись решать, что будем готовить. Она настаивала, что необходимо напечь блинчиков, но я уверенно придерживалась плана с отбивными в кляре. В итоге мы сошли на картошке по-французски. Майонеза в Гошином доме не водилось, поэтому я решила импровизировать со сметаной. Катя честно пыталась помочь мне, но быстро заскучала. Я отправила ее поиграть вместе с Бобсом, который нервировал, крутясь под ногами, выпрашивая куски мяса.

Они послушно ушли, но уже через пять минут устроили такой шум с визгом и лаем, что точно отвлекли Гошу. Мне пришлось оперативно все заканчивать и занимать ребёнка тихими играми. Совсем недавно я притащила им дженгу из простых деревяшек, очень приятных на ощупь. Катя быстро уговорилась поиграть, мы увлеклись. Но на шум очередной рухнувшей башни все-таки выманили нашего занятого Феникса.

- Прости, - поспешила извиниться я.

- Фигня, - махнул рукой Гоша. – Я вроде как закончил. Не восторг, но пусть смотрят, потом поправлю, если что. Пойду с Годзиллой погуляю. Размяться надо.

- И я. И я с тобой, - запищала Катя, прыгая вместе с Бобсом от нетерпения.

- Пошлите все тогда, - решил Гоша и потащил на улицу и меня.

Через час мы вернулись, запыхавшиеся, веселые, зверски голодные. Едва Гоша открыл дверь, нас сбил с ног неповторимый аромат сгоревшего мяса.

- Духовка, - взвизгнула я и помчалась на кухню, выпрыгивая из ботинок по дороге.

Гоша и Катя появились там минутой позже, когда я уже собиралась разрыдаться, включала вытяжку и открывала окно, чтобы проветрить.

Фенов держал под мышкой Бобса с грязными лапами, выглядел очень серьезным почти сердитым.

- Продовольственный кризис? – приподнял он бровь.

Я тяжело вздохнула.

- Мы купили кексы, - брякнула ни к селу, ни к городу, словно это было оправданием моего разгильдяйства. Как можно было забыть о включенной духовке!

- Папа, а может..? - с безумной надеждой спросила Катя тоненьким голосом.

Гоша вздохнул тоже.

- Доставай.

- Ураааааа! – заорала девчонка не своим голосом.

Едва не сбив меня с ног, Катя умчалась из кухни. Только пятки сверкали.

- Куда она? – не поняла я.

- За брошюрками. Закажем пиццу.

Я захныкала от собственной никчемности, падая на табуретку.

- Гош, прости, я совсем закружилась, забыла. Как? Как это вышло! Я тебе чуть дом не сожгла, - запоздало сокрушалась.

- Ой, Ирс, ну ка прекращай, - скомандовал Фенов. – Глупости какие. Бывает. Не спалила же. А у Катюхи праздник. Она тебе век будет благодарна за такую услугу. Хватит, детка, не кисни.

Я не особенно прониклась его словами, продолжа кукситься, Тогда Гоша подsunул мне к лицу морду Бобса, которого так и держал в руках. Пес тут же облизал меня, заставляя зафыркать, засмеяться.

- Когда поженимся, готовить буду я, - бросил Гоша, словно меду прочим, и унес собаку в ванную мыть лапы.

Я наверно минуту стояла с противнем в руках, не веря своим ушам. Поженимся? Seriously? И не если, а когда. Как будто дело решенное. Пока решала, паниковать или упасть в обморок от счастья, примчалась Катя с рекламами пиццерии и Гошиным телефоном. Пришлось взять себя в руки, быстро выбросить сгоревший ужин и помочь ребёнку выбрать вкусовностей на заказ.

Гоша с Бобсом тоже нагрянули на кухню, чтобы участвовать в формировании заказа.

- Не куксись, Ирс, - ткнул он меня пальцем в бок, заставляя хихикнуть, а Кате грозно сказал, - А ты не радуйся так бессовестно, малява. Обижаешь отца. Неужели моя стряпня так ужасна, что пицца – это праздник?

Катя сделала задумчивые глаза, и Гоша замахал на нее руками.

- Нет, нет, не отвечай. Оставь меня в блаженном неведении.

Так, смеясь и подшучивая друг над другом, мы составили заказ, позвонили в доставку.

Гоша с обреченным видом уничтожил три кекса, а мы с Катей доблестно терпели, не желая портить аппетит. Благо перекусили пончиками в магазине.

Заиграл домофон, и Катя рванула к двери, приплясывая. Гоша опередил ее на секунду и тут же нахмурился, едва снял трубку.

- Это не еда, - мрачно оповестил он. – Бабушка.

- Бабушка, бабушка, бабушка, - запрыгала Катя, хлопая в ладоши.

А Гоша сник в момент. Я – тоже. Каждый раз, когда Анфиса Павловна заставляла меня дома у Феновых (а заглядывала без звонка в гости она частенько) мне становилось не по себе. Словно я делала что-то постыдное. Наверно и делала по ее мнению. Я же спала с Гошей. Очевидно, она осуждала нашу связь.

Я замерла в дверях кухни, издалека встречая гостя.

- Привет, красавица моя, - запела бабушка, заключая в объятия Катю. – А это к вам доставка? Что же папа тебя не кормит нормальной едой?

Гоша разбирался с курьером, потому не среагировал на этот вопрос моментальным поднятием игл. Катя сама всех сдала.

- Ирсен сожгла мясо, поэтому мы заказали пиццу. Тут был дым и пахло. Чуть квартиру не спалили, - бесхитростно вываливала Катя все что знала.

Анфиса одарила меня уничижительным взглядом.

- Здравствуйте, - еле слышно проямлила я.

- Здравствуй, - отрывисто бросила она, словно жабу сплюнула.

- Анфис Пална, что ж вы без звонка? Мы бы и на вас заказали, - Гоша тоже держался из последних сил.

- Ой, Игорьь, я такое безобразие не ем. Почему ты сам не готовил, как обычно?

- Работал.

- Ну, конечно. Нужно было сразу заказывать тогда. Зачем подружку напрягал? Только продукты извела. Хорошо, не убила никого и квартиру не сожгла.

Я сглотнула.

Бабушка продефилировала в гостиную, уселась на диван. Ей на колени тут же прыгнул Флинт. Откуда только вылез, мохнатый поторошитель.

- У вас дела были, Анфис Пална, - продолжал намекать Гоша.

- Отменились, дорогой. Катя, а это что у тебя?

Она указала на бруски дженги.

- Это Ирсен подарила. Игра. Давайте все вместе. Папа можно здесь поесть?

Гоша пожал плечами и разложил коробки с пиццей на журнальном столе. Мне стало максимально неуютно.

- Гошик, я наверно, домой поеду... - проговорила тихо.

Он взглянул на меня возмущенно, но опять не успел облечь эмоции в слова, потому что первой воспротивилась Катя.

- Нет! Ирсен, нет! Мы же играть хотели все вместе. И пиццу есть. Я хочу с тобоооооой! – она почти захныкала.

Я уже знала, что это не просто каприз. Катя вообще редко дурила на пустом месте. Ей действительно было важно. Я ее понимала. Мы собирались провести вечер вместе, а я буквально все рушила своим дезертирским настроением.

Гоша вообще ничего мне не сказал, но один его вид, взгляд, сжатые губы, брови, что сошлись на переносице, говорил о том, что он меня из дома не выпустит.

Дабы спрятаться от его гнева, присела на корточки, чтобы пикнуть Катю по носу.

- Ладно, я останусь. Просто мешать вам не хотела.

- Да ты не мешаешь. Давай, открывай рот.

И девчонка тут же затолкала в меня уголок пиццы. Это действительно был для нее праздник. Она попробовала все три вида, решила, что вкуснее без грибов заставила нас Гошей тоже дегустировать. Даже бабушке затолкала на пробу, хотя та отбивалась о победного.

Когда мы все объелись и откинулись на диван, Анфиса скомандовала:

- Катя, поела? Одевайся, поедем ко мне.

- Что? – не понял Гоша.

- Я же говорила, что заберу ее сегодня, - ответила ему бабушка, разглаживая складки на строгой юбке до колен.

Фенов, очевидно, не был в состоянии спорить. Он мельком взглянул на меня, и я прочитала его извращенские мысли. Конечно, он был не против остаться на ночь со мной без Кати и хорошо пошуметь. Ради этого можно было смириться и с бесцеремонным поведением Анфисы. Но дочь была иного мнения.

- Нет, я не хочу к тебе, - заявила Катя.

- Да как так, Катюша? – едва ли не с визгом возмутилась бабушка.

- Мы с Ирсен и папой хотели поиграть в дженгу. Это весело, оставайся с нами.

- Нет, спасибо.

Анфиса опустила на диван. Гоша пакостно ухмыльнулся, а Анфиса взглянула на него, как на двоечника с последней парты. Мне стало не по себе, но убежать больше не стала и пытаться. Катя не отпустит. И Гоша тоже. Он вообще будет сейчас из вредности раздражать мной Анфису. Такой уж, зараза.

Я старалась быть тихой и милой, но это не работало. Бабушка то и дело косилась на меня, тяжело вздыхая по поводу и без. Я бы на ее месте поехала домой. Время уже позднее. Чего она ждет?

Ответ на последний вопрос я получила, когда в сотый раз рухнула башня, Катя зевнула, а Гоша зыркнул на часы.

- Так, мелочь, спать! – скомандовал он традиционно.

- Я уложу тебя, Катенька, - отмерла Анфиса Павловна, которая последний час почти слилась с обивкой дивана.

- Нет, - проговорила Катя. – Пусть Ирсен.

Я обомлела. Гоша самодовольно хмыкнул. Мол, знай наших. Анфиса Павловна пригвоздила меня взглядом к стене и распяла. Наверно у меня лицо стало сначала белое, потом пунцовое. Во всяком случае, я чувствовала, как кровь то отливает, то приливает. От стыда? Чего мне стыдиться? Но все равно я залепетала, едва ворочая языком.

- Катюш, так бабушка только и ждала, чтобы тебя уложить, давай она...

- Нет! – упрямо и безапелляционно оборвала меня Катя. – Ты!

- Детка...

- Ирсен, пожалуйста, - она почти захныкала.

- Ирс, ну ребенок просит. Чего ты? – подыграл дочери Гоша, умышленно добивая тещу.

– Первый раз что ли? Она твои песенки обожает. Давай, давай.

Я взглянула на него хмуро, но Фенов игнорировал намек, невозмутимо вскинул брови, делая вид, что не понимает, в чем проблема. Что мне оставалось? Встала и поплелась вверх следом за Катей. Бобс по традиции семенил за нами.

Посетив ванную комнату, мы все втроем устроили на кровати. Катя и йорк лежат, а я присела на краешек.

- Про братьев? – уточнила я сегодняшней репертуар.

- Нет, - вдруг отказалась Катя. – Лучше почитай. Золушку.

- О, - я вздернула брови, но решила не спорить и послушно достала книжку, стала читать.

На самом начале Катя меня остановила.

- Ты станешь моей мачехой, когда папа на тебе женится?

Я едва не закашлялась.

- Не знаю, Кать, - ответила я честно. – Мы пока жениться не собираемся.

- А если соберетесь? Ты же не будешь надо мной издеваться?

- Конечно, нет, милая.

Я погладила ее по голове.

- Давай ты станешь моей мамой, а не мачехой. Так можно?

У меня ком встал в горле. Он всегда там был, когда я укладывала Катю. Никак не могла привыкнуть к ее трогательной доверчивости и такой горячей, неумемной потребности в любви.

- Могу пообещать, что я точно буду твоим другом, - наконец нашла я слова.

- А потом – мамой.

Стон, почти всхлип, вырвался из моего рта.

- Может быть. Поживем увидим, - почти прохрипела я. – Читаете дальше?

- Да.

Катя улеглась и прикрыла глаза, слушая сказку с блаженной улыбкой.

- Папа лучше принца, - пробормотала он в конце. – Вы тоже будете жить долго и счастливо.

- Я бы не отказалась, - поддержала я детскую уверенность, погладила малышку по голове.

Через пару минут ее дыхание стало ровным, веки не жмурились, а расслабленно прикрывали глаза. И лишь на губах осталась улыбка безмятежных, сладких снов. Не

удержавшись, я поцеловала Катю в щеку, укрыла одеялом плечико, встала. Бобс поднял голову, провожая меня сонными глазами.

- Охраняй, Годзилла, - велела я ему шепотом и вышла из спальни.

Уже на лестнице я услышала, Гошу. Он цедил слова, видимо, пытаюсь не повышать голос.

- При всем моем уважении, Анфиса Павловна, вы охренеть как перегибаете сейчас. Это вот ни разу не ваше дело.

«Уходи, уходи», - тут же зашептала мне интуиция. – «Просто уходи. Тебе нельзя это слушать».

Но я спустилась и продолжала стоять в гостиной, слушая, как они ругаются на кухне.

- Это мое дело, Игорь. Потому что твоя профурсетка проводит слишком много времени с Катей. А она, на минуточку, моя внучка.

- Ирсен моя девушка, а не профурсетка. Имейте уважение!

- С какой стати я буду уважать девку, которая пьяная таскается по ночам с мужиком, а потом еще и вваливается к нему домой.

-Анфиса Пална!

- Это пять не мое дело? То, что вы бы делали с Катей за стеной – это снова не мое дело? Вот уж сомневаюсь, Игорь.

- Я не обязан перед вами отчитываться.

- Правда? Я отдала тебе ребенка, доверила.

- Я ее отец, вашу мать! – все-таки вскипел Феникс. – Не чужой дядька.

- Отец? Хах, как неожиданно ты об этом вспомнил.

- Ага. А как вы внезапно вспомнили, когда деньги понадобились? Не надо тут корчить из себя мать Терезу.

- Игорь!

- Меня Гоша зовут. Прекращайте!

- Это ты прекращай. Прекращай приводить в дом эту девку, иначе тебе придется отчитываться не передо мной, а например, перед органами опеки...

- Что? Вы в своем уме?

- В своем, Игорь. Как отдала тебе Катю, так и заберу.

- Да вы что?! Тогда придется судиться. Я ведь оформил отцовство, хотя вы меня уверяли, что это лишнее. Мы же семья, - Гоша издевательски захохотал.

- Семья, Игорь. Но я в нашей семье не желаю твоих подружек, и Кате не позволю общаться с этой твоей... Как ее?

- Ирсен. Ее зовут Ирсен.

- Еще и не русская. Запомни, дорогой, я суда не боюсь. Думаю, любой судья будет на стороне любящей бабушки, а не разрисованного наркомана-папашки, который таскает в дом шлюх, а сам вечно занят и спихивает ребенка на няню.

- Да я... - снова начал Гоша, но Анфиса его тут же перебила. – И деньгами своими не козырай. Мне тетка квартиру оставила. Я ее сдавать могу – это доход и средства на ребенка.

Я не удержалась и громко ойкнула. Прижала ладонь ко рту, но поздно. Они оба меня услышали. Гоша вышел в гостиную.

- Я домой поеду, - тут же затараторила, доставая телефон. – Поздно. Мне надо. Работа завтра.

- У тебя выходной, Ирс! – напомнил Гоша, хватая меня за руки, останавливая. – Детка...

Я замотала головой, вырываясь, поднесла трубку к уху.

- Да, девушка, такси, пожалуйста. Поеду куда?

Я назвала адрес и сама уже надевала сапоги, спеша вырваться из дома, где все рушила одним своим существованием.

- Ирсен, малыш, прекрати. Что ты слышала? - потребовал ответа Гоша, стискивая мои плечи.

- Слышала? А что я должна была слышать? Ничего. Все хорошо. Просто уже поздно. Давай созвонимся, ага?

Я даже смогла чмокнуть его в щеку и вырвалась, убегая. Обернувшись, увидела, как меня провожает триумфальным взглядом Анфиса Павловна. Уже в лифте я пожалела, что ушла. Пока ждала такси у подъезда, хотела, чтобы Гошка спустился и загнал меня обратно. А по дороге домой, в прокуренной машине и под радио «Шансон» я тихо плакала, потому что все рухнуло в один момент. У меня не было сил сопротивляться этому. Но сильнее ранило то, что у Гоши, кажется, их не было тоже.

Весь следующий день я ждала, что Гоша позвонит, и одновременно безумно этого боялась. Еще и отец действовал на нервы:

- Поругались что ли? – он сразу почувствовал мое подавленное настроение.

- С чего ты взял? – я старалась не огрызаться, но все равно вышло не дружелюбно, с каким-то подростковым вызовом.

- Дома сидишь в выходной, а то все у него пропадала.

Я ничего не ответила по сути, только промычала невразумительно.

Гоша не звонил, не писал. Я хотела сама, но скидывала вызов раз сто. Трусиха. И он, кажется, тоже не слишком рвался в бой с тещей. Она ведь угрожала ему опекой. У меня в голове не укладывалось, как так можно. Отдать ребенка отцу, а едва они друг к другу привыкли, забрать. Это же не игрушка, а ребенок. Причем ребенок, который изначально растет в ненормальных условиях. Без мамы, без той огромной любви, которую Катя не просто заслуживает, она имеет полное право. Она просто не может быть нелюбимой. И Гоша, честное слово, старался изо всех сил. Я видела, я чувствовала это. И Катя, уверена, тоже.

Мне вспомнилось, как Феникс говорил, у Анфисы Павловны педагогическое образование, она учитель русского и литературы. Я еще тогда поняла, почему Катя так чисто и правильно говорит. Видимо бабушка с ней много занималась, разговаривала. Только вот теперь она совсем непедagogично действовала. Не в интересах ребенка, а скорее ведомая ревностью и какими-то ханжескими представлениями о жизни. Хотя... Мой батюшка точно так же бы счел Гошу наркоманом и бездельником. Но ведь Анфиса знала Фенова. Или мирилась с его колоритной внешностью ради денег, а потом собственного удобства. Мило. Ничего не скажешь.

Два дня я мучилась этими мыслями, но все же решилась позвонить.

- Привет. Все в порядке? Ты не звонишь, - проговорила я в трубку.

- Да, малыш. Все хорошо. Дел по горло. Работа.

Я знала, что он врет. По голосу было понятно. Никакая работа Гоше не мешала забирать меня после смены или из дома, чтобы провести вечер вместе.

И он знал, что я знаю, что он врет. Уж слишком много вины и нарочитой небрежности в интонациях. Но мы оба сделали вид, что все нормально.

Я не звонила ему неделю. Он тоже молчал. Эти дни тянулись невыносимо долго. Я

истерзала телефон, мысленно заставляя его звонить. Иногда он даже слушался, но это были девчонки или однокурсники. А потом позвонила она. Анфиса Павловна. С Гошиного номера.

Я сначала обрадовалась, но сняв трубку, услышала ее голос, тут же узнала ледяной менторский тон.

- Ирина, добрый вечер. Это Анфиса Павловна. Бабушка Кати.

- Я вас узнала, - откликнулась я тихо, словно двоечница на разборе полетов у учителя.

Почему-то покорило, что она назвала меня Ириной. Это Гоша разбаловал, уверяя, что я исключительная, особенная. Раньше такие ошибки не волновали. Пока я считала себя заурядной.

- Тем лучше, - продолжала Анфиса. – Думаю, ты понимаешь, что зря влезла в эту семью.

Очень хотелось сказать, что никуда я не лезла, меня пригласили, чуть ли не насильно втянули, но перечить этой женщине было выше моих сил. Я продолжала молчать и слушать, а она этим изо всех сил пользовалась.

- У Игоря с Катей все так хорошо сложилось, а ты только портишь, Ира. Пойми, девочке нужен отец, а ты его забираешь у нее.

В этот абсурдный момент у меня прорезался голос:

- Нет, я...

- Не перебивай, - оборвала она мои протесты. – Я не для того отдала внучку этому бестолковому. Как отдала, так и заберу. И виновата будешь именно ты. Так что сделай правильные выводы, дорогая моя. Надеюсь, ты меня услышала и поняла. Чтобы ноги твоей не было в доме Игоря. Не навязывайся. Имей гордость. Он выбрал дочь, а не тебя. Слава богу, хоть на это мозгов хватило.

Она положила трубку.

Я редела весь вечер и половину ночи. Даже папа услышал, даже зашел без стука и стал утешать, но я лишь отталкивала его и просила уйти, не трогать. Он уходил, а через полчаса возвращался. И так много раз. Когда я успокоилась и пообещала больше не реветь, он попытался выведать, в чем дело. Я только и твердила, что нервы, сессия. Неубедительно врала. Но он сделал вид, что мне поверил.

А сессия на самом деле меня немного отвлекла. Учеба всегда помогала и успокаивала. Гоша не звонил, и я тоже не навязывалась. Убедила себя, что все делаю правильно. Закончить универ, пойти поработать в школу, набраться опыта, возможно, давать частные уроки, а потом создать свою группу для малышей. Возможно на базе детского центра, а может и сама. Аренда класса – не так дорого, главное увлечь людей, собрать человек десять для занятий.

Но даже эти перспективы и путь к ним не радовали. Не хотела я делать свою мечту былью. Я хотела к Гоше и Кате. Казалось, теперь мое счастье не в работе, а рядом с ними. Печально, но их счастье как раз отдельно от меня. Нужно было с этим смириться. Я старалась, но не получалось.

Спустя две недели после злополучного подслушанного разговора я сидела дома, готовилась к последнему экзамену. Прозвучал звонок. Отец был на работе, и я никого не ждала.

- Гоша? – проговорила я в динамик домофона, увидев Фенова на дисплее.

- Привет, Ирс. Впустишь? Дело есть.

Наверно не стоило открывать, но когда я слушала разум, если дело касалось Гоши

Фенова? Палец сам нажал кнопку, и замок отозвался щелчком, а через минуту Гошка уже стоял на пороге. Я сразу заметила подглазины и взъерошенные волосы, общий помятый, какой-то уставший вид. Словно все эти дни он скитался по неведомым землям, а потом еще и сражался с драконом трое суток. И не сказать, что победил.

- Что ты хотел?

Он помолчал, а потом потянулся ко мне, словно хотел погладить по щеке или просто коснуться лица пальцами. Но одернул руку, замотал головой, стряхивая с волос снежинки, словно хотел избавиться от наваждения. Гоша зажмурился, взглянул на меня какими-то безумными глазами. Словно решил на что-то. И выпалил:

- Мы должны пожениться.

- Что? – я ушам своим не поверила.

- Нам нужно пожениться, Ирсен. Это поможет.

- Поможет?

Меня начало подташнивать.

- Да, так Анфиса лишится всех козырей. Суд всегда на стороне полной семьи.

- Фенов, что ты несешь?

- Ты же слышала, как она мне угрожала, - отчаянно воскликнул Гоша. – Я не могу ей Катю отдать, понимаешь? Помоги мне, Ирсен.

- Гош, ты все это время придумывал, как сохранить опеку над Катей?

- Что-то вроде того... - выдал он, не слыша сарказма в моем вопросе. – Так ты согласна, малышка?

Он протянул руки и шагнул ко мне. Я поспешила отпрыгнуть назад.

- Я? Согласна? – меня застряло от истеричного смеха. – Охренеть, Гош, это самое невероятное предложение руки и сердца. Просто супер. А контракт подготовил? Мало ли...

- Ирсен... - позвал он, запуская руки в свои волосы, словно собирался их выдрать. Но меня не разжалобил даже этот жест отчаяния. Я разозлилась. Жутко. Мы не виделись сто лет, а он даже не пытается сделать вид, что хочет жениться на мне не только ради Кати.

- Не приближайся Гош, - выкрикнула я, зная, что одно его касание, и... я соглашусь на все. Необходимо хоть кому-то мыслить трезво. – Анфиса оставит тебя в покое, если мы просто разойдемся. Мы ведь уже это сделали. Разве нет?

- Нет. НЕТ! – заорал он. – С чего ты взяла?

- С того, что мы не виделись, не общались.

Он зажмурился.

- Детка, я скучаю. Катюшка скучает.

Я не сдержала всхлипа.

- Не надо, Гош. Вам и без меня было хорошо.

- Было, - подтвердил он. - А теперь вот паршиво без тебя. Обоим. Ирс, я... Я дебил, знаю. Но я не хочу ее терять. Не могу. Вся моя жизнь вокруг нее, понимаешь? Она – моя жизнь.

- Понимаю, Гошик. - Сердце щемило, и лед таял от того, как пронзительно звучали его слова. – Пусть так и будет. Это ведь хорошо.

Я говорила спокойно, но слезы так и бежали по щекам.

- Ты тоже, Ирсен, - проговорил Феникс, настигая меня, заключая в объятия. Словно тигр поймал жертву. Проклятый Тигр на его плече, который разорвет за своих. – Ты тоже моя, детка. Я не могу без тебя. Я думал, но... Не могу, слышишь?

У меня не было сил вырваться. Я плакала у него на груди, вцепившись в борта

расстёгнутой парки поливая слезами тонкий свитер.

- Не надо, Гош. Оно того не стоит.

- Надо, детка. Просто выход за меня, и все будет хорошо.

Это предложение звучало так нелепо и... больно. Словно тысяча игл вонзились в сердце. Наговорив столько горячих, приятных слов, Гоша снова все перечеркнул этим расчетом.

- Нет, - твердо ответила я, отстраняясь, вытирая слезы.

- Ирсен...

Он увидел в моих глазах нерушимую уверенность.

- Уходи, Гош.

Он сжал губы и выпалил:

- Если не ради меня, то ради Кати.

Я горько усмехнулась.

- Последний козырь, да? Используешь ребенка. Некрасиво. Именно ради Кати я не собираюсь больше с тобой ничего обсуждать. Она заслуживает настоящую семью, а не суррогатный фейк, который ты из нас пытаешься сейчас сляпать.

- Я не... - начал он, но осекся.

- Уходи, Феникс, - повторила я в очередной раз. - Нам не стоит больше видеться.

Гоша смерил меня взглядом. Сначала мне показалось, что он сейчас скажет что-то обидное, но огонек гнева в глазах затух так же быстро, как вспыхнул. Он покивал, словно соглашался со всем, что я сказала, развернулся и вышел за дверь.

Я тут же вцепилась в ручку. Безумно хотелось дернуть на себя и мчаться за ним, просить вернуться, сказать, что передумала. Пусть женится ради Кати, хоть ради всех чертей и демонов ада, но лишь бы не уходил. Но разум велел стоять на месте. Слезы снова потекли по щекам. Я так и стояла у двери, прижавшись к ней лбом, пока не услышала, как откроются ворота гаража. Папа вернулся с работы.

Только тогда я отпустила ручку и на ватных ногах поплелась к себе. Как зомби открыла учебник и стала читать. Буквы даже складывались в слова, но смысл до меня не доходил. Отец не беспокоил, зная, что я легко отвлекаюсь.

Промаявшись до ночи, я так и легла спать, ничего не выучив, ничего не чувствуя. Пустота в голове и в сердце. Утром каким-то чудом мозг заработал. Я сдала экзамен на пять. А вот сердце завести заново не удалось. Щемящая пустота не желала отпустить так легко.

Сдав сессию, я собиралась взять лишнюю недельку отпуска на работе. Хотелось банально побездельничать, сходить с девчонками в клуб, отдохнуть, расслабиться. Всегда так делала. Но не в этот раз. Каждая праздная минута – это мысли о Гоше. Я устала от перманентной боли, которой кровило мое разбитое сердце, устала скучать, устала надеяться на что-то. Дети держат в тонусе. С ними нельзя отвлекаться на свои глупые взрослые проблемы. Именно поэтому я вышла работать сразу после экзаменов.

Помогло прекрасно. Хотя я все равно не могла забыть Гошу. Он мерещился мне в каждом высоком, плечистом мужчине, а Катю я видела в каждой светловолосой девчушке, что играла под моим присмотром. Но это пройдет. Говорят, время лечит. Оклемаюсь я от других мужчин, переживу и этого.

Плохо было то, что я не хотела забывать. Мое тело, разбуженное его ласками, поцелуями теперь остро нуждалось в потрясающем горячем сексе с Фениксом. Я хотела гореть вместе с ним и возрождаться. Но в действительности просто тлела, стараясь не замерзнуть до смерти. Зима была не только за окном, но и в моей душе.

Отец, конечно, снова все понял, снова пытался расспросить. Я молчала, как партизан, и как стахановец брала у девчонок все смены для подработки, а дома готовила, убирала, даже затеяла перестановку в своей комнате, чтобы освежить интерьер. И в клуб ходила, и даже почти повеселилась. Помогла текила.

В общем, я отрывалась, как могла и по всем фронтам. Правда оказалось, что прошла всего неделя после нашего с Гошей разговора. НЕДЕЛЯ! Черт подери, а меня как будто вечность уже разрывает от тоски и желания примчаться к нему, наплевав на обиды и сложности. Но... Нельзя. Нам просто нельзя быть вместе.

В очередной раз заставив себя не думать, не надеяться и не мечтать, я встала, затулила волосы в хвост, замазала тоналкой веснушки и пошла на работу.

Слава богу, сегодня мне сдавали преимущественно мальчишек. Лишь одна девочка играла в домике и варила что-то на игрушечной плите. У нее были темные волосы, но я все равно отождествляла ее с Катей. Тоже тихая и увлекающаяся. Не то, что сорванцы на горках и батуте.

Окунувшись в печальные воспоминания, я не могла избавиться от навязчивой идеи, постоянно представляла, как без меня Катя. Мы ведь подружились. Хорошо бы она забыла скорее. У детей с этим проще. Наверно.

Глядя стеклянными глазами на детей, я думала о своем, когда кто-то коснулся моих волос. Я тут же вскочила. Что еще за дела. Обернулась и... едва не разрыдалась.

Гоша. Конечно, это был Феникс. Кто еще маниакально ненавидит мои собранные резинкой волосы.

- Я запретил тебе зализываться, - напомнил он, словно мы вчера расстались. Фенов оценил мое лицо, сдвинул брови. – И уродовать кожу тоном тоже.

- Правда. А ты кто такой? – дерзко выпалила я, вскипая моментально от его самоуверенности.

- Ирс, я извиниться пришел.

Я фыркнула.

- Мне не нужны твои извинения, Гош. Я вообще работаю. Не заметил?

- Заметил, - кивнул он. – Их четверо всего. Поговори со мной, детка.

- Нет, - отрезала я. – Не о чем нам разговаривать, Фенов.

Я собиралась отойти от входа и сесть, но он прихватил меня за руку.

- Ирсен.

- Гоша, хватит! Мы все решили. Так будет лучше для всех.

Я задергалась, пытаюсь избавиться от его хватки, но какое там. Гоша держал крепко.

- Лучше? Для всех? Серьезно? Какого же хрена мне так паршиво без тебя? - он повысил голос.

Я зашикала.

- Не ори. Дети же.

- Дети заняты. А моя вот, между прочим, по тебе скучает.

Он бил по самому больному.

- Уходи, пожалуйста, - взмолилась я, почти задыхаясь от одного его присутствия рядом и умирая от слов, что он говорил.

- Ирсен...

- Гош, охрану позову.

Потому что это невыносимо просто.

- Ирс...

- Я не шучу! Костя, - окрикнула я парня из охраны соседнего супермаркета.

- Чего, Ир? – моментально откликнулся тот и смерил Гошу презрительным взглядом. – Проблемы?

Фенов отпустил меня, поджал губы.

- Нет проблем, - процедил он.

- Вот и прекрасно.

Я кивнула Костику, мол, все в порядке теперь. Он ушел обратно ко входу в супермаркет, но поглядывал на нас.

- Я дождусь конца твоей смены, и мы поговорим, пообещал Гоша.

Он отошел от детской зоны и присел неподалеку на одну из лавок в холле. Я едва не заныла вслух. Что за упертый баран.

Но Гоша не утерпел. Я закрутилась с детьми и родителями и не заметила, как лавка опустела. Ушел? Серьезно? Нужно было радоваться, но никак не получалось.

Никуда Фенов не ушел. У меня волосы во всех местах зашевелились, когда я услышала его голос:

- Эй, пацан, можешь сказать той девушке, что я дурак.

Я резко обернулась и увидела, как Гоша, перегнувшись через сетчатое ограждение, разговаривает с мальчишкой лет шести. Ярослав, кажется. Ушлый ребенок тут же уточнил:

- А что мне за это будет?

- Конфета. Фак, нет конфет. Денег дам. Полтинник.

Мальчишка пренебрежительно фыркнул.

- Даже стольника мало.

Я поспешила к этим двум дельцам.

- Ярик, иди попрыгай на батуте, дорогой, - поспешила я отправить мальчика.

Но он с места не сдвинулся.

Ладно. Но Гошу точно надо послать.

- Фенов, - начала я цедить сквозь зубы. – Ты в своем уме? Сейчас всем везде мерещатся

педофилы, а ты сманиваешь парня конфетами и деньгами. Проблем хочешь? Тебе своих мало? Уйди уже!

- Не могу, малышка. Я ведь пытался, но не могу.

Он выглядел таким несчастным и жалким. Здоровый мужик в татуажах, говорил сейчас словно маленький мальчик. Похоже, все мужчины как дети.

Ярослав хмыкнул:

- Малышка, - повторил он, явно дразня меня.

- Ярик, - обратилась я к нему строже.

Пацан только замотал головой и присел на маленький стульчик, глаза на нас с Гошей, словно в театре.

Некоторых детей так и тянет треснуть. Хотя это ни разу не педагогично и я вообще против рукоприкладства. Категорически, да-да.

Гошу зритель ни капли не смущал. Похоже, Феникс уже кипел от желания все мне высказать и его не волновало, кто это услышит.

- Ирсен, прости. Я осел, знаю. Приперся к тебе с этим предложением дурацким. Как будто только в Кате дело. Я ведь никому больше такого не могу предложить, понимаешь?

- О, да я должна быть польщенной, наверно. Но что-то никак не выходит, Гош, - начала заводится я.

На наши разборки пришел посмотреть еще один мальчик. Он так же непосредственно присел рядом с Яриком.

Я хотела всех разогнать, но Гоша снова заговорил, не позволяя и слова вставить.

- Слушай, ну а что в этом ужасного? Я не урод, у нас все хорошо было. Во всех смыслах.

Пацаны подвигали бровями, словно понимали, о каких смыслах говорит Гоша. Возможно, Яр и понимал. Дети сейчас продвинутые.

- Гош, пожалуйста, - взмолилась я, - не надо здесь.

- Ты же не будешь со мной разговаривать. А от них не сбежишь. Так что не буду я ждать, Ир. Да, я маху дал с этой женитьбой, но только потому, что перепугался до усеру.

- Гоша! - рявкнула я, но ему как всегда было пофиг. Не матом же. - Не могу я тебя потерять, Ир. И Катю - тоже. Я правда думаю, что нам нужно пожениться, это же выход. Но если ты не готова и вообще. Я понимаю, правда. Придумаем что-то еще. Только вернись к нам, детка.

- Я просто хотела, чтобы... Чтобы была другая причина. Это эгоистично и глупо, но я не хочу выходить за тебя только ради Кати. Прости, это совсем неправильно, я считаю.

- Ради Кати? - повторил Гоша. - А ради меня?

- При чем тут ты?

К нам подошла еще одна девочка. А потом и последний парень, который совсем заскучал один в бассейне с шариками. Но теперь уже и мне было все равно.

- Я иду в комплекте с Катей.

- Это не то же самое.

- А что тебе еще нужно, детка?

- Гоша, - я почти ревела. - Да я же не из-за твоего тонкого расчета злилась. Я...

- Возвращайся ко мне, малыш. Пожалуйста. Я скучаю, Катюшка скучает, - продолжал уговаривать Фенов, но я хотела услышать совсем не это.

Я открыла рот, но не решилась сказать правду, просто покачала головой и уже собиралась сказать, что ничего, тут вмешался Ярослав.

- Скажи, что любишь ее, дурак, - очень по-взрослому выдал он. – Мой батя всегда так делает, когда с мамой спорит. Все равно ей ничего не докажешь, а так она сразу простит.

- Да, маму нужно любить, - поддержала девочка из зрительного зала. – Мальчишки ничего не понимают. Даже взрослые.

Фенов захохотал, а я залилась краской от смущения, потому что мелкота оказалась намного прозорливей.

- Горох дело говорит, - отсмеявшись выдал Гоша. – Я люблю тебя детка. Неужели, ты этого не понимаешь? Будь ты хоть сто миллионов раз удобной и хорошей для Кати, я бы не стал предлагать тебе то, что предложил. Я сам тебя хочу сделать своей. До безумия просто. Но и пугать боялся. Вот и налепил какой-то херни. Прости, Ирсен. Я люблю тебя, милая. Правда, люблю. Наверно, поэтому все так самозабвенно порчу.

- Молоток, - резюмировала девочка.

- Не, реально тупо признался.

Дети устроили совещание по этому вопросу, не стесняясь нашего присутствия. Я не сдержалась и размазывала слезы по щекам, а Гоша висел на ограждении, словно хулиган, которому нет хода в соседский сад с клубникой.

Меня окрикнули от входа. Это за Яриком пришла мама.

- Пошли, дорогой, - взяла я мальчика за руку.

Он было заныл, но мама пообещала накормить его мороженым, и парень смирился. А я едва не рыдала, пока они рассчитывались и возвращали ключ от шкафчика. Остальные дети уже снова разбрелись по игровой, а Гоша опять вырос позади меня.

- Ирсен, - позвал он, когда мама увела Ярослава.

Я шмыгнула носом, взглянула на него.

- Да. Я тоже тебя люблю, Гош.

Его лицо озарилось триумфальной улыбкой. Этого мне показалось мало, и я продолжила.

- И Катюшку люблю. Скучаю по вам безумно. Но жениться – это неправильно. Правда. Нам лучше не видеться.

- Нет! – выпалил он.

- Но Анфиса Павловна...

- Пусть катится к черту. Кишка у нее тонка на меня в суд подавать.

- Но... - опять возразила я и... тут же замолчала, потому что Гоша поцеловал меня.

Это был быстрый поцелуй. Не из тех сладких и чувственных, которые он обычно мне дарил. Но и обстоятельства не располагали к повышенной страсти.

- Ничего не говори, Ирс. Ты все уж сказала. Давай я заберу тебя после работы... - он тут же сам осекся. Эх, блин, не заберу. У меня съемка до вечера.

- Давай я позвоню тебе вечером, - предложила я, боясь, что он сейчас просто прикует к себе и не отпустит. Волнительная перспектива, но мне не хотелось пороть горячку.

Он смотрел на меня так серьезно и долго. Видно было, что борется с желанием сейчас же утащить отсюда, чтобы навестывать упущенное. Но здравый смысл победил.

- Ладно, - согласился Гоша. – Завтра выходной?

- Завтра выходной, - подтвердила я.

- Завтра ты с нами. Днем со мной.

- Посмотрим, - проговорила я еле слышно, но уже мысленно согласилась. – дай мне немного времени подумать. Пожалуйста, Гош.

- И думать нечего, - опять заупрявился он. – Но если тебя эта ночь спасет, то меня скорее доконает.

Я тихо засмеялась. В этот момент к комнате подошли новые желающие поиграть, и мне пришлось вернуться к работе.

- До созвона, - бросил Гоша, поняв, что пора оставить меня. – Очень жду.

Я проводила его взглядом и принялась записывать нового посетителя комнаты.

Ближе к концу смены я снова начала впадать в депрессию и жалеть, что раскрылась перед Феновым, а потом еще и уступила ему, снова поверив, что у нас моет получиться. Гоша, словно почувствовал, позвонил, едва моя смена закончилась.

- Я же забыл сказать, малыш. Проверь баланс на карте. Тебе должны были упасть деньги за фотографии. И у меня есть финальный вариант. Очень круто вышло. Приезжай, посмотрим вместе.

- Ты за этим и приходил? – догадалась я.

- Угу, - покаялся Гоша. – Но едва тебя увидел, память отшибло.

- Мог бы позвонить, тогда бы не пострадала твоя память, - развеселилась я, лечась его голосом от тоски и неуверенности.

- Мог бы, - согласился Гоша, - но меня больше устраивает то, что случилось вследствие амнезии.

Я засмеялась в трубку. Он тоже хмыкнул.

- Люблю тебя, Ирс .Пошел работать.

- И я тебя, - выдохнула в ответ, поражаясь, как приятно и просто говорить ему это.

Отбив звонок, я стала всматриваться в номера автобусов, чтобы поехать домой. Хотелось прийти, поесть, позвонить Гоше ближе к ночи и лечь спать, чтобы завтрашний день пришел быстрее. Но моим мечтам не суждено было сбыться.

Едва я подошла к дому, сразу почувствовала, что-то не так. Свет горел на кухне. Обычно папа обитает в гостиной, даже ест там. Дом встретил меня звенящей тишиной, что еще раз подтверждало опасения.

- Пап, - позвала я, а у самой сердце застучало.

Он у меня не старый и крепкий, не считая язвы, но всякое может быть.

Ответом мне снова была тишина. Не раздеваясь, едва живая от страха я прошла в кухню, уже готовая увидеть отца на полу, без сознания, вспоминая, как позвонить с мобильного в скорую.

Но мой молчаливый отец сидел за столом, спиной ко мне, и крутил стопку с водкой. Бутылка стояла рядом.

- Боже, как ты меня перепугал, - проговорила я тихо. – Па, ну разве так можно? Почему не отвечал?

Он развернулся и мазнул по мне взглядом, а потом опрокинул водку в горло.

- Пап, - позвала я опять. – Ты хоть ел? Чего за повод для выпивки в одиночестве?

Он встал из-за стола, и я увидела, что на нем лежат фотографии. Мои. И Гошины. Наши.

- Боже мой, - выдохнула я. – Что? Откуда это?

Отец усмехнулся недобро.

- Да, мне тоже хотелось бы знать. Откуда у тебя, Ирсен, такие фотографии. Никак дружок-наркоман развел?

Я лихорадочно стала собирать снимки. Они в принципе были не особенно откровенные. Гоша всегда снимал так, что в кадре не было видно груди или лобка, но его фото всегда были интимными, очень личными. И да, чаще всего, я была на них голой.

Кровь прилила к голове. Наверно, я пылала, как светофор, пока хватала фотографии со стола. Они красивые. Мы на них красивые, но не для моего отца, конечно. Он был в шоке от увиденного.

- Я думал, ты с бандитом связалась, а оказывается, все еще хуже. Ирсен, как ты могла? Он же может выложить это в интернет. Хоть сейчас. Не говоря уже о том, что будет после того, как вы разбежитесь.

- Ты не должен был смотреть, па – прохрипела я, почти плача. – Это личное.

- Твое личное легко стало общественным. Или тебе плевать? Тоже села на какую-то дурь вместе с этим..? М?

- Ты бредишь, пап.

- Ах, это я брежу? Покажи руки! – потребовал он, срываясь а крик.

Я не собиралась ничего ему показывать и пошла к себе, прижимая к груди охапку фоток. Но отец преградил мне путь и дернул за руки, заставляя отпустить драгоценную ношу. Фотографии рассыпались. Отец бесцеремонно задрал рукава моего свитера, чтобы посмотреть на вены.

Я не выдержала и сквозь рыдания закричала:

- Что ты ищешь? Следы от уколов? Так сейчас много другого дерьма, которое можно пить, вдыхать, втирать, глотать таблетками.

- Какая ты осведомлённая, - огрызнулся он, отпуская.

- Откуда у тебя фотографии?! – потребовала я ответа.

- От его тещи.

- Господи, - я закрыла лицо руками.

- Она сказала, что ты мешаешь ему общаться с дочерью, не стыдишься спать с ним, когда ребенок за стеной. Ирсен! Разве так можно? Это же...

- Не надо меня стыдить, пап. Я не делала ничего плохого. Seriously, ты готов думать обо мне всякие гадость только потому что эта старая стерва принесла тебе фото? А ты спросил, откуда она их взяла?

- Сказала, что висели на стене. Он бессовестный и тебя такой сделал. Хоть бы ребенка постеснялись.

Я задохнулась от возмущения. Да у Гоши в кабинете висели мои фотографии. Те, что он делал в студии, крупный план, портрет, без намека на ню, а остальное в распечатанном варианте не видела даже я. Похоже хранил где-то в столе или в комнате. Представив, как Анфиса рылась в его вещах, я едва сдержала тошноту. И эта женщина считает меня бессовестной гулящей девкой!

- Вообще, что я хочу от наркомана, расписанного под хохлому, - не унимался отец. - Бестолковый дебил. Где твои мозги, дочка? Мало было одного придурка, ты нашла совсем конченного. Он судимый ведь, сто процентов! Ты хоть понимаешь..?

- Хватит, пап. Ты не знаешь его. Понятия не имеешь, какой он. Разве можно судить о человеке, если даже не знаком?

- Мне еще знакомиться с ним не хватало!

Я призвала на помощь остатки здравого смысла и терпения.

- Гоша, он замечательный, правда. Ты сразу поймешь, если...

- Никаких если, Ирсен. Ноги этого клоуна не будет в моем доме. И тебе запрещаю с ним общаться, поняла?

- Что? - не поняла, если честно.

- Что слышала. Бросил он тебя? Вот и славно. Заканчивай эти сопли, и больше е смей с ним видеться.

- Это не тебе решать, - процедила я сквозь зубы. - Я взрослая уже.

- Пока ты живешь в моем доме, я буду решать за тебя. Поняла?

Прикрыв глаза, я втянула носом воздух, шумно выпустила через рот.

- Поняла, - проговорила почти спокойно.

Я присела и подняла пола фотографии, сложив их кривой стопкой. Не удостоив больше папу и взглядом, прошла в свою комнату.

Ненавижу, когда мне ставят ультиматум, приказывают и заставляют. Он со мной двадцать лет живет, должен был понимать. Я так точно знала, что не смогу терпеть подобное.

Вытащив из шкафа спортивную сумку, закидала туда белье, джинсы, платье, пару свитеров, рубашку, пижаму, косметику.

Ни минуты лишней не проведу в этом доме. Вытирая нос тыльной стороной руки, я чудом вызвала такси через Яндекс. Бросила в сумку учебники из университетской библиотеки, тетради. Я вытерла слезы, но глаза снова затуманило пеленой. Последние силу уходили, чтобы не разрыдаться в голос. Сверху положила фотографии.

Телефон пискнул, оповещая, что такси у дома. Я рванула к двери. Отец увидел и выбежал за мной на мороз.

- Ирсен! - зарычал он мне в спину. - Ты чего вытворяешь?

- Если твой дом – твои правила, значит я здесь больше не живу, - выпалила я, выдергивая руку и прыгнула в машину. Сказала водителю, - Поехали.

Гошин адрес подтянулся при заказе автоматически. Для таксиста этого было достаточно, Фенову нужно было позвонить, предупредить. Только вот ком так и стоял в горле, а рыдания рвались наружу. Я крутила в руке телефон, пытаюсь успокоиться но так и доехала до дома Гоши в соплях и слезах. Что было делать? Оплата прошла через карту, и мне даже деньги доставать не пришлось.

Я вылезла из машины и обреченно пошагала к домофону. Протянула руку к кнопкам, замерла. Зачем я вообще приехала к Гоше? У него и без меня проблем вагон с безумной Анфисой. Лучше, наверно, Аньке позвонить. Или в хостеле взять койку пару ночей, пока не найду квартиру или комнату.

Но тут дверь подъезда сама отрылась. Вышел Гошин сосед, даже поздоровался со мной, придержал дверь, пропуская. Я зашла, на автомате прошагала к лифту. Уже внутри поняла, что все делаю правильно. Вместе. Мы просто должны быть вместе, решать проблемы сообща, поддерживать друг друга. Я бы без сомнений приняла Гошу у себя, если бы он оказался в похожем положении.

Эта мысль как-то сразу настроила на позитивный лад. Я постояла у двери еще минутку, окончательно успокоившись, позвонила.

Гоша открыл почти сразу. Словно стоял под дверью и ждал меня. В спортивных штанах и майке-алкоголичке. Как в первый день, когда я привезла Кате кролика. Бобс крутился рядом, кажется, они собирались гулять.

- Ирс? – Феникс вздернул брови. – Детка, ты откуда здесь? Все в порядке?

На его красивом лице тут же отразилось удивление, тревога и радость одновременно. Он просканировал внимательным взглядом мое зареванное лицо, увидел сумку, открыл рот, чтобы сказать еще что-то, но не успел. Я шагнула к нему и прижалась, ища поддержки, заботы, понимания. Гоша тут же обнял меня.

- Девочка моя, - зашептал он.

Я отлепилась от него, подняла глаза, спросила:

- Можно я поживу у тебя? Немного, пока не...

- Да сколько хочешь, живи, - перебил Гоша, заметив, что я готова зареветь.

Он вернул мою голову себе на грудь, обнял крепко-крепко. Я сжала губы, чтобы сдержать рыдания.

Бобс, видимо осознал серьезность момента, тихо поскуливал, положив морду на мой ботинок.

- Папа я посикала, - слышался из гостиной голос Кати. – Колготки теплые или обычные надевать?

- Обычные, - ответила я вместо Гоши. – Там не очень холодно.

- Ирсен! – взвизгнула девчонка и помчалась к нам.

Гоша отпустил меня, и я присела, чтобы обнять его дочь.

- Привет, солнышко, - прошептала, прижимая к себе малышку. – Я скучала по тебе.

Ее маленькие ручки обнимали так крепко, Катя почти душила меня. Слезы все-таки покатались из глаз.

- Почему ты так долго не приходила? - возмущалась она, продолжая стискивать мою шею. – Папа сказал, ты очень занята. Но я так скучала.

- Прости, милая. Я... Я действительно была очень занята. Сдавала экзамены. Я тоже по

тебе скучала.

- Ты останешься на ночь?

И теперь Гоша ответил за меня.

- Ирсен у нас поживет какое-то время. Ты не против?

- Ураааааа, - закричала Катя. – Значит ты мне будешь каждую ночь петь песенку?

Гоша было открыл рот, чтобы осадить ее, но я успела первая пообещать:

- Буду, Каюш. С удовольствием.

- Ураааааа.

И она совсем повисла на моей шее, заставляя застонать и закашляться.

- Придушишь человека, Катюх. Угомонись, - заворчал Гоша. – Ирс, мы гулять собирались, но ты можешь дома побыть.

-Нет, я с вами.

- Урааааа, - снова заорала Катя, скача вокруг нас на одной ножке. Бобс оглушительно залаял, прыгая тоже.

Я засмеялась, поражаясь, как же быстро и эффективно детская радость лечит боль и обиду. Гоша тоже улыбался, довольный, как слон. Он снял с моего плеча сумку и унес в гостиную. Катя помчалась следом и оделась быстрее папы. Фениксу пришлось нас догонять, потому что собаке и девочке не терпелось оказаться на улице.

Я гладила Катю, по голове, наблюдая, как она спит.

Поразительно. Я вошла в квартиру Гоши, чувствуя, что разваливаюсь на куски. Казалось, еще немного и сорвусь. Но Катя, прогулка, смех, веселая беготня с собакой и горячие объятия Гоши вылечили, склеили, согрели. Папа был моей семьей. Сегодня я отказалась от него, но нашла нечто иное. Мне больше не было больно, одиноко, обидно. Я обрела уверенность и спокойствие. Здесь, в этом доме, рядом с этой девочкой и ее отцом мое место. Это правильно. И никто больше не убедит меня в обратном. Ни мой отец, ни Анфиса Павловна. Мы трое хотим быть вместе – это самое главное. Все остальное совершенно неважно.

Укрыв Катюшины плечи одеялом, я потрепала Бобса по голове. Он тихо рыкнул, но даже глаз ухом не повел. Невероятно, рядом с ним в ногах спал и Флинт. Этот несносный кот источал довольство и спокойствие, все еще жил у Гоши. Странно, что Анфиса его не забрала.

Спустившись, я заметила свет в кабинете, прошла через темную гостиную. Гоша сидел за столом, что-то просматривал в ноуте. Едва я вошла, он захлопнул крышку, протянул руку, приглашая устроиться у него на коленях. Я была не против. Что может быть лучше его уютных объятий.

Фенов уткнулся носом мне в шею, легонько лаская губам кожу, пробормотал:

- Так не хватало тебя, Ирсен.

Я потерлась щекой о его волосы.

- Расскажешь, что случилось? – спросил он осторожно.

Я вздохнула. Не очень хотелось возвращаться к нервному вечеру, но Гоша имел право знать правду.

- Я ушла из дома.

- Почему?

- Из-за тебя.

- Что? - он отстранился, чтобы взглянуть на меня. – Как из-за меня?

- К отцу пришла Анфиса и показала фотографии, - выпалила я на одном дыхании.

- Что? – снова спросил Гоша, явно не веря тому, что слышит. – Анфиса? Твоему отцу? Какие фотографии?

- Наши, Ггош. Где ты и я. И не всегда одетые.

- Быть этого не может!

Феникс поднялся с кресла вместе со мной. Меня посадил на стол, а сам подошел к шкафу открыл верхний ящик.

- Твою мать! – ругнулся Гоша громко.

Я зашикала на него.

- Твою мать, – повторил он шепотом. – Их нет. Тут был конверт. Я недавно распечатал. Хренова стерва! Она лазила по моим вещам. Как это возможно вообще?!

Я развела руками, соскочила со стола, сходила в гостиную, где все еще лежала моя сумка, вынула фотки, принесла Гоше.

Он просмотрел карточки, бросил на стол закрыл лицо руками, рухнул обратно в кресло. Я облокотилась на стол. Гоша промычал:

- Я вчера с заказчиками говорил по телефону, они просили твои контакты и портфолио для агентства. Сказал, что встречу с тобой сегодня. Анфиса была с Катей в гостинной. Похоже, услышала.

- Очевидно, она поняла, что ты собрался меня вернуть.

- Очевидно, - подтвердил он тихо.

Гоша снова потянулся ко мне, возвращая к себе на колени, стиснул еще сильнее.

- Прости за фотки, малыш. Я давно их распечатал. Для себя. Не думал... Даже мысли не мог допустить... От Катки убрал наверх. Господи, это безумие какое-то! А твой отец...?

- Взбесился, Гош, - призналась я. – Он вообще к татуировкам плохо относится, а тут еще и ню. А Анфиса, видимо, что-то наговорила для пушного эффекта. Он словно обезумел. Начал мне условия ставить, угрожать.

- Прости, - снова вклинился Гоша.- Прости, Ирс. Я не хотел. Блин, откуда она адрес твой узнала?

- Я два раза вызывала при ней такси. Наверно, запомнила.

- Это уже болезнь какая-то, - продолжал негодовать Гоша. – Куда она лезет! Слушай, давай завтра съездим к твоему родителю, все объясним.

- Нет! – тут же выпалила я. – Не хочу, Гош. Вообще желания нет ему что-то объяснять. Он все думает, я маленькая. Устала от этой гипперопеки. Я... сама хочу жить. Так, как считаю нужным.

- Я рад, что ты приехала ко мне, - совершенно неуместно расплылся в улыбке Фенов.

- Гад ты бессовестный.

Я засмеялась, не в силах циклиться на печальном.

- Когда бы мы еще съехались?

- Мы и не съехались, Гош, - тут же взбунтовалась я.

- А ну... ладно, – быстренько согласился он. – Если тебе так удобно думать...

- Прекрати! – я шлепнула его ладонью по груди и тут же погладила.

- Малышка, - выдохнул Гоша. – Поцелуй меня, а?

И он надавил мне на затылок, заставляя склонить голову.

- Гошик, - зашептала я ему в губы.

- Что, Ирс?

- Мы же не остановимся.

Я так точно моментально вскипела. Слишком давно мы не виделись. Я скучала не только по семейному теплу, но и по Гошиному телу, его ласкам и страсти.

- Не остановимся, - подтвердил Фенов. – Я даже пытаться не буду. Говорят, стресс отлично лечится сексом. Я мало того, что тебя сто лет не видел, еще и эти новости. Нельзя терпеть, а то заболеем.

Я не могла не захихикать, как дурочка, больше не противясь его поцелуям. Гоша снова поднялся со мной на руках, но теперь, чтобы отправиться в спальню.

- Ты будешь тихая-тихая, - шептал он, поднимаясь по ступенькам.

- Очень сомневаюсь, - так же тихо отвечала я.

- Надо, малыш. А завтра сдадим Катюху и пошумим хорошенько. Я даже работу отменил.

- Какой ты предусмотрительный.

- Я вообще замечательный у тебя, - нагло подытожил Гоша, укладывая меня на постель. - А ты у меня просто красавица. Ирс, я так скучал, прости меня. Прости за все эти глупости,

детка. Как только думать мог, что мы расстанемся. Нет. Никуда не пушу тебя. Моя. Я люблю тебя, милая.

Он говорил это, нависая надо мной, глядя в глаза. Так честно, прямо, искренне. У меня снова запершило в горле, но уже от трогательной радости.

- И я тебя люблю, Гошик, - призналась в ответ, смаргивая слеза, притягивая его к себе, чтобы целовать любимые губы.

Зря я грозила ему совей громкостью. Наша любовь была этой ночью какой-то особенной. Не тот взрыв и дикая потребность, как в первый раз и потом. Что-то изменилось. Все изменилось. Я чувствовала это в поцелуях, в объятиях, в ласковом шёпоте и тихих столах. Мы не спешили, не торопились, не гнались за оргазмами. Гоша распалаял меня медленно, осыпая поцелуями, растирая кожу, поглаживая, пощипывая. Он был мягким бризом, тёплым прибором, горячим солнцем.

Я отвечала ему тем же. Водила пальцами по татуировкам, расцеловывала тигра и феникса, повторяла зыком контуры ловца снов. Мне нравилось вспоминать его рельефное тело, гладить широки плечи и чувствовать, как он наваливается, вдавливая меня в матрас. Здесь, в этом доме, на этой кровати, под этим потрясающим мужчиной и было мое место. Я для его, а он для меня. И ничто не может больше нас разлучить. Мы ведь идеальны вместе, как его инь-янь на плече. Гармония стирает страх и неуверенность. Все плохое теперь кажется сном, бредом. С нами ничего не случится дурного, ведь любовь хранит, оберегает от бед лучше всяких амулетов.

- Давай больше никогда не расставаться, - проговорил Гоша, уже засыпая.

- Я не против, - улыбнулась я ему.

- Пообещай, что не уйдешь от меня, Ирс.

- Зачем мне уходить?

- Просто пообещай, родная.

- Обещаю.

Утром Гоша попросил отвезти Катю в садик. Это должна была сделать бабушка, но он собирался поговорить с Анфисой Павловной.

Я пыталась улизнуть пораньше, чтобы не встречаться с ней, но Катя долго ела кашу, и мы таки столкнулись в дверях. Бабуля окатила меня презрительным взглядом.

- Что она опять здесь делает, Игорь? – едва не кричала она на Гошу, даже не поздоровавшись.

- Ирсен теперь будет жить с нами, - ответила за отца Катерина.

Я едва не застонала. Анфиса открыла рот, но Гоша оборвал ее.

- Придержите коней. Не при Кате, - проговорил он, хотя сам вскипел с полпинка.

Фен расцеловал дочь, целомудренно чмокнул меня в губы. Я придержала его за плечо, шепнув:

- Держи себя в руках, ладно?

Гоша вскинул брови, без слов спрашивая: «Серьезно? Ты переживаешь за женщину, которая выставила тебя не пойми кем перед отцом?». Я покивала, подтверждая именно это.

- Пожалуйста, - проговорила еле слышно.

Все-таки мне было страшно, что Анфиса исполнит свою угрозу. Если Гоша спустит на нее собак, она вполне может тоже встать в позу. Она и так уже ее приняла, но захочет нагнуть и Фенова обязательно.

Но Гоша, казалось, ни капли не беспокоился на этот счет. Он улыбнулся нам с Катей немного жутко и поскорее выпроводил за дверь. Я снова вспомнила его тигра и семантику татуировки. Анфисе Павловне не позавидуешь.

Когда я вернулась, Феникс снова сидел в кабинете за ноутбуком. По лицу невозможно было ничего прочитать. Абсолютно непроницаемое выражение. Увидев меня, он не здороваясь, не вставая, поманил пальцем.

Почувствовав себя роковой женщиной, я подошла, качая бедрами, игриво запрыгнула на стол. Гоша подъехал на кресле, уткнулся лбом мне в колени. Он поглаживал мои ноги, а я перебирала волосы у него на затылке. Мы молчали. Тишина была красноречивее любых слов.

Постепенно касания Гошиных рук становились все интимнее, настойчивее. Он наглаживал внутреннюю сторону моих бедер, задевая молнию джинсов. Я бессовестно захныкала, прося больше. Уговаривать не пришлось. Гоша расстегнул мои штаны, стащил откинул в сторону. Тут же он прильнул губами к моим влажным трусикам, заставляя задохнуться, проглотить стон.

- Не сдерживайся, Ирс. Мы одни, - напомнил он.

Я сладко заскулила, расслабившись, отдалась его умелым губам, что посасывали прямо через тонкую ткань. Это было так эротично и необычно. Гоша потянул трусики вверх, и ткань впилась в клитор. Я вскрикнула. Он ухмыльнулся, довольный, словно сытый котяра.

Гоша так и не снял с меня белье. Он просто отодвинул его. Сначала, чтобы довести меня до безумия ртом, а потом, чтобы проникнуть внутрь. Когда он толкался, то натягивал стринги, стимулируя чувствительный бугорок, заставляя меня выть и хрипеть, словно зверь какой-то, честное слово. Он целовывал эти дикие звуки с моего рта, хвалил и восхищался, говорил, как любит меня и мои оргазмы. Я цеплялась за него, то прося еще, то пощады. Мне было так много и так мало его одновременно.

От трусиков я избавилась только в душе, когда мы зашли на третий круг после стола и кровати. Когда силы кончились, а голос сел от криков, оказалось, что уже пора забирать Катю. Наскоро перекусив, мы быстро выгуляли Бобса, поехали в сад, а потом в магазин и снова погуляли с собакой перед сном. Катя снова потребовала песню. Но, кажется, я вырубилась раньше, чем она. Помню только, как Гоша тихо ругался, что они совсем меня заездили. Потом я почувствовала его сильные руки и крепкие объятия. Стало тепло и спокойно. Правда, я тут же вспомнила, что так и не спросила его про Анфису.

Ладно. Завтра.

Но и завтра у меня не хватило сил или смелости узнать подробности разговора с бабушкой.

Через неделю я все еще не спросила Гошу об Анфисе. Сама она не появлялась больше в его доме, а на вопросы Кати, когда бабушка возьмет ее в гости, Гоша неизменно отвечал: «Как-нибудь». Меня такая отговорка тревожила, но не настолько, чтобы побороть себя и спросить. Я боялась услышать... правду, наверно. По всему было видно, что Фенов разорвал отношения с бабушкой Кати. Через месяц ничего не изменилось. Мы все так же жили вместе. Я помогала Гоше с Катей, снова стала приходиться няня, а Катя все реже спрашивала о бабушке. Я и вовсе уговорила себя забыть о неприятной женщине. Не очень зрелая позиция, но... Уж какая есть.

Нам действительно было хорошо втроем. Я работала, училась, мечтала открыть свой класс английского. На балансе у меня лежала круглая сумма за фотосъемку которую организовал мне Гоша. Я глазам своим не поверила, когда пришло оповещение о переводе. А Фенов лишь плечами пожимал и смеялся.

- А ты думала, сколько будет? Пять косарей? Я с мелкотой не работаю, - бахвалился он.

Теперь я понимала, почему агент Дима готов был мне и Гоше в горло вцепиться за этот заказ. Очевидно, он имел бы хороший процент в случае удачи своей модели. Или кто там она была? Жена сына мера? Уже все равно.

Моя жизнь стала похожа на сказку. Я была бы безоговорочно счастлива, если бы не ссора с отцом и неопределенность с Анфисой Павловной. Папа звонил чуть ли не каждый день. Я не хотела с ним разговаривать, скидывала вызов и слала смс, что жива-здорова. Гоша уговаривал меня помириться с ним, но я упрячилась. Знала, конечно, что скоро перегорит обида, и я решусь доехать до дома, но не сейчас.

Сейчас мне было хорошо с Гошей и Катей. Никого больше не хотела пускать в наш маленький мир, где царили любовь и гармония.

- Детка, ты уже забереешь Катарин сегодня? – услышала я в трубке голос Гоши, когда в очередной раз сдала рабочую смену.

Он был какой-то суетной, взволнованный. Я забеспокоилась.

- Конечно, заберу. Все равно по дороге. Что-то случилось? Мы вроде хотели прокатиться до парка все вместе? – припомнила я вчерашний разговор перед сном.

- Не получится, малыш. Нарисовался клиент в салоне. Я как раз мчусь туда. Приезжайте с Каткой тоже. Я порисую, и все вместе рванем домой.

- Ребенок в тату-салоне, Гош? Это хорошая идея? Что-то я сомневаюсь.

Он захохотал мне в трубку.

- Это отличная идея, Ирс. Если не веришь, спроси у Катки. Ее там кормят пиццей и дают обводить трафареты.

- Какой кошмар! – возмутилась я игриво. – Тебе привезти сладенькое?

- Свою сладенькую попку привези, и я буду счастлив.

- Извращенец.

- И я тебя, люблю. – Гоша чмокнул в трубку. – Все, отключаюсь. Жду вас.

Едва я отняла телефон от уха, он зазвонил вновь. Незнакомый номер. Я приняла вызов.

- Ирсен Дадиани? – поинтересовался у меня звонкий женский голос.

- Да, - осторожно ответила я.

- Добрый день. Меня зовут Эльвира Бароева, я представляю модельное агентство

«Элит».

- О, здравствуйте.

- Вашим профайлом заинтересовались представители французского косметического бренда.

Она назвала его, и я чуть в обморок не упала, а Эльвира спокойно продолжала:

- Менеджер сейчас в Москве, хотел бы встретиться с вами, Ирсен. Когда сможете подойти? Завтра в полдень устраивает?

Она буквально сбила меня с ног. Я присела на скамейку.

- Эээ, Эльвира, я даже не в Москве, боюсь, это невозможно.

Пауза и щелчки мышки. Видимо она просматривала мой профайл.

- О, вижу, да. Тогда послезавтра в полдень.

- Я не знаю...

На том конце провода менеджер Эльвира вздохнула.

- Ирсен, вы же понимаете, какая это удача? С вами, скорее всего, заключат контракт. Встреча – это, можно сказать, формальность. Вас ждут съемки в Париже, тонна новых возможностей и гонорары раз в пять больше того, что вы получили за «Душу леса».

- Оу, - откликнулась я, теряясь окончательно.

- Я не настаиваю, конечно. И не буду скрывать, что мы тоже заинтересованы, как посредник. Но это огромная удача. Второго шанса у вас, скорее всего, не будет.

- Я понимаю. Но... Я могу перезвонить вам чуть позже вечером? Или завтра?

Эльвира снова вздохнула.

- Я назначу встречу на послезавтра. Вы можете ее отменить, конечно. Позвоните на этот номер.

Она отбила звонок.

Я минут десять сидела на скамейке возле торгового центра. В голове не укладывалось то, что я услышала. Шанс, предложение, Париж, денег в пять раз больше. Это все, как сказка или розыгрыш. А ведь в маленьком городке, у меня потрясающий бойфренд и его дочка, которую нужно забрать из садика. Стряхнув с себя морок, я села в маршрутку. Всю дорогу ком стоял в горле. Мне хотелось. Шанс, возможность. Не верилось, что именно я удостоилась такого лестного и выгодного предложения. Но уехать от Гоши и Кати? Так скоро расстаться?

Всхлипнув, я заставила себя собраться. Нужно поговорить с Гошей. Скорее всего, он знает эту Эльвиру, знает агентство и, как они ведут дела. Может это все развод и мошенничество. Но разум подсказывал, что вряд ли бы Феникс позволил разместить мои данные в шарашкиной конторе.

- Ирсен! – Катюша выбежала мне навстречу, уже одетая.

Она обняла меня крепко, как обычно. Я чмокнула ее в щеку, заставляя тревоги убраться прочь.

- Привет, мой золотой. Папа в тату-салоне, просил привези тебя туда. Хочешь?

- Конеееееченно! – завопила Катя. – Настя меня всегда угощает пиццей, а Миша катает на плечах.

Я заулыбалась, заражаясь ее радостью.

В салоне все оказалось именно так, как обещал Гоша. Настя уже заказала пиццу к нашему приезду, и Катя весело болтала, сидя на высоком стуле у стойки ресепшена. Мишка в шутку предлагал ей трафареты, выбирая татушку, от которой у папы Гоши вскипит мозг.

Катюха хохотала, отвергая коварный план. Гоша отвлекся только, чтобы поцеловать меня и дочь. У него был клиент. На вид весьма серьезный мужчина. Феникс заполнял цветом наполовину прорисованную Фемиду в стиле пин-ап на плече. Даже в полуфабрикатном состоянии впечатляло. Особенно меня.

- Девчонки у тебя, Феникс, одна другой краше, - подмигнул мне клиент.

- Слюни подбери, Федь, а то напортачу, - ревниво бросил Гоша, делая страшное лицо.

Я усмехнулась, топчась рядом.

- Что-то хотела, Ирс? Мне час нужен, максимум полтора, и поедем. - Он поднял на меня глаза. - Все в порядке?

- Д-да, - ответила я, запнувшись. - Просто хотела посоветоваться с тобой. Час подожду.

Работай.

Гоша послал мне благодарную улыбку, и я вернулась в приемную. Настя сварила кофе и уговорила съесть кусок чизкейка. Я была рада, что она и Миша были полностью оккупированы Катей. Гоша моментально почувствовал мое замешательство, его друзья бы тоже пронюхали и не отстали бы, пока не вывели все.

Спустя час к Мише пришел клиент, а Настя занялась бумагами. Катя увлеклась, рисуя скетчи для воображаемых татуировок, которые папа сделает себе, мне, Мише, Насте, Бобсу и бабушке.

Бабушка.

Как будто ее нам мало, еще и я теперь вся в сомнениях.

Как я от них уеду? Хочу ли я уезжать?

Хочу.

Но расставаться так тяжело.

Понимая, что не могу больше все держать в себе, решила проверить, не закончил ли Гоша. Его рабочее место пустовало.

- Миш, а где..? - начала я.

- В пирсинговой что-то с Галаниным трет, - ответил здоровяк, не поднимая головы.

Я прошла к закрытой двери, собиралась вежливо постучать, но замерла услышав голоса.

- Пятьдесят на пятьдесят, Феникс.

- Блин, Федь, паршивый процент.

Я прикусила губу.

Уйти! Нужно уйти. Последний раз, когда я подслушивала, мы расстались. Но ноги опять выросли в пол, не позволяя сделать шаг.

- Бабулька твоя, конечно, у же в возрасте, но может и выиграть. Я бы советовал вам решить дело миром.

- Как я решу? Она уже накатала заявление.

- Не знаю. Пообещай ей каникулы с Катей.

- Она хочет, чтобы я перестал встречаться с Ирсен.

- Сочувствую, мужик. Похоже, у нее конкретная шиза. Травма и все такое. Из-за дочери. Ты уверен, что нет возможности... не знаю... взять паузу, не афишировать отношения?

- Нет возможности. Я не собираюсь страдать херней из-за конченной маразматички. Ирсен и Катя мои. К черту лицемерие.

- Окей. Тогда приготовься к тяжбе и грязи. Мои расценки ты знаешь.

Я услышала, как мужчины хлопнули по рукам и тут же отпрыгнул от двери, вернувшись в приемную едва ли не бегом.

Настя все так же закапывалась бумажками, Катя рисовала. Миша жужжал тату-машинкой, старательно выводя контуры рисунка на спине какого-то студента. Я стояла посреди всей этой идиллии, чувствуя, как пол уходит из-под ног, как мир переворачивает, как сердце останавливается.

Гоша и его клиент вышли в приемную. Феникса тут же поймал меня, обняв за талию.

- Ирсен – Федя. Федя – Ирсен,. – представил он нас. – Забыл познакомиться.

Я пожала руку мужчине, встретив его изучающий взгляд.

- Да, Гош, понимаю тебя, - проговорил он, нарочно зля Фенова, очевидно продолжая тот разговор за дверью.

- Понимает он, - буркнул Феникс. Он тоже пожал руку Ферору, прощаясь. Я взглянула на него. Гоша прятал эмоции, но теперь я видела в глубине глаз печаль, тревогу и усталость.

- Ты хотела поговорить? – напомнил он.

Я запаниковала, но вдруг сам собой родился план и... начала самозабвенно врать.

- Хотела съездить к папе.

- О, - обрадовался Гоша. – Конечно, Ирс. Давно пора. Уверен, он будет рад. Сколько можно наказывать старика?

- Да. Согласна, - смиренно кивнула я.

Гоша часто уговаривал меня помириться с отцом. Он уверял, что тот не со зла наговорил мне гадостей, а просто боялся потерять или не досмотреть. Я противилась этим аргументам, но сейчас поняла, что должна уступить. И Фенову, и отцу.

- Прямо сейчас хочу, - выпалила я. – Ты ведь свободен?

- Свободен. Катюха, собирайся, нам в магазин.

- купишь мне пончик?

Гоша поджал губы, но вынужден был согласиться. Я разбаловала его дочь вкусняшками, а быть деспотом, который все запрещает, он не хотел. Возможно, потому что готовился к плохому решению суда.

- Я поехала тогда.

- Подкинуть тебя?

- Нет-нет, я сама. Чего вам круги вертеть?

- Ладно.

Гоша подозрительно прищурился, видимо почувствовав в голосе фальшивый энтузиазм. Чтобы он отвлекся, я прильнула к его губам поцелуем, обняла крепко-крепко. Феникс аж охнул, когда я оторвалась от его рта.

- Снимите номер, - буркнул Мишка. – У меня тут приличное заведение.

Я стыдливо потупилась, а Гоша забормотал что-то себе под нос, проклиная публичное место и не очень толерантных друзей.

- Катюшк, пока, - попрощалась я с девочкой.

Она помахала мне.

Я кратко попрощалась с ребятами и выбежала на улицу. Хотелось рыдать от собственного вранья, но нельзя было расслабляться. Я набрала Аню, а уже через полчаса сидела у нее на кухне и пила чай, стуча зубами от нервной тряски.

- Не понимаю. От меня ты чего хочешь? – ворчала Аня, ковыряя кунжут на печенюшке.

Я выдала ей все разом, надеясь... на чудо, наверно. Вдруг Гошин друг ошибся? Вдруг шансы есть?

- Шансы... - выдавила я, чувствуя себя выжатой и беспомощной после всего сказанного.

- Ты думаешь, я круче Галанина в юриспруденции? – хохотнула подруга. – Обычно суд на стороне отца, но с прогнозом Федора сложно спорить в любом случае.

- Но ты же стажировешься у кого-то там.

- Угу. У Мохова. Он Галанину готов зад лизать за консультацию. Федор Дмитриевич самый крутой у нас в городе. Так что если он твоего Феникса не вытащит из дерьма, то я не знаю.

Я закрыла лицо руками. Отчаяние целиком и полностью завладевало мной. Еще и Аня добивала.

- Говорила, не связывайся с ним. Так и знала, что все кончится плохо.

- Он хороший, Ань. Правда, но...

- Хорошие обычно за все и платят, Ирк, – выдала она цинично. – Это с говнюков как с гуся вода. Но Гоша молодец, я считаю. Да и с Галаниным он обязан выиграть.

- Пятьдесят на пятьдесят?

- Пятьдесят на пятьдесят, - повторила Аня.

-Понятно. Спасибо за консультацию.

-Было бы за что, – подруга поморщилась. – Ир, не делай глупостей только, ладно? Все утрясется. Может еще на мировую пойдут. Рвать ребенка друг у друга – это последнее дело. Они ради девочки должны научиться ладить.

- Сомневаюсь, что получится миром. Анфиса... Она меня не выносит.

- Ты же не собираешься порадовать ее и бросить мужика?

Я не ответила.

- Ииииир! Не делай этого.

- Ты же сама говорила, что одни проблемы. Теперь и не поддержишь?

- Нет. Не поддержи. Ты же его без ножа зарежешь. Он от тебя не отказался.

- Вот именно. Я не хочу, чтобы он воевал с бабушкой своей дочери из-за меня. Просто уеду и все.

- Куда?

- Возможно в Париж. Или в Москву. Не знаю.

Аня посмотрела на меня, как на блаженную. Я встала из-за стола, решив, что пора и честь знать.

- Не пори горячку. Подумай. Поговори с ним, в конце концов, - уговаривала меня она уже в коридоре, пока я одевалась. – Ирсен, сбежать – это не выход.

- Спасибо за все, Ань. - Я расцеловала ее, обняла. – Позвоню.

Она все прекрасно поняла.

- погоди, - окрикнула меня уже в подъезде. – У Галанина что за татушка?

Я засмеялась. Даже в такой драматический момент не могла не заметить Анькин не праздный интерес к Гошиному приятелю.

- Очень сексуальная Фемида на плече.

- Твою ж душу, - захныкала она. – Пропало мое бедное сердечко и спокойные розовые сны с единорогами и бабочками. Теперь будет Федор Дмитрич снится. Топлесс.

Я бы посочувствовала ей, а может и помогла бы, вступив с Гошей в сговор для сводничества, но сейчас был совсем не тот момент, чтобы причинять добро и наносить радость.

Аня меня не успокоила, не разубедила. В общем, я была готова, просто хотела, чтобы она подтвердила все что говорил Федор. Мне не хватало смелости осуществить задуманное, но теперь больше не было соломинок, за которые я могла ухватиться. Пришлось тонуть, отвечать за свои поступки, брать ответственность. Страшно, больно, быстро. Но иначе я просто не могла.

Приехав на такси к родному дому, я обрадовалась, увидев в окнах свет. Не хотелось папе названивать. Ощущение, что он все это время ждал меня, согрело истерзанное сердце. Как обычно смотрит свой жуткий сериал по НТВ. Хотя что-то стабильное в этом безумном мире, где бабушка отбирает внучку у отца, а провинциальная серость вдруг получает предложение, о котором мечтают топовые модели.

- Привет, - проговорила я тихо, войдя в дом.

Отец вскочил с кресла, отбросил пульт.

- Ирка,- он едва не плакал.

Промчавшись через гостиную, папа крепко обнял меня.

- Ирка, - повторил отец, отстранившись, чтобы рассмотреть меня. – Детка... как же хорошо, что ты приехала.

- Я не надолго, пап. Хочу собрать вещи.

Он тут же напрягся, нахмурился.

- Все-таки решила окончательно к нему перебраться?

- Нет, - пискнула я, глотая слезы. – Скорее наоборот. Пойдем.

Я увела его на кухню, усадила за стол, сделала вкусный чай, к которому он, очевидно, не притрагивался с тех пор, как я уехала. За чашкой ароматного горячего напитка, я рассказала папе все. Про Анфису и Гошу, про суд, про Катю и ее покойную маму, про мое знакомство с Фениксом и фотосессию, про такое странное, лестное и жутко своевременное предложение от московского агентства.

В ответ на мою откровенность папа долго молчал.

- Ну, - не выдержала я. – Скажи что-нибудь.

Отец отпил чая, почмокал, облизнулся.

- Знаешь, мы с твоей мамой не всегда жили душа в душу, - начал он.

Совсем не то, что я ожидала услышать.

- При чем тут мама?

- Не перебивай,- цыкнул отец и я осекалась. – Мы, конечно, еще в школе влюбились, но потом я не поступил и ушел в армию. Она ждала. Почти дождалась. Немного не повезло мне. Или нам.

У меня сердце в пятки упало. Я впервые об этом слышала.

- Что ты такое говоришь?

- Правду, Ирскуль. Она влюбилась, честно мне написала. Когда я вернулся, твоя мама жила с каким-то зеком. Весь синий, места живого не было. Не знаю, что она в нем нашла. Приворожил он ее что ли?

- Синий? – повторила я эхом.

- Ага. В наколках. Только с зоны откинулся. Соседи говорили, он к ней на улице пристал, уболтал. А потом стал приходить, пока не увел из дома совсем. Я поверить не мог, пока своими глазами его не увидел. Наглый, трусливый гад. Она институт забросила, стала работать. Он все деньги забирал на выпивку. А потом она пришла ко мне. Вся в крови, едва живая. Упала в ноги и прощения просила, пока я скорую вызывал. Ублюдка этого убить хотел, да его в тот же вечер закрыли. Оказалось, на дело сходил неудачно, вот злобу и выместил.

- Папа, как же?

Я закрыла рот руками, не веря. Моя мама. Родная, уютная, которая пахла печеньем, которая пела мне и гладила по голове.

- Вот так, Ирсен.

- Ты простил ее?

- Конечно, простил. Я любил ее очень. Да и сама она потом признавалась, что как знамение нашло.

- Поэтому ты... - меня осенило.

Отец только кивнул.

Значит вот почему он так психовал из-за Гоши. Думал, я так же, как и мама связалась с бандитом.

Не дав очнуться от этого открытия, папа огорошил очередным признанием:

- А он ведь приходил ко мне, Ирсуль, - проговорил папа. – Гоша твой.

- Что? – я ушам своим не поверила.

- Ага. Через неделю, как ты удрала. Он вроде нормальный. Разрисованный, как клоун, конечно, но пообещал, что будет о тебе заботиться, не обидит. Я думал, врет или бахвалится, но... Анфиса Павловна, похоже, преувеличила. Не похож твой Фенов на кретина, хотя качественно под него замаскировался.

Я заулыбалась, стирая слезы с глаз. Почему все так не вовремя. Как бы мне хотелось сейчас обнять папу, поблагодарить его и уехать обратно к Гоше, сказать, что он гад, конечно, раз провернул такое тайком, но... Но это было в его стиле. Он действительно переживал и постоянно просил быть с отцом помягче. Мои мужчины сговорились за спиной.

- Зря ты уезжаешь, дочь, - тут же добавил папа, чтобы у меня не было возможности повозмущаться на счет его знакомства с Гошей. – Может я поговорю с бабушкой?

- Не смейся, пап, - отмахнулась я. – Тебя еще в этой истории не хватало. Не станет Анфиса никого слушать. Только хуже сделаешь.

- Не хочу, чтобы ты уезжала. Одна еще и в другую страну. Мало ли, какие там люди. Вдруг это сутенеры какие.

- Прекрати. Гоша же работал с этим агентством. Там проверенные люди. Обещаю звонить каждый час никому не отдавать паспорт и бежать при любой сомнительной ситуации.

- Ирк...

- Мне просто нельзя здесь оставаться, пап. Гошка меня не отпустит. И я не смогу от него оторваться. А надо...

Я вздрогнула, потому что зазвонил телефон. Гоша. Я вскочила, схватила мобильный и вышла из кухни.

- Да, Фен, - ответила спокойно, стараясь убрать дрожь из голоса.

- Ты как, малыш? Поговорили? – бодро спросил Гоша.

Я слышала на фоне шум супермаркета и Катин безостановочный лепет. Сердце сжалось. Сейчас самое сложное – наврать ему.

- Да. Все хорошо.

- У тебя голос странный.

- Ну... я немного разволновалась.

- Ясно.

- А еще, Игорь Фенов, у тебя проблемы, - я постаралась звучать грозно и весело одновременно.

- О, черт. Старик сдал меня? Ирса, все ради тебя, правда. Ну я не мог просто ждать, пока ты прекратишь на него дуться. Он нормальный мужик. Хотя не особенно был мне рад.

- Ладно. Живи, - смилостивилась я и тут же начала тараторить, чтобы выдать главное. – Гошик, я останусь у папы до завтра. Тут пыльные перекасти поле, и он опять не ест нормально.

- Да, конечно. Не вопрос. Хочешь, я заберу завтра?

- Нет, не надо.

Гоша помолчал. Наверно думал, что я могу вернуться к отцу, съехать от него. Я взмолилась, чтобы он не начал задавать вопросов об этом.

- Ладно. Дома поговорим, да? Буду скучать без тебя ночью, - свернул Фенов разговор, чтобы не говорить о таких вещах по телефону.

- И я... буду скучать, - проговорила, едва ворочая языком. – Люблю тебя.

- Я тебя тоже, сладкая. Целую.

Он, как обычно чмокнул в трубку и отключился. Ноги подкосились, и я почти упала на диван и разревелась. Отец тут же оказался рядом. Он утешал, гладил по голове. Я затихла, ушла к себе собирать вещи. Но снова и снова плакала. Как я уеду от него? От них. Не прощаясь. Но чемодан постепенно заполнялся, билет был заказан, решение принято.

Я почти не спала. Как же круто изменилась жизнь. Утром я была счастлива, я собиралась быть счастливой всю жизнь. А теперь у меня впереди столько нового и интересного. Но это ни капли не радует, а рвет сердце, заставляя его истекать кровью.

Папа обещал отвезти меня в аэропорт. Он даже отменил работу ради меня.

Глядя в окно, я снова размазывала по щекам слезы. Предательница. Я просто удираю. Бросаю их обоих так жестоко. Сердце ныло, а разум убеждал, что так будет лучше, правильнее. Но я не выдержала.

- Папа, сверни тут, пожалуйста. Давай проедем через Маяковского.

- Что? Зачем, Ирсуль? Так все пробки соберем. Мы не опаздываем, но...

- Пожалуйста, - заныла я. – Так надо. Я хочу Катю увидеть.

Отец нахмурился, но сказал:

- Ладно. Говори, где остановить.

Я показала дорогу до садика и выпрыгнула, едва мы припарковались. Катина группа как раз вышла на прогулку. Воспитатель была не очень довольна, но все же разрешила нам поговорить.

- Ирсен, - звонко взвизгнула Катя. - Ты меня забираешь? Поедем веселиться?

- Привет, золотко. – Я отвела ее в сторонку и присела на корточки, чтобы быть на одном уровне и смотреть в карие, как и у ее папы, глаза. – Я заехала попрощаться.

- Что? Ты уезжаешь? - она моментально сникла.

- Да, Катя. Так вышло. Нужно срочно ехать.

- Надолго?

- Не знаю. Как получится.

- Я буду скучать по тебе. – Маленькие ручки, как обычно, крепко обняли меня. – И папа тоже будет. И Бобс, даже Флинт. Тебе обязательно уезжать?

- Да, это по работе, - врала я от души. Не нужна мне была никакая работа. Даже в Париже. Но...

- Папа сказал, что он сам может нас прокормить, и тебе не надо работать.

- Папа твой молодец. Я люблю его очень.

- А меня?

- А тебя еще сильнее, милая.

Катя стиснула меня, словно старалась задушить.

Упервшись коленом в грязный снег дорожки, я обнимала ее, казалось, целую вечность.

- О, ребята в снежки играют, - заметила она, по-детски быстро переключаясь. – Приезжай скорее, Ирсен.

Помахав мне, Катя убежала к друзьям. Я поднялась и вернулась в машину.

- Дочка его? – спросил отец, поворачивая ключ.

Я кивнула, не в силах что-то ответить. До аэропорта мы ехали молча. Прощались тоже без лишних слов. Папа просил звонить чаще, я обещала, что буду. Обнялись, и я пошла на посадку. Через три часа меня уже встречал шумный Домодедово.

Набрав номер из журнала вызовов, я попросила соединить с Альбиной.

- Добрый день. Это Ирсен Дадиани. Я в Москве. Встреча в силе?

Ненавижу летать. Особенно приземление.

- Ирсен, сегодня ложись пораньше. Ты с этими перелетам отвратительно выглядишь.

Круги под глазами – ужас просто, - тараторил Алекс, пока самолет снижался.

- Ты тоже мне очень нравишься, - саркастически бросила я своему агенту.

Правда, злиться на него не могла. Свей болтовней он отлично отвлекал от неприятного ощущения из-за перепада давления и кучи печальных мыслей, которые стали одолевать, едва я узнала, что следующая съемка назначена в Москве.

Два месяца вдали от дома. Париж, Милан, Лондон, Берлин, Гонг-Конг, Пекин, Токио, Стамбул. Я исколесила всю Европу и Азию, хотя практически ничего не успевала посмотреть. Постоянные перелеты, съемки, новые лица, слова, которые я не понимала, интонации, который часто пугали. Без Алекса я бы свихнулась, это точно. Повезло, что он вызвался быть моим агентом. Ушлый проныра, болтливый и приветливый, он, можно сказать, сам себя назначил, не особенно интересуясь моим мнением. Практически так же бесцеремонно Алекс навязывал меня для съемок. Даже самые крутые кастинг-менеджеры терялись от его напора. Уверена, пятьдесят процентов моих контрактов – это заслуга агента. Сама бы я, конечно, пришла бы, постояла, поулыбалась, но подать себя не очень умела. А вот Алекс умел. Подать, продать, пропихнуть, влезть в зад без мыла. Это все по него. Гиперактивный менеджер сделал так, что мне практически было некогда скучать по дому, по отцу, подругам. По Гоше и Кате.

Сплошная гонка, а не жизнь. Если я ложилась спать, то моментально отключалась. Сказывались перелеты, смена часовых поясов и съемки-съемки-съемки. Лишь иногда я замирала. Бывало, что прямо во врем фотосессии. Накатывали воспоминания о первой встрече с Гошей, как он снимал меня в кабинете. Или как мы целовались в студии, а потом он усадил меня на стул. Вспоминала его голос, прикосновения, ласки, заботу, нежность. И сердце щемило.

- Ирсен, ты с нами? – окликал обычно фотограф, замечая мой стеклянный взгляд.

Я брала себя в руки и продолжала работать, сосредотачиваясь на задачах, которые ставил передо мной совсем не Гоша.

- Господи, чего такой холод? Ветрище жуткий, - ежился Алекс, кутаясь в щегольской бомбер с цветочным принтом от Дольче.

- Дым отечества, - усмехнулась я.

Он никак не среагировал на цитату, только скривил лицо, словно тут пахло тухлыми яйцами.

- Надень, - велел агент, протягивая мне темные очки.

- Зачем? Уже смеркается.

Алекс застонал.

- Ирсен, тебя люди с такими фонарями под глазами видеть не должны Ты или хочешь ими улицу освещать?

Иногда его хотелось треснуть, как и бестолковых детей на моей прежней работе. Но я снова призвала смирение и азы педагогики себе в помощь. Проще было надеть очки, чем доказать Алексу, что я не звезда всея Руси.

Скрыв глаза за Рэй-Баном, я все же пробормотала сварливо:

- Как будто меня кто-то узнает.

Алекс предпочел сделать вид, что ничего не слышал. В данный момент его больше волновал ветер промозглого апреля и то, что нам не предоставили машину.

- Долбаная Рашка. Сто лет тут не был и не тянет. Не могут нормально встретить. На такси в такой холод! Козлы бессовестные.

Насколько я знаю, Саша, который предпочитал зваться Алексом, сам был родом из-под Калуги. В «Элите» он пробился от мальчика на побегушках до агента благодаря упорству и отличному знанию трех языков. А вот понты приобрел совсем недавно. Возможно, заслужено. Мы вместе работали без остановки и приобрели отличную репутацию трудоголиков. Ну и денег, конечно, все это фэшн-безобразия принесло очень и очень много.

Алекс проникся статусом богатого засранца и предприимчивого дельца. А я никак не могла почувствовать себя примой. До сих пор казалось, что это все шутка. Или я попала в чужое тело, которое живет теперь не моей жизнью, а по какому-то прописанному сценарию. Я смотрела кино, одновременно умудряясь играть лавную роль.

Правда здоровенные билборды на подъезде к столице уверяли, что все не сон, не кино, а реальная жизнь. Жизнь в которой мое лицо на рекламных щитах и плакатах. Водитель такси даже обернулся, чтобы рассмотреть меня.

- На дорогу смотрите, - буркнула я, жалея, что Алекс дал мне только очки, а не паранджу например.

Но таксист так и косился на каждом светофоре через зеркало заднего вида. Алекс не выдержал в конце концов.

- Она это. Да. Душа леса из рекламы. Не надо глазеть, это неприлично.

Я залилась краской. Меня первый раз кто-то узнал. В Европе я уж точно не была звездой. Просто одна из многих востребованных моделей. Как-то само вышло, что мое лицо оказалось востребованным. А вот в России в это время всюду шла компания нового парфюма. Папа рассказывал, что ему больно постоянно видеть меня в телевизоре и не иметь возможности обнять.

В этот момент я почувствовала, что смертельно устала от всей этой свистопляски. Наверно, родная земля так действовала. До ужаса захотелось отменить съемки, уклониться от обязанностей, послать к черту Алекса, наплевав на гонорар, и уехать домой. К папе. К Гоше и Кате.

Я вздохнула, решив, что Алекс прав. Нужно выспаться и продолжать бежать белкой в колесе, не поддаваясь соблазну удрать. Нельзя.

Войдя в номер отеля, я приняла душ и упала на кровать. Почти сразу отключилась. Казалось, едва я коснулась головой подушки, Алекс уже будил, барабанил в дверь.

- Просыпайся, Ирсен! Сейчас завтрак принесут. Кофе, каша, стакан воды, немного кофе и сока для тонуса. Шевелись, шевелись, родная.

Я поплелась выполнять распоряжения без особого энтузиазма. За завтраком Алекс тараторил, как всегда, не умолкая. Я листала материалы по знакомому парфюму «Душа леса». Подумать только, с него все и началось, и вот опять. Они снова захотели снять меня для дополнительных материалов.

Машину нам снова не прислали, и Алекс совсем разбушевался в такси.

- Да что же это такое! Можно было на метро быстрее добраться.

- Я предлагала...

Он оборвал меня взглядом от которого захотелось съежиться.

- Почему бы вообще не запрячь мышами тыкву? Будем по старинке, как Золушка, вашу мать! – ругался Алекс. – Любезный, мы можем быстрее?

- Нэт. Пробка, - отвечал водитель кратко.

- Это ужасно. Вот-вот уже съемка, а еще мейк делать. Фенов бесится, когда визажист задерживает процесс.

Услышав фамилию Гоши, я буквально подпрыгнула. Даже ведро ледяной воды не взбодрило бы лучше.

- Фенов?! – взвизгнула я. – Какой еще Фенов?

- Красотун в тагухах. Здоровяк. – Алекс томно простонал. – Милаха, хоть и весь на понтах. Как свалил в свою деревню, гонора еще больше стало. Так ты же с ним работала, дорогая. Гоша Феникс. Он делал первую «Душу леса».

Я длинно и матерно выругалась. Алекс аж замер с огромными от удивления глазами. Даже водитель обернулся.

- Ирсен! Это неприлично.

- Какого хрена Гоша будет меня снимать? Ты сказал, будет этот... Комаров.

- Комаринский, - поправил агент.

- Да плевать. Не Фенов!

Алекс закатил газа, но соизволил объяснить.

- Там какие-то проблемы у него с агентством. В цене что ли не сошлись? И Прямо вчера Комар отказался. Вот и вызвали Феникса. А он взял и не отказал, с корабля на бал примчится. Денег лишних не бывает. Потрясный мужик, надо сказать. Жаль не из наших, - трепался мой голубой агент, не замечая, как я меняюсь в лице.

Давно забытое ощущение, что кровь то вскипает, то стынет в жилах. Я давно уже не чувствовала себя такой уязвимой, почти голой, ранимой. Невозможно. Этого просто не может быть.

И не будет.

- Я отказываюсь сниматься у Феникса, - выпалила я, едва смогла снова ворочать языком.

- Что прости? – не понял Алекс. – Мне послышалось?

- Я. Не. Буду. Сниматься. У Феникса, - отчеканила я, натянув на лицо маску непробиваемого упрямства. И издевательски уточнила. - Что из этого ты не разобрал?

- Я не разобрал? Это я разобрал прекрасно. Не глухой.

- В чем же дело?

- Дело в том, любовь моя, что я, очевидно просрал момент, когда у тебя отросла корона. Как-то вот профукал, вообще не заметил, - подхватил он мой издевательский тон.

Я фыркнула, решив не оправдываться, лишь выдала:

- Просто отмени съемки и все.

- И все? – заорал он фальцетом. – И все, Ирен? Так просто у тебя все! А мы уже получили аванс, нас ждут люди, которые сделали тебя, рыба моя золотая, звездой. На минуточку так! Звездой!

- Мне плевать, - тихо огрызнулась я.

- Тебе плевать? Ах, тебе плевать, да? На меня! На агентство! На свою репутацию, - уже в голос и баском орал мой менеджер, размахивая руками как истеричка. – Ты не имеешь права плевать, Ирсен. Слышишь меня? Просто не выйдет. Или ты сейчас поднимаешь свой аппетитный зад, предварительно засунув туда нелепые понты и капризы, или вали обратно в

свою деревню-глушь-Саратов. Или откуда ты там? Потому что с нами никто так больше не будет работать. И я с тобой – тоже. Связался, блин.

Дальше Алекс выдал дозу ненорматива, который описывал весь спектр его разочарования во мне.

- Разворачиваемся, - скомандовала я.

- Нет! – закричал агент.

- Ирсен, ты не имеешь права так поступить. Чего у тебя за беда? Что за петух клюнул? Трахалась с Гошей? Ну, класс. Ккто бы отказался? Это не повод отменять фотосет, ей-богу.

Я выпустила воздух через рот рывками.

- Я не буду тебе ничего объяснять. Просто нет.

Он снова выругался и начал сыпать угрозами, потом уговаривал и снова грозил, умолял и задабривал. Я стряхивала лапшу с ушей, уже не утруждалась спорить, просто упрямо мотала головой, отрицая все доводы Алекса.

Едва водитель остановился, я выпрыгнула из машины, надеясь просто удрать в метро, раз уж мой ушлый помощник и приятель не желает слышать. Но просчиталась. Алекс выскочил следом за мной, как черт из табакерки, схватил за локоть. Сильно и больно. Свободной рукой он умудрился вытащить деньги и бросить таксисту.

- Без сдачи, - буркнул он и потащил меня в павильон, где была назначена фотосессия. Я вопила и вырывалась, на нас глазели. Но это не помешало Алексу, протащить мен чуть ли не волоком к лифту, затолкать в него и нажать кнопку. Собиралась наорать на него или разреветься, но он осадил тут же.

- Хватит! Взяла себя в руки и отработала, как обычно. Ты профи, Ирсен. Хватит делать вид, что эта работа случайность.

Через минуту я уже сидела перед зеркалом, а костюмер тряс нарядом.

- Всем доброе утро, - раздался такой знакомый, родной голос. Как глоток воды в пустыне. Как теплый ветер после зимней стужи.

Я зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела его в отражении.

- Уже заканчиваете? – спросил Гоша у визажиста, хотя смотрел прямо мне в глаза, не отрываясь.

- Да. Пять минут, Гош, - откликнулась девушка, которая накладывала мне на щеки румяна.

Фенов чуть заметно сморщился, постоял еще минуту, глаза на меня. Я – на него. Просто сил не было отвести глаза, не смотреть. Гоша. Мой Феникс. Все такой же красивый, мускулистый, разрисованный. Разве что взгляд... Никогда он еще не смотрел на меня так. Словно я вырвала его сердце, оставив истекать кровью, словно предала, растоптала все, что у нас было.

Сглотнула.

Гоша отвел глаза, проговорил небрежно:

- Не спешите. Я пока свет настрою.

Вот вам и требовательный Феникс.

Я едва дышала, пока мастер дорисовывала мне лицо. Но ведь не умерла. Я встретила с ним и осталась жива. Он не выволок меня, требуя объяснений. Вообще словно не вспомнил. Даже не поздоровался.

Кажется, он крепко на меня обижен. Что ж... имеет право, но... Он должен понять, а мне, похоже, придется объясниться. Лично. Потому что сбежать Гоша мне не даст. Так же,

как и Алекс не позволил слиться.

И если от менеджера я могла попытаться удрать, то один взгляд Гоши, и у меня нет ни сил, ни желания покидать помещение.

Именно поэтому я тогда уехала, не прощаясь. Знала, не смогу оставить его по своей воле. Он всегда меня гипнотизировал, зомбировав.

- Дорогуша, сколько можно? Мастера нельзя заставлять ждать, - подгонял Алекс визажиста, когда та уже заканчивала колдовать с ресницами.

Девушка что-то невразумительно пробормотала в свое оправдание и отпустила меня через минуту. Меня нарядили с тогу цвета старой хвои, волосы оставили в первоизданном беспорядке, лишь добавили объёма и закрепили лаком. Гоша уже закончил приготовления и тихо разговаривал с Альбиной, которая все так же курировала проект.

- Готова наша богиня, - громко оповестил мой менеджер всех присутствующих.

Фенов обернулся, снова сканируя меня горячим взглядом и опять без единого слова. Лишь кивнул в сторону освещенных стен, приглашая на позицию. Послушавшись и так же безмолвно исполнив его приказ, я заняла свое место. На секунду стало неловко, нахлынули старые комплексы, вернулась неуверенность и робость. Но едва Гоша направил на меня камеру и начал руководить съемкой, я словно очнулась. Вспомнив, с чего все началось, окунулась в жидкое блаженство сладкого диктата. Было так естественно. Просто и приятно слушаться его. Делать то, что он велел. Исполнять беспрекословно.

- Руки вверх, голову на бок. Глаза опустить. Губы мягче. Каплю улыбки. На меня смотри теперь...

И все в этом духе. Я словно танцевала, следуя его словам. Телом, взглядом, дыханием. Если с другими фотографами я научилась работать, исполнять, давать то, что они хотели, то с Гошей я просто жила, была собой. И кайфовала от этого. Даже возбуждалась. На мне не было белья, грудь мелькала из-под свободной тоги с запахом. Я научилась игнорировать свое внезапное обнажение. Голой не снималась, но часто создавались моменты во время съемок, когда было видно чуть больше, чем мне хотелось бы. В этом бизнесе этим никто не заморачивался. И я тоже стала относиться спокойно. Только не с Гошей. В его присутствии меня возбуждало то, что он видит, как соски приподнимают тонкий шел, как грудь мелькает, когда я двигаюсь. Мне нравилось это. Я не видела никого, кроме Феникса. И творила все это только для него. словно в транс погрузилась. Мы были вдвоем, хоть и на виду у всех. Только мы.

Знаю, Гоша тоже это чувствовал. Он желал меня. Он был возбужден не меньше. Мы оба знали, чем закончится фотосессия. Я ни капли не удивилась, когда Фенов отложил камеру, повернулся к Эле и проговорил:

- Выпроводи всех вон. Я хочу остаться наедине с моделью.

- Выпроводи всех вон. Я хочу остаться наедине с моделью.

И тут же все замолчали. Разом. Одновременно. Резко. Только басы тяжёлого рока гремели теперь в студии. Мое сердце, казалось, застучало громче ударных, заглушая музыку.

- Боюсь, это невозможно, Гош, - ответила ему Эля, едва пришла в себя.

- Тогда я боюсь, что фотки выйдут отстойные. Я не вижу ее. Мне нужен контакт с моделью без левых людей вокруг. Вы нам мешаете.

- Мы можем вести себя тише.

- Это не поможет.

- Гош, при всем моем глубоком уважении...

- Бла-бла-бла, - перебил ее Феникс. – Эль, оставь эти реверансы и выгони всех нахрен уже.

Они мерились взглядами с минуту. Эля сдалась. Она покачала головой, что-то пробормотала себя под нос.

- Ладно. Черт с тобой, Фенов. Я тебе доверяю, хотя эти твои понты уже начинают напрягать.

- Это не понты, Эль. Я хочу, чтобы были отличные фотографии. И сделаю их, если ты будешь умничкой и организуешь мне тет-а-тет с Ирсен.

- Знаю, что сделаешь, - буркнула она и уже громче. - Так народ. Все идем пить кофе, есть пончики. Оставим художника с моделью. Все свободны. Алекс, ты с нами?

- Нет, - ответил за него Гоша. – Алекс тоже пойдет пить кофе.

Мой менеджер тут же подлетел к ним.

- Я останусь, - заявил он, вставая между мной и Фениксом. – Ирсен будет сниматься исключительно в моем присутствии. Это прописано в контракте. Никаких тет-а-тетов.

Гоша приподнял бровь, осматривая парня андрогинной внешности в яркой одежде. Феникс даже говорить ничего не стал, просто смотрел на моего Сашку, как пролетариат на буржуазию. Чертовски трогательно.

Похоже, Гоша собрался уже сказать что-то обидное и насмешливое, но я не позволила обижать человека, который так много и часто мне помогал. Алекс за эти несколько месяцев стал мне почти родным. Да, он нагловатый, надоедливый, иногда даже надменный, но он мой друг.

Положив ладонь ему на плечо, я примирительно пропищала:

- Это ничего, Алекс. Я согласна.

Он резко обернулся, уставился на меня, хмурясь. Уточнил:

- Уверена?

- Да.

- Ирсен, ты же...

Я помотала головой, прося его не продолжать. Больше не было сил тянуть. Едва Гоша заикнулся о том, чтобы все вышли, я только и думала, как бы поскорее они все свалили. Сашка, конечно, молодец. Очевидно, он сопоставил все и понял, что нас с Феновым связывает... Много чего, кроме работы. Уверена, менеджер пытался меня защитить, но уже зря. Раньше надо было. Я, как крыса, услышавшая дудочку, уже встала в стойку, забыла о собственной безопасности и общем благе, которое обуславливало мое бегство и разлуку с

Гошей.

- Все будет хорошо, дорогой, - пообещала я, чмокнув его в щеку, оставляя след помады.

Алекс сощурился, но спорить не стал.

Через минуту Эля прикрыла дверь с той стороны, а Гоша без лишней скромности тут же щелкнул замком. Пройдя к зеркалу, где меня гримировали, он вытащил несколько влажных салфеток, которые бросил мне.

- Лицо вытри, - приказал сухо.

Я прикусила губу от этого ледяного тона.

- Гош, я...

- просто вытри лицо, Ирсен, - перебил Фенов грубо.- Я видеть не могу эту посмертную маску из штукатурки.

Не оставалось ничего, как послушно стереть тон.

- Губы и глаза – тоже, - потребовал Феникс.

- Но...

- Никаких но!

Я затрепетала. Он был жутким и волнующим одновременно. Я боялась его до вибрации на кончиках пальцев, но и бежать не желала. Или не могла? Он, как рок. Мой фатум. Судьба. Благословение и проклятие. Как могла я находиться вдали столько времени? Почему не умерла? Ведь он мой воздух, мой наркотик, мое самое желанное лакомство. Он часть меня. Мое сердце. Моя душа. Мое счастье. Моя суть.

Находясь в каком-то трансе, пьяном угаре от его близости, я даже не замечала, что Гоша стал снимать, едва я стерла мейк-ап. Просто смотрела на него. А он – то на меня, то на экран камеры.

И не нужны были слова. Кажется, Гоша ловил в объективе все мои эмоции. Боль, радость, вожделение, страх. Все это перемешалось с необъятной любовью. Она наконец разорвала оковы, которыми я приковала ее, и теперь поглощала меня, наступала, опутывала своими прочными сетями.

- Разденься, - велел Гоша.

Я вздрогнула. Его голос звучал так резко, почти грубо. Мне захотелось расплакаться.

- Нет, - пискнула я, хватаясь за тончайшие нити разумного, которые пока еще сдерживали мое безумие.

Фенов никак не отреагировал на мой отказ. Сделав несколько снимков, он отложил камеру и подошел ко мне. Его горячая тяжёлая ладонь легла мне на плечо. Погладив кожу, Гоша повел рукой вниз, спуская шелк с плеча. Тога упала на пол. Бесшумно. Я и пикнуть не успела, а уже стояла перед Фениксом в одних трусиках.

- Не смей, - прошипел он, заметив, как дернулись мои руки, чтобы прикрыться.

Нет, он не снимал, но смотрел так, словно фотографировал глазами, просвечивая меня горячим рентгенов заодно.

Гоша поднял руку, чтобы поймать и накрутить на палец кудряшку.

- Ты бросила меня, - проговорил он.

Я опустила голову, не в силах смотреть ему в глаза, но Фенов тут же взял меня за подбородок, не позволяя потупитья.

- Ты уехала, Ирсен.

- Да. Пискнула я. Так было нуж...

- Чи-чи-чи, - не дал он закончить. – Не хочу слушать твои оправдания.

Гоша провел пальцем по моей щеке, едва касаясь, погладил шею.

- Ты уехала. Бросила меня.

- Да.

Я давилась воздухом, чувствуя, как он обводит окружность груди. Едва касаясь.

- Ты обещала, что не оставишь меня. Я тебе верил, девочка.

Ком встал в горле. Во рту была горечь от его слов. И одновременно я едва сдерживала стоны, потому что он продолжал дразнить, поглаживая то один сосок, то другой. Мысли пугались, но я опять попыталась оправдаться.

- Да, я знаю, но...

- Никаких но. Ты просто врунья, Ирсен.

- Прости.

- Это непростительно.

- Гош, пожалуйста, - я едва сдерживала слезы.- Прости меня. Я не хотела тебя обижать, клянусь. Не хотела врать, бросать тебя. Прости.

Он убрал руку, и я была готова разреветься. От потери и от его слов, что резали без ножа.

- Как мне простить, Ирсен? Ты обещала.

- Я знаю.

Гоша, запустил пальцы мне в волосы, оставил ладонь на затылке, притянув к себе так, что мы соприкоснулись лбами.

- И нарушила обещание, - зашептал он. - Ты же знала, как я люблю тебя.

- Да. Прости. Скажи, что мне сделать? Как извиниться?

Он отпустил, отстранился, посмотрел на меня... так холодно.

- На колени, - скомандовал Феникс.

Я пискнула, но... тут же стала опускаться. Он хочет..?

Мысль еще не успела сформироваться, а Фенов уже схватил меня за плечи, не давая присесть.

- С ума сошла? – рывкнул он. – Проклятье, Ирсен, я... Я не это имел в виду. Не надо. Не так.

Я всхлипнула. Раз, другой, третий, а потом слезы полились сами. Словно прорвало плотину. Я больше не могла себя контролировать. Вместе с рыданиями стали вырываться слова.

- Да чтоб тебя, Феникс, - кричала я, лупя его ладонями по груди. – Да, я уехала. Я бросила. Да! Думаешь, мне было легко?

- Тише, Ирс, хватит, - наконец заговорил он нормально, а не как демон возмездия.

- Я же слышала все... Я не хотела... Ты... Катя... Галанин сказал...

А дальше все потонуло во всхлипах и бульканье. Гоша поймал мои руки, прижал к себе крепко и не отпускал. Я тряслась в его объятиях, содрогалась всем телом, одновременно страдая за все, что сделала и отпуская на волю боль, которую так давно сдерживала.

Феникс гладил меня по голове, как часто делал с Катей, когда она расстраивалась и просила пожалеть. Наверно, я не заслуживала этих ласк от него, но уж точно не собиралась сопротивляться. Да, я боялась, что все так и будет. В его сильных руках я не могла сопротивляться, думать о ком-то кроме себя и удовольствия, которое захлестывало с головой, заставляя желать только одного: как бы быстрее избавиться его от одежды и прижаться к голой коже, покрытой рисунками.

Видимо, Гоша испытывал нечто похожее, а может и идентичное. Очень скоро его поглаживания перестали быть утешающими. Он стал растирать и мне спину, чуть надавливая, ладонь переместились на бок и словно нечаянно снова задевала округлость груди. Пальцы, что ласково перебирали волосы, теперь загребали их, оттягивая. Чуть болезненно, но от этого еще более приятно. Я не поняла, когда мои всхлипы стали превращаться в стоны. Слезы больше не текли по щекам.

Я запрокинула голову, приоткрыла губы, не решаясь попросить, посмотреть на Гошу, но до безумия желая его поцелуев.

- Красивая моя,- пробормотал он, сжал волосы в кулак и накрыл мой рот своим.

Поцелуи были безжалостными, почти грубыми. Но мне нравилось. До сумасшествия нравилось, как колола его щетина, как яростно он терзал мои губы, искал своим языком мой, как прикусывал за подбородок и сжимал попу, притягивая к себе вплотную, ища трения пахом.

-Хочу тебя, Ирс. Хочу,- рычал Гоша, заставляя меня тереться о его джинсы, приподнятые в районе ширинки. – Даже не смей... говорить... что-то...

Я не смела, конечно. И не хотела. Наоборот. Мои руки нырнули под майку, задирая, стаскивая через голову. Я покрывала его грудь такими же неистовыми поцелуями. Всасывая и кусая, не заботясь о том, что оставлю метки в виде засосов. Гоша рычал, как тигр. Он сжимал мои плечи и матерился от души.

Расцеловывая его торс, я опускалась все ниже и ниже, одновременно расстегивая джинсы, стаскивая их вниз вместе с бельем. Он хотел мой рот на своем члене в виде извинений? Так я не против.

Но едва я лизнула головку, забирая капельку влаги, Гоша тут же потянул меня за волосы, буквально оттаскивая от члена.

- Почему? – хныкнула я.

-Потому что я уже чуть не кончил, - огрызнулся он.- Надо чаще встречаться.

Эгоистично идиотская мысль, что у него никого не было после меня, разлилась горячим крепким бальзамом по моей душе. Я старалась не улыбаться от довольства и послушно отступала к стене, подталкиваемая Гошей. По дороге он избавился от штанов и содрал с меня трусики. Прижавшись спиной к холодному бетону стены, я почувствовала, как с другой стороны ко мне прижался горячий Феникс. Он весь горел, пылал. Кажется, даже в глазах танцевало пламя.

Я даже не пыталась сдерживаться, когда он коснулся меня между ног. Громко застонала и вцепилась в него мертвой хваткой.

- Ни черта нет сил на прелюдию. Ты сама виновата,- ругался он тихо, забрасывая мою ногу себе на бедро, пристраивая член к моей влажной плоти.

Гоша провел головкой от входа к клитору, распределяя влагу. Я снова захныкала, но теперь не от горечи, а от сладости ощущений. Не успев пожалеть, что он не задержался на пульсирующем бугорке, я вскрикнула, ощутив, как Гоша одним мощным толчком заполнил меня. Он вошел так стремительно и резко, что я бы упала, наверно, если бы за спиной не было опоры в виде стены. Но приятнее было прижиматься к раскаленному Фениксу. Я вцепилась в него изо всех сил, вздрагивая и вскрикивая от каждого движения. Он сразу взял сумасшедший ритм. Выходил почти полностью и снова загонял в меня член до самого конца. Это было так сильно, так сладко, опять почти больно. Я вся сжалась, желая усилить эти невероятные ощущения. Толчок, другой третий и оргазм буквально разорвал меня на куски.

Слишком быстро. Слишком мало. Не томное удовольствие, которое я могла бы смаковать, а резкий, болезненный укол, который принес сомнительное облегчение.

- Надо чаще встречаться, - прохныкала я, понимая, что Гоша тоже, скорее всего, сейчас кончит и... И вот это вот офигеть, как мало. Почти ничего после месяцев разлуки.

Феникс только хмыкнул и отпустил мою ногу, отстранился, а потом развернул меня лицом к стене. Я тут же уперлась в нее ладонями, прогибаясь в спине. Гоша снова вошел, но уже не так резко. Он стал скользить медленнее, хотя сам при этом стонал и ругался, явно желая сделать все быстро. Очевидно, его притормозил мой стремительный оргазм.

Я еще не успела прочувствовать все удовольствие от нового ритма, а Фенов уже кончал. Он выпустил изо рта рваный стон. Я почувствовала влажный от пота лоб на своем плече. Чуть качнув бедрами, я попыталась отстраниться.

- Стой, - прохрипел Гоша. - Замри. Даже не дергайся, пока я не закончу.

- Разве ты не закончил?

- Нет.

Я пискнула, почувствовав его палец на клиторе. Гоша не спешил заканчивать, ей богу. Он даже не вышел. Новый виток наслаждения закрутил меня благодаря его поглаживаниям. Феникс целовал мои плечи, иногда чуть прикусывая, терся шершавой щекой, посасывал шею, пока беспощадно поглаживал, надавливал на клитор, размазывая по кругу влагу моего возбуждения. Другой рукой Гоша теребил и пощипывал сосок, сжимал грудь. Я снова стонала в голос, сжималась, желая приблизить разрядку. От всех этих манипуляций Гоша, похоже, завелся вновь. Боже, он действительно соскучился.

Фенов шевельнул бедрами, и я протяжно завывала, почти готовая снова. В этот раз все было именно так, как я любила. Шторм наслаждения утих, качая меня на волнах удовольствия, которое хочется продлить на целую вечность, которое нарастает постепенно, подталкивая к краю все ближе и ближе. И не знаешь, чего хочется больше, остаться в этой качающей неге или сорваться вниз в кипящую пену.

Меня несло и качало, все ближе и больше. Стоны слились в один протяжный звук, и я все оттягивала и оттягивала кульминацию, пока Гоша не приказал тихо:

- Кончай, детка.

Я не могла послушаться. Отпустила, упала, разбилась вдребезги, разлетелась осколками, чтобы снова стать цельной в его жарких объятиях. Не помню, как оказалась на ковре. Очнулась и увидела, как Гоша нависает сверху, наклоняется, чтобы целовать мои щеки, глаза, губы, нос. Я улыбалась ему, получая еще больше наслаждения от его движений. Завела руки за голову, вытягиваясь, отдаваясь целиком его ласкам, его желанию, его воле.

Гоша нашел мои пальцы своими, и мы переплели их. Держа друг друга, безмолвно обещая больше не отпускать, не бросать.

Я снова почувствовала влагу на щеках, проговорила:

- Я люблю тебя, Феникс. Люблю.

Он целовывал слезы с моего лица, крепко сжимая пальцы в замке. По телу Гоши прокатилась волна дрожи.

- И я тебя, детка, - ответил он тихо. - Давай со мной. Еще раз.

Я не могла ему отказать. Мое тело не имело шансов противиться этой просьбе.

Растворяясь друг в друге, мы делили нечто большее, чем просто оргазм. Нас словно путами связывало что-то глобальное и мощное. Как ритуал, как страшная клятва. Я точно знала, что после этого больше не смогу расстаться с Гошей. Он тоже это знал. Нас обоих

больше не пугало ничего.

- Никуда тебя больше не отпущу, Ирсен, - проговорил Гоша, едва мы вынырнули из тугого, словно кисель, удовольствия.

Фенов перевернулся на спину, увлек меня наверх. Пристроила голову у Гоши на груди, слушая, стук его сердца.

- Даже не надейся опять слинять в Европу, - пригрозил он.

- Куда я теперь от тебя денусь, - мякнула я, отдавая себя ему целиком и полностью.

- Надо, наверно, закончить съемку, - очнулась я спустя... пять минут? Вечность? Я не чувствовала времени, пока лежала на Гоше. Но стало прохладно, и реальность вернулась вместе с рутиной, обязанностями и прочими прелестями.

- Я закончил. Если честно, за полчаса до того, как выгнал всех. Потом просто кайф ловил, - признался Феникс.

Я вскочила с него, села рядом, засмеялась.

- Ты такой бессовестный.

- Это – да, - подтвердил он с довольной улыбкой.

Я провела ладонями по его груди, рассматривая чернильные перья феникса. И только сейчас заметила, что сквозь широкие линии словно просвечивает... сердце. Новая тату. Сердце феникса там же, где и сердце Гоши. Анатомически правильное, бордово-красное, с прожилками вен. И... оно кровоточило.

- Новая? – спросила я сипло. Голос почти пропал от волнения.

- Да, - ответил Гоша. – Недавно Мишка закончил.

- Сердце в крови?

Он только прикрыл глаза, подтверждая.

- Из-за меня?

Гоша не отвечал, и тут я перепугалась окончательно. Этого быть не могло. Он приехал не поэтому. Такого просто не может быть. Неужели, Гоше больше нечего терять? Едва ворочая языком, я проговорила:

- Гош, пожалуйста, скажи, что это не из-за Кати? Ее ведь не забрали?

- Что? Катя? При чем тут Катя? Это же не она выдрала мне сердце из груди, словно так и надо, - возмутился Фенов.

- Слава богу. Господи, я уже думала...

- Что ты думала? - разозлился он. – С чего ты вообще взяла, что Катю у меня заберут?

- Я слышала, как ты говорил с адвокатом. С Федором. Он сказал, что шансы... И суд...

Гоша тоже сел, потер лицо руками, запрокинул голову к потолку.

- Капец, Ирс. Я все это время пытался свыкнуться с твоим решением, но все равно не могу понять, какого хрена, ты со мной ничего не обсудила? Подслушала, ни черта не поняла и слиняла. Кто так делает? Что за детский сад? Катька и то умнее бы поступила.

Гоша встал, натянул майку, боксеры. Бросил мне:

- Одевайся.

Я ушла в примерную часть студии, где осталась моя одежда.

- Пошевеливайся, - поторопил меня Гоша.

Я вся напряглась. Словно не было той идиллии, гармонии, равновесия, что мы достигли, занимаясь любовью. Он злился на меня снова. Стало почти физически плохо. Не потому что он снова стал жестким, а от того, что я понимала – это моя вина. Я сама его таким сделала. Очевидно, решение уехать не было благом для него и Кати. Но хотя бы они вместе. Я все это время ужасно боялась, что суд встанет на сторону бабушки.

Едва я оделась, Фенов взял меня за руку и потащил на улицу. По дороге он позвонил Эле, отчитываясь об окончании съемок.

- Какой отель? – спросил он кратко.

Я назвала, и Фенов тут же вызвал машину, а у меня потребовал:

- Набирай своего агента-педика.

- Это очень грубо и не толерантно, - укорила я его, не в силах промолчать. Было обидно за Алекса.

- Пофиг, - буркнул Гоша. – Набирай.

- Зачем?

- Ирсен! Не зли меня.

- Не можешь сказать, для чего тебе Алекс? В чем проблема? – завелась я.

Его губы скривились в ядовитой улыбке.

- Ты же не сказала мне, почему уезжаешь. Собственно, и мне не очень хочется отчитываться.

Я сжала губы. В пору было заупрямиться, но перед глазами снова встало кровоточащее сердце. Я проглотила все протесты и набрала Алекса.

Гоша бесцеремонно забрал у меня телефон и так же резко и кратко велел Алексу быть через полчаса в моем номере.

Подъехало такси, Фенов затолкал меня в машину. Всю дорогу до отеля я была в шоке. Абсолютно потрясенная и растерянная из-за активных действий Гоши.

Когда машина остановилась у отеля, я вдруг испугалась, что он сейчас просто высадит меня и сам уедет. Но он вышел следом и ступал за мной по пятам, как цербер, охраняя и устрашая одновременно.

В коридоре мы столкнулись с Алексом. Он выглядел не лучше меня, но хоть бодрился. Едва я открыла картой дверь номера, Гоша вошел и скомандовал:

- Ирсен, собирай вещи. Мы уезжаем.

- Что? – пискнул Алекс.

Его голос, как всегда стал тоньше из-за волнения. Обычно после этого он начинал тараторить, что не заткнешь, торгуясь с заказчиками или угрожая даже. Он хороший менеджер, правда. Но вот Гоша, похоже, не собирался даже слушать.

Фенов заказал кофе в номер, затолкал меня в спальню, велел паковать вещи, а сам четко и подробно обрисовал Алексу новую систему нашего сотрудничества.

Признаться, я собралась за пятнадцать минут, так как толком ничего не распаковывала. Остальное время я из чистого любопытства слушала, как Гоша с Алексом буквально рвут меня на части. Фенов ставил условия, мой агент возмущался. У него были совсем другие планы, а Феникс, оказывается, собрался забрать меня домой. Я так обрадовалась этому, что даже не могла злиться за его бесцеремонное вмешательство в мою работу, расписание, жизнь. Только представив, что скоро окажусь дома, я пришла в неописуемый восторг.

Мне нравилось работать в модельном бизнесе. Нравилась новые города и знакомства, восхищенные взгляды, вспышки камер, словно не мое лицо в отражении зеркал и на фото, нравилось, что Алекс подбирал для меня контракты, не оставляя практически ни дня для отдыха. Я не успевала прийти в себя, не успевала скучать, жалеть, оглядываться назад. Но вот я в Москве, в России, и Гоша снова рядом. Он просто взял и решил меня вернуть, и я не могу сопротивляться, потому что хочу быть с ним. Сильнее всего на свете.

Спустя три часа я снова сидела рядом с Феновым, но теперь уже в аэропорту. Мы ждали посадку на рейс. Я была тихой, он молчал тоже. Буквально физически, на ощупь я чувствовала, как Гоша пытается побороть обиду, остановить кровь, что хлестала из его сердца. Да, он принял решение, он поставил меня перед фактом, но горечь никуда не делась.

Мы были едины, пока занимались любовью в студии, наплевав на весь мир. Но одежда, решения и реальность снова вернули обиду.

Я не смела даже за руку его взять, просто доверилась, просто ждала, когда он будет готов.

- Ты во многом была права, Ирс, - проговорил Феникс, едва самолет набрал высоту.

Я замерла, не в силах что-то ответить, даже посмотреть на него. Пришло время слушать.

- Когда говорила, что с Анфисой нужно договориться, понять и ее тоже. Ты мне это говорила, Настя, Мишка, даже Федор, а я не слушал. Уперся, как баран. А нужно было всего лишь прекратить орать на бабушку моей дочери. Как только я это понял, все стало проще. И сложнее одновременно, потому что ты уехала.

Он посмотрел на меня впервые после того, как вспылил после секса. Посмотрел тепло и с любовью. Мне снова захотелось плакать.

- Я искал тебя дома. Георгий Львович сказал, что ты улетела.

- Ты разговаривал с папой? – вскрикнула я. Прикусила губу, чтобы не посвящать весь салон в наш разговор.

- Да. Он у тебя, конечно, старой закалки, но нормальный мужик. И безумно по тебе скучает. Ты вся его жизнь, Ирсен.

Я часто заморгала. Слезы стыда и тоски жгли глаза. Звонила папе достаточно часто, но запрещала даже имя Гоши произносить и напрочь игнорировала грустные нотки в голосе отца. Я оставила моих самых дорогих мужчин, а они за это время, видимо, поладили. Чудеса.

- Он рассказал, как ты спешно улетала, как с Катей прощалась. Я отчасти тоже в этом виноват. Не хотел говорить тебе, что Анфиса в суд подала. Думал, что защищаю нас. Она ведь не опеку требовала, Ирс, а встречи с Катей, потому что я запретил им видеться после ее фокуса с фотками.

- То есть, она бы не смогла забрать у тебя Катю? – ошарашенно спросила я.

- Нет, конечно. Суд почти всегда на стороне родителя.

- Но твой адвокат, тот, Галанин?

- Мы говорили о том, чтобы вообще запретить бабушке общение с ребенком.

Я не сдержала эмоций:

- Гоша, да разве можно? У Анфисы же нет больше никого, только Катя. Она не со зла это все творит. Просто одинокая женщина...

Фенов рассмеялся, перебив меня раскатистым хохотом.

Он погладил меня по щеке, чмокнул в нос, в уголок губ. Наконец вернулась его потрясающая теплая улыбка, которая заставляла улыбаться в ответ.

- Вот за это я тебя люблю, детка. Ты умеешь жалеть даже старую каргу, которая изгадила всю нашу жизнь, - проговорил Фенов.

Да, я больная, наверно. Но злиться на Анфису Павловну долго не могла. А еще, зная, как Гоша бывает резок и категоричен, мне было ее действительно жаль. Представляю, что он наговорил ей. Ведомая иррациональной потребностью защитить бабушку Кати, я буркнула:

- Не такая она и старая.

- О, да, - подтвердил Фенов. – Теперь я тоже это понимаю.

- Теперь? – не поняла я. – Что ты имеешь в виду?

- Увидишь, - загадочно подмигнул он.

- Мне кажется, она все это творитла от нечего делать. Ей бы придумать какую-то работу или хобби, - начала рассуждать я вслух. - Она такая одинокая, Гош... Правда, я не

представляю, что было бы с моим отцом, если...

Фенов захохотал в голос. Весьма неуместно.

- Прости, детка. Прости. Ты права на все сто, - угорал он. – Анфиса сейчас при деле. И правда стала почти адекватной.

Я нахмурилась вновь.

- Что ты имеешь в виду? – опять спросила я.

А он снова бросил только:

- Увидишь.

Во время полета я пыталась Гошу, вытягивая все, что у них случилось, пока я отсутствовала. В подробностях. Оказывается, Катя, наконец, села на веревочку, а Бобсу сделали плановые прививки. Флинт не пожелал вернуться к Анфисе и теперь стал полноправным членом семьи. Сам Гоша закончил тату для Галанина, но уже рисовал для него новый эскиз, потому что модный адвокат хотел забить все плечо. Мишка с Настей подали заявление в ЗАГС, пригласили Гошу свидетелем, но только при условии, что он вернет меня домой.

Каждым новым открытием я все сильнее волновалась, понимая, что наконец возвращаюсь домой. И Гоша оттаивал. Он больше не смотрел на меня волком, не злился, не грубил. Он снова стал моим Фениксом. Сгорел и возродился. Слава богу, что у нас есть еще один шанс начать все сначала, быть счастливыми.

Сойдя с самолета, Гоша вызвал такси, и мы поехали домой. Я тихо радовалась, что он везет меня к себе, а не к отцу. Но папу я все равно очень хотела увидеть, о чем сказала Фенову.

Он в очередной раз хмыкнул и выдал:

- Увидишь.

Я начала сердиться. Это его «увидишь» уже стало раздражать. Едва сдержалась, чтобы не фыркнуть. Хорошо, что уже приехали.

- Всего один чемодан? – удивился Гоша, вытаскивая мой нехитрый багаж. – Я думал, приедешь из города Парижу с десятком.

Я скорчила ему рожицу за дразнилку.

- Я не шмоточница. Да и времени не было по магазинам ходить. Ничего толком и не видела.

- Ужас, - картинно возмутился он, затаскивая вещи по пандусу в подъезд. - Теперь только со мной поедешь. Научу, как работать и отдыхать одновременно.

- С тобой? - Я вскинула брови.

- Да. Я с твоим агентом договорился. Контракты мы подписываем вместе, работаем – вместе. Поменьше так, конечно, предложений будет, но с голоду не умрем. Да и нечего шататься постоянно по городам и весям. Мы тут живем или где?

Мне даже спорить не хотелось. Все-таки я не чувствовала себя моделью до мозга костей. Могла ею быть, но не прониклась любовью к профессии. Признаюсь, я даже скучала по своему аду в детской комнате. Работать с мелюзгой мне нравилось больше, чем стоять под софитами.

- Катя с няней? – спросила я, едва мы вышли из лифта.

Гоша хмыкнул.

- Зачем няня, если у нас есть бабушка и дедушка?

- Дедушка?

Я ослышалась?

Гоша пожал плечами и позвонил в дверь собственной квартиры. С той стороны послышался топот и Катин голос:

- Я открою, я открою. Сама. Я сама.

Дверь распахнулась, и больше я ничего не слышала, не видела. Только радостный

девичий смех и удушающие объятия. Слезы катились по щекам. Я стояла на коленях, обнимая Катю. Бобс с забрался на меня тоже и норовил облизать. Смеясь и плача одновременно, я понимала, что дома. И знала, что очень-очень-очень долго никуда не уеду.

- Ирсен, - услышала я голос папы.

Галлюцинации? Откуда он тут?

Сморгнув слезы, я посмотрела вверх. Действительно, папа стоял в прихожей Гоши и сам, похоже, едва сдерживал слезы.

- Дедушка Гера так ждал тебя, Ирсен. Мы все время спорили, кто сильнее скучает, - затараторила Катя.

- Пап.

Катя отпустила меня, и я поднялась, чтобы обнять отца.

- Я же говорил, что привезу ее, Георгий Львович, - самодовольно выдал Гоша за моей спиной. – Вы меня все время недооцениваете.

- Есть такое, - рвано засмеялся отец, тиская меня за плечи.

Он хлопнул Гошку по спине, когда тот покатиł чемоданы в гостиную. Катя отобрала у него маленький и везла сама, балдея от такой новой игрушки.

- Ты молоток, Арлекин.

Гоша хохотнул, но ничего не ответил. Да и в папином голосе не было пренебрежения, раздражения, недовольства. Скорее он дразнил его. Так же, как меня называл в детстве булочкой с маком из-за веснушек.

- Вы что теперь? Лучшие друзья? Сколько меня не было дома? – засмеялась я от счастья.

- Жизнь забавная штука, Ирсуль, - философски выдал папа, увлекая меня в гостиную. – Иногда обстоятельства складываются так, что заставляют менять мнение, привычки, планы. Ты должна знать это, как никто.

Я улыбнулась ему тепло и радостно, но тут же сникла, едва увидела в гостиной Анфису. Она стояла, как памятник посреди комнаты, обнимала себя за плечи, словно мерзла.

- Здравствуй, Ирсен, - проговорила почти ровно, но я все равно заметила дрожание в голосе.

Не Ира, не Ирина. Выучила имя. Молодец какая.

- Добрый день, Анфиса Павловна.

- Добро пожаловать домой.

Я поймала взгляд Гоши, но он лишь дернул бровями, словно эта вежливость была в порядке вещей. Повисла пауза, которую разорвала сама Анфиса.

- Пойдемте обедать. Мы вас заждались. Наверно, голодные с самолета. Там и не кормят теперь?

- Да лететь всего – ничего, Анфис Пална, но пока туда-сюда, конечно, не ели. Надеюсь, без масла жарили? – затараторил Гоша.

- Ты разрешал капельку, - отвечала она. – Руки мойте и садитесь.

- А я мыла, я уже мыла, - запрыгала Катя на одной ножке, радуясь такому тривиальному факту.

- Гошик, что происходит? – спросила я Фенова, пока мы были в ванной.

Он снова, как в первый раз, намывивал мне ладони под теплой водой. Я почти улетела в астрал от его ласковых рук, но не забыла удивиться.

- А что происходит? – недоуменно переспросил он. – Семья в сборе, встречаем блудную дочь. Я такой голодный, детка. Пошли ужинать, а то нечаянно могу сожрать тебя.

Он игриво куснул меня за шею. Я взвизгнула. Черт, забыла, какой он иногда вампир зубастый. Господи, как же хорошо дома!

Я думала, что будет неловко во время ужина, но отец и Катя приставали с расспросами о работе и других странах. Я старалась утолить их любопытство, отвечая подробно и с охотой. Даже Анфиса Павловна иногда что-то спрашивала, уточняла. Признаюсь, меня пугало ее дружелюбие еще сильнее враждебности. Да и выглядела она та, словно очень передо мной виновата. Очень-очень.

Она, конечно, сыграла свою роль, но все же вряд ли ее так впечатлило мое долгое отсутствие. Вообще в воздухе витало странное напряжение. Словно эти четверо знали то, что еще было мне неизвестно. И очень боялись мне сказать.

Когда все наелись, я встала, чтобы поставить посуду в машинку и вскипятить чайник. Старые привычки никуда не делись.

- Чайку в гостиной поьем, окей? – подмигнул Гоша. Не мне, а моему отцу.

Папа поднялся. Гоша взял Катю за руку и увел.

Вот значит как. Оставили с Анфисой. Она, очевидно, ожидала подобного поворота событий.

- Ирсен, ты бы посидела, я сама. Устала ведь с дороги.

Она забрала у меня тарелки, сама составила их в держатели. Я нечего ей не ответила, потянувшись за заварочным чайником, который Гоша обычно доставал, когда были гости. Анфиса перехватила мои руки, и я отпрыгнула, вырывая их. Касания ее прохладных пальцев мне совсем не хотелось. Она вздохнула тяжело, глядя на меня.

Я замерла, готовая ко всему. Настороженная и ученая.

- Я так виновата перед тобой, девочка, - проговорила Анфиса. Словно стрелу словами натянула и пустила мне в сердце.

- Я так виновата перед тобой, девочка, - проговорила Анфиса. Словно стрелу словами натянула и пустила мне в сердце.

Ее голос был таким печальным, а в интонациях действительно угадывалось огромное чувство вины и раскаяние. Я не знала, что ответить. Просто стояла и смотрела на нее. Анфиса продолжала.

- Я столько ошибалась в этой жизни. Особенно со Светой. Но так и не научилась видеть дальше своего носа. Мне так жаль, Ирсен. Я совсем тебя не знала и знать не хотела. Ты пришла ночью с Гошей, от вас пахло вином и... И я не выдержала. Света часто так приходила домой. С кавалером, пьяная, вела его в комнату, а к Кате даже не заходила. Я...

По ее лицу покатались слезы. Она смахнула их.

- Анфис Пална, - я сама взяла ее за руки.

- Да, я виновата сама. Запрещала ей все, думала дисциплина, контроль... А Светка только и ждала совершеннолетия и...

- Не надо, - попросила я. - Не терзайте себя. В этом нет смысла.

- Есть, Ирсен, - она подняла на меня влажные глаза. - Есть. Я должна была понять, что ты не такая. Но не разглядела, даже не попыталась. И Гоша имеет право быть счастливым. И Катя. А я ничего не видела за ревностью и злостью... Даже завистью.

Каждое слово было для меня потрясением. Мало того, что я в принципе никогда не слышала откровений от взрослой женщины, так еще и раскаяние, признание ошибок. Все это, мягко говоря, меня ошарашило. Но даже пребывая в шоке, я не преставала поглаживать прохладные пальцы Анфисы. Ей нужна была поддержка. Может поэтому она и продолжала говорить.

- Когда ты уехала, пришел твой папа. Ты знаешь, он у тебя замечательный. Он и с Гошей поговорил, и со мной. Велел нам мириться, потому что только тогда ты вернешься домой.

Я тихонько засмеялась. Не особенно представляла папа в роли посла мира, но очевидно, он начал скучать сильнее их всех, едва уехала. Все-таки мы с ним всю жизнь вместе.

- Ты знаешь, Гера очень переживал. Говорил, что тебя нужно вернуть, и ему все равно на наши дрызги.

Гера? Ого.

- Папа молодец, - я тоже всхлипнула.

- Да... И теперь я боюсь твоего осуждения, дорогая.

- Да что вы, Анфиса Павловна, за что мне вас судить? Давайте не будем ссориться больше. Вы нужны Кате, она вас так любит. Я очень рада, что Гоша больше не злится. Правда, я как другую реальность вернулась. И мне она очень нравится.

- Правда? - осторожно спросила Анфиса.

Я кивнула и тут же оказалась в ее порывистых объятиях. Оочень странно. Я вообще не большой фанат нежностей с незнакомыми людьми. А с теми, кто еще недавно хотел меня порвать на британский флаг, тем более. Анфиса, похоже, поняла это и тут же отпустила.

- Ох, я форсирую, да? Извини, пожалуйста. Ты и так для меня так много делаешь...

- Да я ничего не делаю, - изумилась я, пожимая плечами.

- Ты не против моего присутствия в вашей жизни - это уже очень много, Ирсен. Спасибо.

- Пожалуйста, – промямлила я рассеянно и все-таки достала чайник. – Пойдемте в гостиную. Катя, наверно, заждалась конфет к чаю.

- Конечно.

Анфиса достала корзинку со сладостями и отправилась к остальным. Я взяла минутку, заваривая чай, успокаиваясь. Составив на поднос чашки и чайник, присоединилась ко всем чуть позже.

Это был очень странный вечер. По-хорошему странный. Папа травил байки, стараясь фильтровать крепкие словечки, которые в обиходе на стройке. Гоша ржал, угадывая между строк все матюки. Катюша с Бобсом сидели тихие и блаженные. Девчонка под шумок уминала конфеты. Анфиса Павловна то и дело одергивала моего папу фразами типа: «Гера, держи себя в руках. Давай без подробностей при ребенке».

Я грела руки о чашку с чаем, впечатавшись в бок Гоши. Он не снимал руку с моего плеча, словно держал, боясь, что я снова убегу. Крепко держал. И целовал. То в макушку, то в щеку. Его не смущал ни мой отец, ни Анфиса, ни Катя. Я сама тоже не смущалась как ни странно. Все это было так похоже на... семью. Полную, счастливую. Возможно, именно так и ощущается счастье. Но я еще не была готова полностью им наслаждаться.

Около восьми вечера папа поднялся с дивана, кинул в рот орешек в шоколаде, хлопнул себя по коленям, объявил:

- Ну, пора и честь знать.

Я думала, что отец сейчас велит мне собираться, но он не успел добавить, а я начать отказываться.

Катя тут же подпрыгнула.

- Деда Гера, я с тобой!

- Что? – не сдержала я удивления, взвизгнув еще громче Кати.

- Кать, может все-таки с нами? – уточнил Гоша спокойно. Словно он через день отпускал дочь к почти незнакомому дядьке. Или они уже так тесно знакомы? Сколько меня не было тут? Год? Вечность.

- Да, Катенька, Ирсен ведь приехала. Ты не хочешь с ней остаться? – вступила обсуждение и Анфиса Павловна.

Я перестала что-либо понимать.

- Ирсен, ты уедешь сова? – серьезно спросила Катя, сверля меня своими темными глазами.

- Нет, - ответила я честно.

Меня из этого дома теперь можно вытащить только армейским тягачом. Если он конечно, рискнет.

- Тогда я поеду с дедой. Он поет песню про Комбата и Щорса, - выдала мелочь и отправилась в комнату переодеваться.

- Рюкзачок с вещичками на крючке в прихожей, - буднично напомнил Гоша. – Завтра в садик, как обычно. Заберу сам. Звякните утром, как сдадите. И много пить перед сном не давайте. Мало ли...

- Конечно, Гошенька. Не волнуйся, - заворковала Анфиса Павловна, начиная прибирать чашки с журнального столика.

- Ой, оставьте, я уберу, - попытался вклиниться Гоша.

Но бабушка не послушалась и сама отнесла посуду на кухню.

Отец прошел в прихожую, Катерина уже неслась одетая, сжимая под мышкой старого

друга кролика.

- Бобса заберем, - оповестила Анфиса, подошедшая тоже. – Как раз сейчас погуляем, а днем привезу.

- Ээээ, - протянула я, догадываясь, что они все вчетвером собираются ехать к папе с какой-то стати.

Отец снял с вешалки плащ Анфисы, помог надеть и нежно провел ладонями по ее плечам, расправляя невидимые сладки.

Меня осенило: они вместе!

Не придумав ничего сказать, я стояла с упавшей челюстью, пока Катя обнимала меня за коленки, папа целовал в щеку, а Анфиса смущенно улыбалась, пряча глаза.

Едва за ними закрылась дверь, я обернулась к Гоше. Паршивец пакостно ухмылялся, забавляясь моим удивлением.

- Они... Она.. Папа и... - говорила я сбивчиво, захлебываясь воздухом.

- Ага, - кивнул Феникс. – Быстро съехались. Я так думаю, Анфиса дурная была, потому что мужика хотела. Вся злоба от недоеба.

И он захохотал, сам собой довольный.

- Гоша! – Я треснула его по плечу. – Это же папа мой.

- Да он мужик хот куда, Ирс, - продолжал ржать Фенов. – Ты против что ли?

- Нет, но... ау!

Я взвизгнула, потому что Гошка подхватил меня на руки.

- Ну их нафиг, детка. Забей. Сейчас я тебя заставлю забыть обо всем.

- Самоуверенно.

Я тоже засмеялась, понимая, что перемены все поворачивают к лучшему. Если папа и Анфиса нашли друг друга, мне остается только порадоваться. Со временем я смогу это принять. Наверно. А сейчас лучше даже не думать, а расслабиться, потому что Гоша слов на ветер не бросает. Одни в доме – это круто.

Фенов занес меня в спальню, поставил на пол. Пока он стаскивал майку, я огляделась. Здесь все было точно так же, когда я уезжала. Даже мои книги лежали на тумбочке, на стуле висела сброшенная второпях утром сорочка.

Он не собирался меня забывать. Он ждал момента, чтобы вернуть меня... домой. Обернувшись к Гоше, я увидела его с голым разрисованным торсом. В глаза тут же бросилось кровоточащее сердце. Я накрыла его ладонью, погладила, прижалась губами.

- Прости, - прошептала я. – Прости, что уехала. Прости, что бросила тебя.

Феникс сжал мои плечи.

- Квиты, малыш. Я ведь тоже так думал. Только после разлуки понял, что нам нельзя врозь. Я не сержусь, Ирсен. Я понимаю. Надеюсь, ты теперь – тоже.

- Никуда больше не уйду, - подтвердила я.

- Вот и круто.

Гошик взял меня за подбородок, поднял голову, чтобы я смотрела ему в глаза.

- Давай поженимся, Ирс.

- Тебе все таки нужны гарантии, что я не сбегу? – поддразнила я его. – Или полная семья для Кати?

- Нет. Мне просто нужна ты. Всеми возможными способами, которые есть в этом паршивом мире.

- Я не против.

Гоша улыбнулся и накрыл мои губы своими. Я растворилась в поцелуе, позволяя страсти захлестнуть с головой. Этой ночью я отдавалась ему всеми способами, какие только возможны, а утром мы поехали в ЗАГС.

Оказывается, чтобы жить долго и счастливо иногда нужно сгореть обоим, а потом возродиться для долгой дороги бок о бок. Как здорово, что у нас есть еще один шанс, начать все сначала. Мне повезло полюбить Феникса.

Канун нового года в тату салоне – это то еще веселье. Почему сначала мне показалось неуместным устроить семейную вечеринку именно там? Учитывая, что Мишка с Гошей, как братья, бизнес у них семейный. Да и постоянные клиенты – все друзья.

Звякнул колокольчик, и я легонько пихнула бедром Аньку.

- Галанин пришел.

- Твою мать, - ругнулась подруга, больно схватив меня за руку. – Какой же он классный.

Где, говоришь, тут отдельные апартаменты?

Я ойкнула и вытащила пальцы из ее хватки.

- Вон, где пирсинг Настя делает. Но если она там найдет хоть каплю натурального протеина, открутит голову.

- О-о, подруга, - не спустила мне Анька, - Похоже, ты это не понаслышке знаешь.

- Нет-нет. Все в теории, - безбожно врала я.

- Знаю я твои теории.

Она скривила лицо в гримасе, и мы рассмеялись.

- Если я оболую его шампанским, нормальный подкат? – продолжала дурить Аня.

- Лучше сразу измажь брюки кремом с торта и предложи застирать. Смотри-ка, он к нам идет сам. Давай, подруга, не теряйся.

Федор действительно решил первым делом поприветствовать меня. Наверно, потому что мы стояли ближе всех к входу. Он небрежно сбросил пальто на спинку дивана. Да, Федя, конечно, хорош. Высокий, подтянутый, симпатичный. И этот пиджак, надетый на майку, - очень сексуально.

Я покосилась на Аню. У нее разве что слюни не капали изо рта. Она замерла, как замороженная. С ума сойти, первый раз ее такой вижу. Обычно с мужиками моя прагматичная подружка не церемонится, это они ползают за ней, истекая жидкостями, а тут...

- Ирсен, - поприветствовал меня Федя невесомым поцелуем в щеку. – Привет.

- Привет, - откликнулась я, дернув Аню за руку, чтобы она отмерла уже. – Это моя подружка Аня.

- Приятно, - оповестил Галанин, пожимая ее руку.

- И мне, - пискнула эта роковуха.

- Мы с вами нигде не встречались? Лицо знакомое.

- Да, в суде, - продолжала отвечать Аня голосом птички-невелички. - Я у Мохова на стажировке.

- Точно. – Федор скривился. – Сочувствую, Мохов такой придурок.

- Так заberi Аню к себе, вклинилась я не без ехидства.

- О, так я еще хуже, - захохотал он, стаскивая пиджак. – Жарко у вас тут.

Федя остался в одной майке с короткими рукавами, и Аня схватилась за меня снова, видимо чтобы не упасть. Ну да, разрисованные чернилами бицепсы Галанина весьма эффектны. Я бы тоже впечатлилась, но у Гоши лучше. Он вообще лучше всех. Потому что мой. Мой муж.

Кстати, где он?

Гоша стоял в дальнем углу зала, болтал с одним из клиентов. Я не могла смотреть на это

чудо без улыбки. В строгих брюках, на которых лично нагладил стрелки, в майке алкоголичке, которая открывала разрисованные руки и грудь, а на шее болталась свернутая на бок бабочка. Я прикусила губу, потому что он выглядел безумно соблазнительно. Гоша тут же поймал мой взгляд, словно почувствовал, что я его ищу. Улыбнулся, подмигнул. Я ответила воздушным поцелуем. Нам нужно было поговорить, но чтобы до него добраться, я должна была буквально пройти квест.

Сначала наткнулась на папу, которого Мишка уже полчаса уговаривал выбить на плече черепушку с горящими глазами. Отец отбивался, как мог, а Анфиса Павловна стояла рядом и посмеивалась.

- Я вам говорю, Георгий Львович, эта башка приносит удачу. Тем более огоньки в глазах Катерина придумала. Вы же не откажете внучке.

Он тыкал ему в лицо Катюшкин рисунок, как лучший аргумент.

- Отстань от меня, Медведь, - вяло отбивался папа. – Налей лучше.

Мишка фыркнул, потянулся за шампанским.

- Папа, - тут же вклинилась я. – Тебя нельзя. Помнишь, как на свадьбе у нас прихватило? Ты вообще ел?

- Я слежу за ним, Ирсуль, - заверила меня Анфиса, собственнически похлопывая папу по плечу.

- Женщины, - буркнул Мишка. – Хорошо хоть моя при деле и не пасет.

- Где твоя женщина, кстати? – вклинилась я снова, обращаясь к Мише.

- Да вон с Катюхой.

Я проследила, куда кивнул здоровяк. Настя действительно сидела рядом с Катей на рабочем месте Гоши. О боги, ребенка спасет то, что она ребенок, а Настю только то, что она скоро станет матерью. Эти двое расположились и затихли, потому что Настя рисовала на лице Катерины. Я сначала подумала, что она делает детский аквагримм, но нет. Все повзрослому.

- Катюш, а папа разрешал? - поинтересовалась я, подходя к ним.

- Папу не спрашивали, - ответила за нее Настя. – Папа занят.

- Я потом сразу умоюсь. Пожалуйста, Ирсен, - заныла засранка. – Почему тебе можно, а мне – нет? Хочу, как ты на тех фотографиях.

- Ох, ладно, ладно. Только бы Гоша не увидел.

- А как же папа меня сфотографирует, если не увидит?

- Никак.

- Давай мы сфоткаем, - тут же предложила Настя.

Катя согласилась, конечно. Разумеется, мы провозились около часа. Я бдила, чтобы Гоша нас не заметил, Настя старательно наводила красоту, а Катя тараторила без устали, как она мечтает стать моделью. Как я.

Фенова от этих разговоров уже бы сто раз разорвало на мелкие кусочки. Катя только заикалась, он тут же вскипал. Глупый, она еще сто раз передумает. Пока это просто пример родителей, чтобы подражать или скучать поменьше, когда мы с Гошей уезжаем.

Загашив Катерину в пирсинговую, я молилась, чтобы не зашел Гоша и не ввалились Аня с Галаниным, которые, похоже, и правда поладили.

Пронесло. Настя отфоткала модную мелочь и повела умываться.

- Папе ни слова! – твердо сказала Катя.

Я козырнула.

Да, мы иногда вступали в девчачий сговор. Гоша порой был невыносим со своей ревностью и категоричностью. Приходилось идти на уловки. Ну откуда ему знать, как хочется девочке залезть в мамину косметичку. Даже я в детстве разок стащила старую теткин тушь и неумело намалевала глаза. Помню, папа хохотал, как сумасшедший. А вот Гоша точно бы за это устроил разборки.

Но в остальном он был идеальным. Мужем, отцом, даже зятем. Вспоминая первичную папину негативную реакцию, я только посмеивалась. Теперь они были чуть ли не лучшими друзьями. Гошка часто помогал отцу с домом, папа регулярно забирал Катю. Ну а Анфиса прониклась ко мне едва ли не материнской симпатией. Сначала мне было от этого неуютно, но потом я привыкла к ее гиперопеке и регулярным нравоучениям. Все-таки педагог. Возможно, я тоже такой стану.

- О чем задумалась, красавица?

Сильные руки обвилились вокруг моей талии, утягивая в сторону пирсинговой комнаты. Я вздрогнула о неожиданности, но тут же расслабилась.

- Гошка...

- А ты кого ожидала увидеть? – хохотнул он, захлопывая дверь ногой. – Специально меня игноришь весь вечер?

Фенов нахально улыбался, подталкивая меня к тому самому столу, на котором не должно быть натурального протеина. Я пяtilась, посмеиваясь и одновременно опасаясь, что он задумал пошлую пакость.

- Я весь вечер пыталась до тебя добраться, но то одно, то другое.

- О, серьезно? Зачем я тебе понадобился? За этим?

Гоша посадил меня на стол. Я взвизгнула. Он положил ладони мне на бедра, начал поглаживать, пробраясь все дальше и дальше под юбку.

- Гошик, там толпа народа за дверью. Могут войти...

- Не войдут, успокоил он меня.

- Я поговорить хотела.

- Говори.

Гоша целовал меня. Его губы были кисло солеными, а дыхание пьянило. Пил текилу. Немного, но достаточно для маленького эротического хулиганства. Этот вкус и аромат возбуждал, заставляя вспоминать, как мы первый раз занимались любовью именно здесь. Я могла повторять это сотни раз. Тысячи. Бесконечно.

Фенов скользнул губами на мою шею и все настойчивее ласкал пальцами внутреннюю сторону бедер. Я вспыхнула, вцепилась в его плечи.

- Гош, там за дверью твоя дочь, мой отец и куча гостей, - напомнила я, еще держась за мораль и реальность.

- Вот пусть там и остаются. Ты об этом хотела поговорить?

- Нет, я... Ох...

Его палец, наконец, добрался до трусиков, погладил уже влажную ткань и тут же пробрался внутрь. Все, больше я не пыталась притворяться приличной. Руки сами скользнули под майку, чтобы гладить крепкую грудь, пощипывать соски, вырывая из Гошиного горла приглушенные стоны.

- Детка, - рыкнул он, когда я застонала, выгибаясь и ёрзая навстречу движениям его пальцев. – Хочу тебя, Ирс. Как дурак со стояком весь вечер. Потрясное платье.

Я сцеловала комплименты с его рта, не забыв одарить в ответ.

- Ты себя в зеркале видел? Женись на мне, Феникс.

Гоша хохотнул.

- Так я уже?

- Уф, черт. Повезло мне.

- О, да. Ты просто везунчик, малыш. Так люблю тебя, Ирсен.

- И я тебя.

Не знаю, что на нас нашло. От дефицита в сексе мы не страдали. Может просто захотелось пикантного, запретного. Ладно у меня немного поехала крыша. А он? Ох, так он всю жизнь немного с приветом, озабоченный, еще и помешанный на мне.

Мы не раздевались. Гоша расстегнул свои брюки и отодвинул в сторону мои трусики. Я вдавила ногти ему в кожу, ощутив первый мощный толчок и нарастающий ритм безумия, вперемешку с запретным удовольствием.

- Будет быстро, - предупредил Феникс.

- Ох, хорошо, потому что я долго не протяну.

Он простонал, поощренный таким заявлением и крепче сжал мои бедра.

- Это ужасно, - хныкала я несколько минут спустя, едва держась на ногах, пока Гоша протирал салфетками стол.

- Да ладно. Не сходи с ума. Зато весело, - усмехнулся муж.

- С тобой не соскучишься.

- Поэтому ты за меня и вышла.

Гошка выкинул салфетки, притянул меня к себе, тиская за попу.

- Я ведь хотела сказать тебе...

- О, серьезно? – начал издеваться Гоша. – На самом деле хотела? Я думал, это коварный план моего соблазнения.

- Дурак, - я треснула его по груди. Гоша снова сжал мой зад, заставляя меня потереться о его пах. Мда, можно было бы продолжать, но я уже протрезвела. – Мне звонил Алекс.

- А, знаю. Мне тоже. Едем в Токио через неделю?

- Да, - покивала я, подтверждая. – И это, пожалуй, последние съемки... в ближайшее время.

- Поседние? – Гоша приподнял бровь. – Надоело? Или что-то случилось?

- Случилось. Я беременна, Гош.

Он вздрогнул.

- Серьезно?

- Абсолютно.

- Но мы же...

- Да, отели подождать, но раз уж...

Я собралась уже запаниковать из-за странной реакции Гоши, но он тут же подхватил меня под попу, поднял и закурил.

- Офигеть, Ирс! Так круто! – и он тут же зачистил. – Слушай, ну точно, теперь никаких перелетов и съемок в жопе мира. А твои мелкие? До лета доучивай их, а новую группу не бери. Блин, детка, у нас будет еще один мелкий козав. Эй, а когда мы заделали?

Он снова посадил меня на стол. Я счастливо засмеялась, ответила:

- Когда ты говорил, что успеешь. Видимо, не успел.

Гоша беспечно пожал плечами.

- Ну и ладно. Зато я успел со всем остальным.

- Это точно.

Я положила ладони ему на щеки и уже почти коснулась любимых губ своими, чтобы поблагодарить за такую волшебную неуспеваемость, как в комнату ввалились... Аня и Федор.

Они даже не сразу заметили нас, потому что тут же принялись жарко целоваться, едва закрыли дверь.

- Хей, тут занято, - гаркнул на них Гоша. – Снимите номер, извращенцы.

Анька пискнула, а Галанин лишь улыбнулся, мазнув по Гоше туманным взглядом.

- Я тебя понял, Феникс, - ответил он весело и потащил мою подружку обратно в зал. Когда мы с Гошей вышли, этих двоих уже след простыл. Но это уже совсем другая история.